

LOGOS

А. В. СОКОЛОВ

ДУМЫ

О БИБЛИОЛОГОСЕ –

КНИЖНОМ

РАЗУМЕ

Библиологическое эссе

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

А. В. Соколов

**ДУМЫ О БИБЛИОЛОГОСЕ –
КНИЖНОМ РАЗУМЕ**

Библиологическое эссе

Санкт-Петербург
2023

УДК 002.2:008
ББК 78.001+76.100.0

C59

Монография издается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Рецензенты:

Н. К. Леликова, доктор исторических наук, заведующий отделом библиографии
и краеведения (ОБиК) Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург

М. Н. Колесникова, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой библиотековедения и теории чтения
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Соколов, Аркадий Васильевич

C59 Думы о Библиологосе – Книжном Разуме: Библиологическое эссе / А. В. Соколов ;
М-во культуры РФ, Санкт-Петерб. гос. ин-т культуры. – Санкт-Петербург : СПбГИК,
2023. – 176 с.

ISBN 978-5-94708-355-2

Эссе отражает библиологическое философско-культурологическое знание относительно зарождения и динамики развития библиосферы (мира книжной культуры) и Книжного Разума (Библиологоса) в истории человечества и России. В качестве научной идеи Библиологос цивилизованного общества понимается как производительная сила коллективного разума, обеспечивающая создание, развитие, использование библиосферы. Реальная производительная сила представляет собой материально-духовное единство социальной группы интеллигентов-книжников и созданного ими научного и технологического знания об истории, современном состоянии и перспективах национальной библиосферы. Рассмотрены биологические и археологические предпосылки возникновения книжной культуры и периодизация развития Библиологоса с античности до XXI века. Особое внимание уделено становлению классического Книжного Разума в век Просвещения и формированию литературоцентризма русской интеллигенции. Внимательно анализируются проблемы конкуренции библиосферы и информационно-цифровой сферы и выдвинутые в наши дни библиотечно-информационные стратегии глобального, национального и отраслевого масштаба. Обзор современного состояния и перспектив развития Российского Библиологоса завершает эссе.

УДК 002.2:008
ББК 78.001+76.100.0

ISBN 978-5-94708-355-2

© А. В. Соколов, 2023
© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Санкт-Петербургский
государственный институт культуры», 2023
© Оформление ФГБОУ ВО СПбГИК, 2023

Оглавление

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ	5
Библиологическое вступление	5
Актуальность российского Библиологоса	9
Формула человечности и Тезаурус ключевых слов	13
ДУМА 1. ЗАРОЖДЕНИЕ БИБЛИОСФЕРЫ И БИБЛИОЛОГОСА	23
1.1. Биологические и археологические предпосылки мифологии	24
1.2. Неолитическая революция, осевое время, зарождение библиосферы	29
1.3. Античный Библиологос и логосфера до Гутенберга	33
ДУМА 2. КЛАССИЧЕСКИЙ БИБЛИОЛОГОС В ЕВРОПЕ И В РОССИИ.	37
2.1. Философско-культурологическая Идея классического Библиологоса	38
2.2. Возрождение. Просвещение. Кorteж революций.	48
2.3. Российский классический Библиологос	57
2.4. Советские интеллигенты-книжники.	65
ДУМА 3. НЕКЛАССИЧЕСКИЙ БИБЛИОЛОГОС.	81
3.1. Неклассические альтернативы книжности	82
3.2. Информация и информатизация	89
3.3. Информационная революция и информационное общество	100
3.4. Цифровая мантия Библиологоса	103
ДУМА 4. НООСФЕРА И СТРАТЕГИИ БИБЛИОЛОГОСА	113
4.1. Ноосфера – стадия эволюции человечества.	114
4.2. Стратегическое планирование ноосферного Библиологоса	121
4.3. Стратегическая антиномия библиотечного дела	133
4.4. Библиологос – стратегический ресурс книжной культуры.	135
Постскриптум. Опережающее библиотечно- информационное образование	165
Рецензии.	170

Интеллигентам-книжникам посвящается

Предуведомление

Библиологическое вступление

Уважаемые коллеги, труженики российского книжного дела! Позвольте пояснить терминологию, использованную в заглавии. Хотя всякая книга является продуктом разумной деятельности людей, термин «Книжный Разум» отсутствует в библиотечных учебниках, книговедческих словарях и энциклопедиях. Тем более является неологизмом его мифологический синоним – словосочетание «Библиологос», смысловую структуру которого образуют два понятийных центра: «библио», который ассоциируется с понятием «книга» в общеизвестных словах «библиотека», «библиография» «библиосфера», и древнегреческий «логос» (λόγος – слово, мысль, смысл, понятие) напоминающий о «логике», «разуме», «истине». Получается логическое произведение (конъюнкция): **Библиологос** – это «*Книжный Разум*», воплощающий *идею единства* противоположных субстанций – двух начал человеческой культуры: «материи» в виде материального изделия «книга» и «духа» в виде идеального предмета «разум». Правда, официально российские библиотеки ни к какому «Логосу» отношения не имеют. В Федеральном Законе «О библиотечном деле» (редакция от 02.07.2013 № 185-ФЗ) сказано однозначно: «библиотека – информационная, культурная, просветительская организация», а не центр логосферы. Международная Федерация библиотечных ассоциаций (ИФЛА) на своих форумах, посвященных актуальным проблемам библиотечного дела и библиографической деятельности, иногда использует слово «логос» но никак не «Библиологос».

Конечно, реальное возникновение и развитие в книжной культуре библиотечных сетей, библиографических систем и библиосферы в целом происходит не стихийно, а при обязательном, хотя и анонимном, участии Книжного Разума. *Целью настоящего эссе*, в котором обобщены некоторые результаты философско-культурологических исследований автора, является научное обоснование идеи Библиологоса, воспроизведение исторической динамики и анализ его современного состояния ради определения перспектив развития Книжного разума в условиях постиндустриальной цивилизации. Учитывая экзотичность Библиологоса, для достижения поставленной цели используется не столько типичная научная

методология, сколько *былинно-творческий жанр*, известный в русской словесности как «дума». Дума в данном случае понимается как откровенные размышления автора на жизненно важные, экзистенциальные темы. Причем в былинах допускается сочетание исторической основы с умеренной долей фантазии и вымысла. Классическим примером таких размышлений является стихотворение М. Ю. Лермонтова «Печально я гляжу на наше поколение ...». Широко известны «думы» К. Ф. Рылеева и А. В. Кольцова, а также раздумья А. А. Фета и К. К. Случевского. Отечественная поэзия, опасаясь «иссушить ум наукою бесплодной», никогда не уделяла внимания ни мифологической, ни реальной фигуре Библиолога, но мы все же решили посвятить ему, пусть и в прозаической форме, неформальные раздумья о генезисе, эволюции и творческой миссии Книжного Разума. Рискнем в качестве библиологического вступления привести три авторитетных аргумента в пользу безусловной разумности «мира книг».

В XVIII столетии гениальный мыслитель *Иммануил Кант* (1724–1804), размышляя о путях достижения идеала высшего блага и конечной цели чистого разума, сформулировал три мировоззренческих вопроса: 1) Что я могу знать? 2) Что я должен делать? 3) На что я могу надеяться?¹ По мнению философа, на первый вопрос отвечает теория познания, на второй – мораль, на третий – религия, но в сущности все они сводятся к одному антропологическому вопросу – Что есть человек в его целостности?² Целостность человека как личности и человечества как космического субъекта воплощена в Книжном Разуме, ибо книжные фонды – итог познавательной деятельности людей, а чтение книг – надежный путь приобретения разумным человеком желанных знаний. Как удостовериться в объеме человеческого разума? Для этого целесообразно обратиться к многомиллионным фондам книг, хранящимся в наших библиотеках, а в качестве морального руководства в читательской деятельности принять критерий свободного доступа к общечеловеческому книжному наследию. Таким образом, мировоззренческие заветы автора «Критики чистого разума» сводятся к категорическому императиву: ***люди, читайте, читайте книги! приобщайтесь к Книжному Разуму!***

---

¹ Кант И. Критика чистого разума. М.: Издательство Эксмо, 2015. С. 138–139.

² Гуревич П. С. Философская антропология: учеб. пособие. М.: Издательство «Омега-Л», 2010. С. 84–89.

Другим убедительным аргументом в пользу Книжного Разума можно считать «мысленный эксперимент» сэра *Карла Раймунда Поппера* (1902–1994) – одного из ярких европейских мыслителей XX века, идейное наследие которого до сих пор обсуждается в современном философском дискурсе. Мироззренческой ценностью обладают его теория критического рационализма и роста научного знания³, критика стереотипов историцизма, либеральная идея «открытого общества». Идея Книжного Разума содержится в концепции «трех миров», разработанной Поппером в 70-е годы⁴. В этой концепции постулируется существование во Вселенной трех миров (универсумов): во-первых, мир физических объектов и физических состояний; во-вторых, мир субъективного знания в виде мыслительных (ментальных) отражений первого мира; в-третьих, мир объективного знания, мир содержания книг, журналов, библиотек, письменных текстов (документов) и произведений искусства, концентрирующий Книжный Разум независимо от его создателей. Отмечается генетическая преемственность миров: физическое порождает ментальное, а ментальное – идеальное, но подчеркивается, что третий мир объективного разума обладает саморазвитием, ибо содержащиеся в нем смыслы могут порождать следствия, превосходящие замыслы их создателей.

Три мира связаны так, что первые два могут взаимодействовать и последние два могут взаимодействовать друг с другом, а первый мир и третий мир способны контактировать только через посредство второго мира, мира субъективного опыта. При этом различаются два рода знания (мышления): живое знание (мышление) в субъективном мире (Мир-2), обусловленное состояниями живого разума, сознания и способом взаимодействия с первым и третьим мирами, и овеществленное книжное знание в объективном мире (Мир-3), состоящее из продуктов разума, воплощенных посредством языков, созданных людьми в процессе их жизнедеятельности. Книжный Разум в значительной степени автономен, хотя мы постоянно воздействуем на него и подвергаемся воздействию с его стороны. Автономия третьего мира и его воздействие на второй и опосредованно на первый миры представляют собой один из самых важных факторов роста знания человечества.

³ Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

⁴ Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.

Карл Поппер уделил серьезное внимание функционированию книги в структуре Вселенной. Всякая книга Мира-3, согласно Попперу, содержит объективное знание, независимо от того, прочитает ее кто-нибудь или не прочитает. Третий мир есть естественный продукт человеческого социума, подобно тому, как паутина является продуктом поведения паука, поэтому Книжный Разум всегда отражает живой человеческий разум. Настаивая на самостоятельном и независимом существовании Мира-3, Поппер предлагает следующий *мысленный эксперимент*. Представьте себе, что уничтожены все наши машины и орудия труда, а также все субъективные знания и навыки, позволявшие пользоваться ими. Восстановится ли цивилизация? Да, отвечает Поппер, если при этом сохранятся библиотеки и наша способность читать и понимать книги, то есть сохранится Книжный Разум. В противном случае для восстановления цивилизации потребуются тысячи лет. Следовательно, Книжный Разум является гарантом взаимодействия различных миров Вселенной и генезиса книжной культуры. Упрощая сказанное для условий современной цивилизации, концепцию трех миров К. Поппера можно представить в виде триады: Космос (неживая материя) + Жизнь и живое человеческое мышление + Культура книжная и Книжный Разум. Таким образом, Книжный Разум обретает определенное место в структуре «трех миров».

Наконец, в отечественной словесности поучительным примером взаимодействия живого субъективного разума и объективного книжного знания может служить «Предуведомление», которым *Василий Степанович Сопиков* (1765–1818) счел нужным в 1813 году начать свой «Опыт Российской Библиографии, науки совершенно новой в нашем отечестве». Заслуживают внимания те доводы во славу ученого библиографа, владеющего *Книжным Разумом*, которые прозвучали в «Предуведомлении» и даже были адресованы автором «Его императорскому величеству, всемилостивейшему государю Александру Павловичу». С чувством собственного достоинства верноподданный книготорговец Василий Сопиков заявлял: «Библиография из всех человеческих познаний есть самая пространная наука. Посвятившему себя оной беспрестанно надлежит заниматься рассматриванием сочинений, как древних, так и новейших писателей. Языки, Логика, Критика, Философия, География, Хронология, История, Палеография и Дипломатика суть самые необходимые для него науки». Далее говорится, что книгохранителем является Библи-

отекарь, «кому поручено привести Библиотеку в надлежащий порядок. Должность Библиотекаря столь же важна, сколько познания его должны быть обширны. Все, что сказано было о Библиографе, относится совершенно и к Библиотекарю». В заключение В. С. Сопиков заметил, что Библиотекарю-библиографу надлежит быть «совершенно чужду всех предрассудков: философических, богословских, политических, исторических и прочих. Обязанность его бывает еще священнейшею, когда любопытное юношество, жаждущее всякого рода познаний, имеет в нем надежного и просвещенного руководителя, открывающего ему чистейшие источники»⁵. Несомненно, что библиотечных тружеников начала XIX века, служителей Книжного Разума, «отец русской библиографии» почитал, говоря современным языком, *интеллигентами-книжниками*, точнее, – «научной элитой Библиологоса». Надеюсь, что приведенные доводы авторитетных мыслителей убедили интеллигентных читателей и профессиональных служителей Книжного Разума в необходимости логического определения и теоретического обоснования идеи Библиологоса в контексте современного библиотековедения, библиографоведения, книговедения. Однако эти доводы не отвечают на волнующий нас сегодня вопрос: почему сделалась актуальной проблема Библиологоса – Книжного Разума именно в наши дни? Остановимся специально на этом вопросе в нашем предуведомлении.

Актуальность российского Библиологоса

На минувший XX век, как и предсказывал Александр Блок, легла «черная тень Люциферова крыла», а в начале наступившего столетия кризис человечности и кризис книжности стали привычной «злойбой дня». До XX столетия человечество почитало себя *бессмертным*. В войнах и революциях могли исчезнуть государства, погибнуть отдельные народы и культуры, но человечество в целом оставалось и продолжало свою историю. Теперь же возникла парадоксальная ситуация: умножая технологическую мощь, человечество становится заложником адских орудий массового уничтожения, которые само изобретает. Не менее важной проблемой является нарастающий экологический кризис и ухудшение климата. Биологическому роду *homo sapiens* угрожает антропологический кризис, выражающийся в патологических мутациях генофонда человечества

---

⁵ Сопиков В. С. Опыт Российской Библиографии / под ред. В. Н. Рогожина. Часть 1. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1904. 102 с.

вследствие ослабления факторов естественного отбора, демографических деформаций, пандемии и т. д. Программы искусственного изменения генетики человека сопрягаются с не менее опасными проектами манипулирования его психикой. Глобальные масштабы приобретают геополитические холодные и информационные войны, международный терроризм, подавляющий робкие попытки национальных государств сохранить свою идентичность и суверенитет.

Внутри цивилизованных стран нам угрожают: вырождение и духовная деградация населения, этические деформации, беспредельное эгоистическое корыстолюбие и аморальное потребительство, утрата чести, совести, стыда во всех слоях общества. Сегодня стали обыденными дисфункция книжного чтения и отток читателей из общедоступных библиотек; сокращение книгоиздания и деформация книжного рынка (преобладание пошлой коммерческой культуры, постоянный рост цен на книги, вытеснение интеллектуальной литературы); кризис ретроспективного библиографического поиска, свертывание библиотечных сетей, вытеснение книжной культуры цифровой экономикой и культурой. Остается надеяться, вспоминая Канта, что в условиях хаотической пандемии глупости и невежества именно Библиологос сможет стать интеллектуальной вакциной, предоставляющей ресурсы книжной культуры (в том числе религию, литературу, искусство, науку, философию) для вразумления человечества.

Мировое сообщество в XXI веке начинает осознавать, что человечество стоит перед роковой дилеммой «Хаос или Логос»: либо мы уже в середине текущего столетия свалимся в пучину Хаоса и деградации, либо сумеем мобилизовать интеллектуальные и технологические ресурсы для формирования на нашей планете общечеловеческого Царства Разума, именуемого «Ноосфера». Однако уверенности в торжестве Разума у нас нет. Исторический опыт Нового времени показал дефицит Логоса на нашей планете. Гениальный Альберт Эйнштейн (1879–1955) любил подурачиться и ерничал: «Есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Хотя насчет Вселенной я не уверен». Древние греки, отождествляя Разум с Логосом, как разумной основой существования мира, уверенно утверждали: когда не хватает Логоса, это еще терпимо, но когда хорошо без Логоса – это уже плохо.

Российская книжность, представляющая собой национальную библиосферу, переживает не лучшие времена. Генеральный директор издательства «Директ-Медиа» Константин Николаевич

Костюк в одной из своих монографий не без боли душевной пишет о «систематическом и безжалостном кризисе книги: падение книжных продаж, объемов выпуска, тиражности, листаж. Кризис книги виден и невооруженным взглядом на фоне всплеска новых медиа-, аудио- и видеопродукции, СМИ и, конечно, Интернета»⁶. Встревоженный издатель задается вопросом: «Бумажная книга дорога нам не как товар, а как ценность, как символ нашей культуры, равного которому у нас нет. То, как книга приживется в новой медийной среде, – загадка с большим знаком вопроса»⁷. Вместе с тем общеизвестно, что именно книжное, интеллектуально-экзистенциальное, а не досугово-развлекательное, чтение формирует духовно развитого и социально ценного человека. Исполнительный директор Ассоциации интернет-издателей Владимир Харитонов, задавшись вопросом «какими словами можно сказать о том, что происходит с российской книжной индустрией?», предложил на выбор два диагноза: *катастрофа* или *системный кризис*⁸. Хочется надеяться, что российская библиосфера переживает «кризис», пусть даже «системный». Ведь «кризис», как известно, ассоциируется с переходным состоянием, ведущим к улучшению или ухудшению состояния больного, а «катастрофа» – это летальный исход.

Геополитические задачи, решаемые российским Библиологом XXI века, особенно осложнились после начала 24 февраля 2022 года специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации Украины. Конфронтация между «коллективным Западом» во главе с США и олицетворяемым Россией «русским миром» приобрела форму «столкновения цивилизаций», защищающих противоположные ценности всеми военно-политическими, финансово-экономическими и информационно-идеологическими средствами. Западные стратеги, рассуждая о глобальном устойчивом развитии человечества и либерально-демократических правах человека, стремятся превратить Россию в международного изгоя, чуждого мировой науке и искусству, лишенного доступа к культурно-историческому наследию и текущему диалогу культур. Крупнейшие мировые издательские фирмы отказываются обслу-

---

⁶ Костюк К. Н. Книга в новой медийной среде. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 7.

⁷ Там же. С. 9–10.

⁸ Харитонов В. Катастрофа или системный кризис? // Университетская книга. 2015. Октябрь. С. 72–73.

живать российские библиотеки; некоторые научные организации заявили о прекращении сотрудничества с Российской академией наук (РАН). Дискриминационные русофобские санкции вынудили российское образование отказаться от международного взаимодействия и приступить к разработке собственной стратегии развития на долговременную перспективу. Россия оказалась в условиях нарастающего международного хаоса, разрыва исторически привычных экономических, информационных, культурных взаимосвязей. Не исключается перспектива длительной и тяжелой борьбы за выживание российского государства и общества в остро конкурентном и агрессивном мире.

В подобной критической ситуации актуально выдвижение конструктивной «Русской идеи», общенародной государственной идеологии, служащей не только для мобилизации духовных сил общества, но и в качестве практического инструмента внутренней и внешней политики⁹. Российская интеллигенция, в том числе и труженики книжной культуры, не могут остаться в стороне. Роль Библиологоса в развитии «Русской идеи» и гуманизации постиндустриального российского общества кажется весьма важной и ответственной. Тем более, что ведущие библиотечные политики и менеджеры, устами которых вещает всемирный библиотечный разум, почти хором повторяют: «библиотека – инвестиция для развития общества», «библиотеки – инструмент развития общества», «сильные библиотеки – сильное общество», «очень важно вырабатывать новый менталитет» и т. д.¹⁰ Однако никто из библиотечных лидеров о Библиологосе не упоминает, хотя понятно, что без продуманной программы развития Книжного Разума библиотеку можно преобразовать в кафе-шантан, но никак не в «движущую силу развития общества». Отсутствие в профессиональном мировоззрении библиотечных теоретиков и практиков идеи Библиологоса является досадным пробелом, требующим заполнения.

Задача настоящего «Предупреждения» заключается в том, чтобы включить читателя в идейный и терминологический контекст российской библиологии. Уместно обратить внимание на

---

⁹ Караганов С. А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 6–18.

¹⁰ Библиотека – инвестиция для развития общества. Университетская книга. 2018. Ноябрь. С. 14–19.

то, что эссе имеет межнаучный, комплексный масштаб, затрагивая проблематику естественных, общественных, технических, философских дисциплин, в том числе дискуссионные вопросы и вопросы, ранее не обсуждавшиеся ученым сообществом. Мы намерены задуматься о биологических и социальных предпосылках Книжного Разума и разумном использовании культурного наследия наций, воплощенного в документных фондах библиотек. Серьезной научной проблемой является определение генезиса и исторических этапов развития Библиологоса (Книжного Разума) в условиях кризисных явлений и геополитических столкновений цивилизаций в XXI веке. Книжный Разум не может также остаться в стороне от стратегического планирования книжного рынка и библиотечно-библиографической практики, от воспроизводства интеллигентов-книжников в эпоху цифровых технологий и экранной культуры.

Формула человечности и Тезаурус ключевых слов

Известен парадокс в познании человека и человечности: на человека можно указать пальцем и сказать «это человек», человечность же не осязаема, чем забавлялся Диоген, который среди бела дня и с фонарем в руке выкрикивал афинским насмешникам, что ищет человека. Чтобы стать человеком, субъект должен располагать не только генетически запрограммированной *телесной формой* и *психикой* (сознанием, душой), но и приобщиться к *духовности* (культурному наследию) данного общества, включая технологии производства, знания о мире, этические и эстетические ценности. В цивилизованном обществе *одухотворенная личность* выделяет себя из окружающего мира в качестве уникального существа, чувствующего, мыслящего, действующего. Не случайно христианская антропология трактует человечность как единство *телесности* – материально-природного начала, *души* – индивидуального интеллекта со свободой воли, и *духа* – изначально дарованной человеку связи с Творцом¹¹. Будучи носителем образа Божьего, человек наделяется разумом и словесной способностью, что отличает его от прочих живых существ и дает ему власть над Вселенной. Уместно вспомнить, что русские свободолюбивые революционеры не пренебрегали понятием «человечность». Идеологу

¹¹ Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. М.: Истина и Жизнь, 1998. С. 63–64.

анархизма М. А. Бакунину (1814–1876) принадлежат многозначительные слова: «За нами наша животность, впереди – наша человечность; только свет человечности может нас согреть и освещать, может эмансипировать нас, сделать нас достойными, свободными, счастливыми и осуществить братство между нами; он сияет всегда не в начале истории, но в конце ее»¹². Высказывание М. А. Бакунина о торжестве человечности в «конце истории» приобретает актуальность в связи с дискуссией о будущем человечества, которая оживленно ведется современными философами и политологами¹³.

Таким образом, вырисовывается **формула человечности** – как *синтез двух начал*: 1) *материального начала* в виде врожденной биологической телесности, включая психологические структуры и способности к коллективной орудийной трудовой деятельности; 2) *духовного начала* в виде личностного одухотворения. Человеческой личностью не рождаются, а становятся в процессе обучения, социализации, самореализации, то есть в результате *очеловечивания* индивида. Необходимым условием очеловечивания является овладение, во-первых, генетически передаваемым природным (естественным) наследием и, во-вторых, исторически сложившимся культурным наследием в виде *смыслов* – знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий.

Природное наследие включает способность выражать смыслы посредством знаков, прежде всего, посредством естественного языка, которая служит предпосылкой смысловой социальной коммуникации. *Смысловая социальная коммуникация* представляет собой движение выраженных в знаковой форме смыслов в социальном пространстве и социальном времени. *Знаки* – естественные или искусственные предметы, включая изображения и действия, которые обладают чувственно воспринимаемой людьми формой и умопостигаемым содержанием (значением). Социальное пространство – это не трехмерное геометрическое (физическое) пространство, а совокупность социальных отношений между классами, группами, индивидами в данном обществе. Социальное время определяется не вращением Земли вокруг Солнца, а интенсив-

---

¹² Цит. по: Хоромин Н. Я. Энциклопедия мысли: сб. мыслей, изречений, афоризмов. М.: Русская книга, 1994. С. 536.

¹³ Иноземцев В. Л. Конец истории // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 286.

ностью социальных изменений (мало изменений – застой; много изменений – революция).

Культурное наследие – это *социальная память*, представляющая собой движение ценных смыслов в социальном времени от старших поколений к младшим поколениям. Культурное наследие может быть неовещественным, передаваемым непосредственно в процессе межличностного общения (традиции, обычаи, фольклор), а может быть *овеществлено* в форме сообщений, сохраняющих свою стабильность. Овещественное культурное наследие в знаковой форме представляет собой *книжность*. Человечность запечатлена в книжности, являющейся носителем и хранителем *духовности*, поэтому освоение актуальной человечности невозможно без обращения к книжным фондам Библиологоса.

В конкретных живых личностях причудливо сочетается человечность и бесчеловечность. Человек способен очеловечить бесчеловечную природу, но точно так же он может обесчеловечить социальное пространство. Поистине, человечность – средоточие противоречий. Столь же противоречива книжность, которая может быть носителем разума и глупости, правды и лжи; пробуждать творческие потенции социума и вместе с тем разжигать конфликты; культивировать не добро, справедливость и труд, а ненависть и геноцид. Если обратиться к «Энциклопедии книгочая», которую любовно составил писатель-педагог Анатолий Николаевич Чирва¹⁴, можно узнать, что Книгу нельзя считать неодушевленной вещью, она несет в себе созидательный дух, обладает почти физической силой, изменяя основы человеческого бытия и сущностные качества человечности, воплощенные в Человеке. *Формулы человечности и книжности в сущности совпадают*. Это единство реализуется в процессе книжного чтения при условии соблюдения общности языка автора и читателя. Чтобы выполнить это условие, требуется лексикографическое пособие в виде *Тезауруса ключевых слов*. Остановимся на использовании тезаурусного подхода при познании Библиологоса.

Тезаурус (греч. «сокровище») в современной лингвистике обозначает словарь какого-либо естественного или искусственного языка, в котором указаны семантические отношения (синонимия, логические отношения род – вид, психологические ассо-

¹⁴ Чирва А. Н. Энциклопедия книгочая: Книга. Читатель. Чтение: изд. 2-е. М.: ИЦ «Мой учебник», 2008. 624 с.

циации) между лексическими единицами (терминами). Таким образом, в отличие от толкового словаря, тезаурусная статья раскрывает значение (смысл) термина не только с помощью его определения, но и путем соотнесения его с другими словами данного языка. В психолингвистике давно установлено, что в текстах на естественном языке не все слова однозначны: есть слова, которые можно исключить без ущерба для коммуникации, и есть незаменимые термины, выражающие главное содержание сообщения и играющие ключевую роль в понимании его смысла. Именно последние отражают тематику, адресность, целевую направленность текста и именуются *«ключевыми словами»*¹⁵. Соответственно различаются *два типа тезаурусов*: 1) общие лингвистические тезаурусы какого-либо языка, например, тезаурус английского языка, опубликованный Питером Марком Роже в 1852 году; 2) специальные тезаурусы, включающие ключевые слова какой-либо тематической области. В XX столетии специальные информационно-поисковые тезаурусы нашли применение в дескрипторных системах, системах машинного перевода и в искусственном интеллекте. В нашей стране в 1972 году был издан под редакцией Ю. И. Шемакина фундаментальный «Тезаурус научно-технических терминов»¹⁶. Помимо тезаурусов, государственным средством регламентирования языка могут служить терминологические стандарты, являющиеся сводом ключевых отраслевых понятий. Например, ГОСТ Р 7.0.107–2022 Библиотечно-информационная деятельность дает определения более 100 ключевых слов отечественной библиосферы.

Познавательная ценность тезаурусов заключается в том, что они отвечают на мировоззренческий вопрос «Что я могу знать?», заданный И. Кантом в «Критике чистого разума». Действительно, ключевые слова, собранные в тезаурусе какой-либо отрасли знания, позволяют судить об уровне отраслевого познания. Тезаурус – не случайная россыпь слов, а совокупность взаимосвязанных по смыслу базовых, основополагающих понятий (категорий) данной отрасли знания. Специальные тезаурусы книго-библиотечно-документологического профиля соответствуют формуле

---

¹⁵ Гиляревский Р. С. Информационная сфера: Краткий энциклопедический словарь. СПб.: Профессия, 2016. 304 с.

¹⁶ Шемакин Ю. И. Тезаурус в автоматизированных системах управления и обработки информации. Москва 6 Воениздат, 1974. 188 с.

человечности и являются ценным логико-лингвистическим инструментом научных исследований и учебным пособием, потому что в них фиксируются основополагающие категории современной книжной культуры и их смысловые взаимосвязи с Библиологосом.

Специальный тезаурус «Библиологос – Книжный Разум» должен аккумулировать и обеспечить использование семантической структуры, образованной категориями «Библио» («Книга» – материальное начало) и «Рацио» («Разум» – духовное начало). Категория «*Библио*» – это когорта (сплоченная группа) ключевых слов: «Символ» – «Письменность» – «Книга» – «Документ» – «Информация» – «Библиотека» – «Библиосфера», каждое из которых обозначает предмет (культурный артефакт) из группы сходных по культурно-функциональному назначению *материальных* предметов. Категория «*Рацио*» – это когорта ключевых слов: «Нус» – «Ум» – «Рассудок» – «Разум» – «Смысл» – «Интеллект» – «Знание» – «Мудрость», обозначающих способность творчески мыслящих личностей создавать и понимать рациональные *духовные смыслы*, умопостигаемые другими людьми. Наконец, мудрые древнегреческие философы открыли амбивалентную категорию «*Логос*», обозначающую диалектическое *единство материального и духовного начал* в познавательной и творческой деятельности людей. Согласно формальной логике, категория «Логос» должна занять центральное место в гипотетическом Тезаурусе Библиологоса, ибо Логос – это род, а Библиологос – его разновидность. В дальнейшем мы специально остановимся на античных и современных дефинициях «Логоса», но предварительно для полноты картины приведем примеры тезаурусных статей категорий «Библио» и «Рацио».

С древнейших времен продолжают споры о природе человека и его сущностных отличительных особенностях. Вариантов много: «образ и подобие Божие», «двуногое без перьев», «политическое животное», и т. д. Для нас интересна та трактовка природы и сущности человека, которая учитывала бы значимость книги в истории человеческой культуры. В современной философии такой трактовкой является *символическая концепция культуры*, разработанная *Эристом Кассирером* (1874–1945), заслужившим репутацию мыслителя, предопределившего облик философии XX века¹⁷.

¹⁷ Соболева М. Е. Философия символических форм Э. Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст. СПб.: С-Петербургский университет, 2001. 152 с.

Наблюдательный философ обратил внимание на то, что всякая социально-культурная и познавательная деятельность людей опосредована символами, и поэтому логично считать, что человек – *animal symbolicum* – *символьное животное*. Символ может быть однозначным, например математическая или химическая символика, а может служить выражением какой-либо сокровенной идеи или способом приобщения к виртуальной реальности. Благодаря оперированию символами, люди смогли создать «символические формы» – языки, мифы, религии, науки, искусства, совокупность которых образует «символьную среду» – искусственный мир культуры. Книга, являющаяся феноменом культуры, – это не просто стабильная совокупность знаков, а *символьный артефакт*, точнее, разновидность стимулов, изменяющих мир¹⁸. В книговедческой литературе довольно много дефиниций понятия «книга», которые позволяют легко распознать книгу среди других осязаемых предметов, но отсутствует понятие «книжность», объясняющее, на каком основании вдумчивые книговеды именуют книгами ассирийскую клинопись, библейские рукописи, рекламные буклеты и электронные издания.

Книговед-философ **Михаил Николаевич Куфаев** (1888–1948) произнес в 1921 г. пророческие слова: «Правильнее всего понимать книгу как *вместилище всякой мысли и слова, облеченных в видимый знак* (курс. Куфаева)»¹⁹. Современник М. Н. Куфаева **Николай Михайлович Сомов** (1867–1951) в своем библиологическом сочинении исходил из дефиниции: Книга – «всякий материал, удобочитаемый и легко переносимый, на котором графически закреплены какие-либо мысли»²⁰. «Удобочитаемое и портативное вместилище мысли и слова, предназначенное для выполнения коммуникативной функции», – вот формулировка, показывающая, что Книга в сущности – разновидность коммуникационного сообщения. Немного уточняя формулировку М. Н. Куфаева и дополняя ее свойствами, отмеченными Н. М. Сомовым и другими

---

¹⁸ Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. 224 с.; Спирова Э. М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: Канон⁺; РООИ «Реабилитация», 2012. 336 с.

¹⁹ Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. М., 2004. С. 61–62.

²⁰ Сомов Н. М. Сущность книговедения. Библиологический очерк. М., 1933. С. 9.

книговедами, получаем следующую дефиницию: *Книга* – *долговременное портативное сообщение, выраженное человекочитаемыми знаками и предназначенное для передачи социально ценных духовных смыслов численно неопределенным аудиториям читателей*. В этой дефиниции учтены следующие признаки не книги как объекта, а книжности как понятия: а) *коммуникабельность и информативность* – передача в пространстве результатов духовной деятельности авторов в виде знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий; б) *мемориальность* – если материальная форма стабильна, книга становится долговременным (в принципе – вечным) *хранилищем социальной памяти*; в) *ценность* книжных изданий обусловлена тем, что они – результат *коллективного* труда, ибо книгу создают не только авторы, но и редакторы, рецензенты, художники-дизайнеры, издатели и другие сотрудники книжного дела; г) *филологичность*, воплощенная в текстах и изображениях, образованных *човекочитаемыми* (воспринимаемыми органами чувств человека) *знаками* (способ производства знаков – рукописание или полиграфическая печать – не имеет значения); д) книга *антропоморфична*, то есть соразмерна физическим и умственным параметрам человеческого организма, что обеспечивает доступ к ее содержанию без посредничества технических устройств (очки не в счет).

Цитированное развернутое определение показывает, что человечность и книжность – вечные спутники, неразрывно связанные друг с другом. Эта взаимозависимость обусловлена тем, что Человек разумный создает Книгу, а Книга создает Человека разумного. И Человек, и Книга – носители Знания (Рацио), но человеческое знание – знание живое, одухотворенное, а книжное знание – знание овеществленное, зафиксированное. Нельзя уразуметь прошлое, настоящее и будущее человечества, если не обратиться к книжным (библиотечным) фондам. Книжные фонды – результат творческой деятельности Книжного Разума, то есть Библиологоса, представленного в Тезаурусе категорией «Рацио», включающей когорту ключевых слов, выражающих рациональные духовные смыслы. Одним из центральных смыслов древнегреческой философии считается «нус» (ноос), означающий исток упорядоченности в космосе и в человеке (Анаксагор) или космический «разум», созерцающий и мыслящий самого себя (Аристотель). Римские философы называли нус «интеллект».

Культ знания присущ эпохе Просвещения, когда стали различать два уровня рационального познания: *Разум* – область достоверного знания и *Рассудок* – область субъективного мнения. Детальная разработка структуры мыслительной деятельности представлена в философии И. Канта (1724–1804), который считал, что всякое познание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме²¹. *Знание* – адекватное отражение действительности в сознании человека, обоснованное фактами и рациональными аргументами; *мнение* – произвольное суждение по вопросу, где отсутствует объективно обоснованное решение. Считается, что типичным продуктом Разума является *научное* знание, которое характеризуется рациональностью, объективностью, универсальностью и претендует на истинность, благодаря доказательности, логической обоснованности, проверяемости, воспроизводимости результатов и исключению противоречий. Рассудок же довольствуется *обыденно-практическим* уровнем знания (здравый смысл, приметы, стереотипы и т.п.), который облегчает ориентацию в окружающем мире и служит основой повседневного поведения. Диалектика рассудка и разума развита Гегелем: рассудок как низшую способность к абстрактному мышлению он трактовал в качестве предварительного условия высшего, «разумного» диалектического понимания. Поэтому он ограничивал рассудок способностью оперировать готовым знанием, а разум отождествлял с творчеством нового знания, требующим рационального осмысления.

Ключевые слова категории «Библио» (Стимул, Книга) и категории «Рацио» (Разум, Рассудок) могут сочетаться друг с другом, образуя материально-духовные (амбивалентные) единства, которые воплощают диалектический синтез противоположностей, соответствующий категории «*Логос*». Первооткрывателем диалектики считается *Гераклит* (родился около 550–540 года до н. э.), назвавший Логосом не простое высказывание, а «истинное рассуждение», учитывающее единство и борьбу противоположностей²². Античные мыслители, варьируя формулировки,

---

²¹ Швырев В. С. Разум // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 403–404.

²² Мотрошилова Н. В. Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 152–171.

трактовали Логос как первопричину мира, как основу основ его существования, наиболее глубинные и существенные его закономерности. Об использовании понятия «логос» в античной математике, литературе, театре, историографии имеется довольно обширная литература²³. Гегель (1770–1831) в своей философии называл «Логосом» Абсолютное понятие. В 1900 году С. Н. Трубецкой (1862–1905) в докторской диссертации «Учение о Логосе в его истории» и других публикациях познакомил российских философов с различными античными школами и показал трансформацию древнегреческого Логоса в христианский «Логос»²⁴. Значение понятия «Логос» в христианстве определено первой фразой Евангелия от Иоанна: «В начале был Логос, и Логос был у Бога, и Логос был Бог»; вся история земной жизни Иисуса Христа интерпретируется как воплощение и «вочеловечение» Логоса²⁵. Философы Серебряного века часто обращались к понятию Логоса, а культуролог В. А. Щученко убежден, что христианский Логос «может и должен войти в теоретическое поле современной культурологии»²⁶.

Понятие Логоса современный российский философ-энциклопедист С. А. Лебедев в своей энциклопедии «Философия науки» определил следующим образом: «Логос – одно из основных понятий, возникшее в античной философии для обозначения высшего естественного закона Природы, Космоса, необходимости, порядка, целесообразности как определенных проявлений Высшего Закона Всего. Утверждение в античной философии и культуре идеи Логоса положило начало возникновению научной формы познания мира, являясь философским обоснованием возможности и целесообразности создания науки как формы истинного познания объективной реальности»²⁷. Выдающийся

²³ Словарь античности. Пер. с нем. М.: Эллис Лак; Прогресс, 1994. С. 320–321.

²⁴ Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. М.: ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. 576 с.

²⁵ Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. М.: Истина и Жизнь, 1998. С. 104–105.

²⁶ Щученко В. А. Христианский Логос и логика культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 2. С. 86.

²⁷ Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический Проект, 2008. 692 с. (213–214).

философ и филолог *Сергей Сергеевич Аверинцев* (1937–2004) в своем словаре «София – Логос» предложил диалектическое толкование: «*Логос* – термин, означающий одновременно «слово» (или «предложение», «высказывание», «речь») и «смысл» (или «понятие», «суждение», «основание»); при этом «слово» берется не в чувственно-звуковом, а исключительно в смысловом плане, но и «смысл» понимается как нечто явленное, оформленное и постольку «словесное». Логос – это сразу и объективно данное содержание, в котором ум должен «отдавать отчет» и сама эта «отчитывающаяся» деятельность ума, и, наконец, сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания; это противоположность всему безотчетному и бессловесному, безответному и безответственному, бессмысленному и бесформенному в мире и человеке»²⁸. Вернемся к «Предуведомлению».

---

²⁸ Аверинцев С. С. Собрание сочинений. София – Логос. Словарь. Киев: Дух и Литера, 2006. С. 277

ДУМА 1

**ЗАРОЖДЕНИЕ БИБЛИОСФЕРЫ
И БИБЛИОЛОГОСА**

1.1. Биологические и археологические предпосылки мифологии

Орудийная деятельность, членораздельная речь и знаковая письменность возникли в процессе антропогенеза в силу природных (биологических) и социально-археологических предпосылок, свойственных исключительно роду человеческому. Эти предпосылки раскрыты в смыслогенетической модели истории, разработанной философом и культурологом *Андреем Анатольевичем Пелипенко* (1960–2016)²⁹. А. А. Пелипенко исходил из нейрологического факта, что отличительной особенностью головного человеческого мозга является *церебральная (мозговая) асимметрия* – разделение мозга на правое и левое полушария (*cerebrum* – лат. «мозг»). Установлено, что левое, более молодое полушарие управляет лингвистическими, абстрактно-логическими и математическими программами, осуществляет операции по формализации и знакообразованию, а правое древнее полушарие ведаёт образно-сенсорными и интуитивно-подсознательными функциями, организует пространственное восприятие и топографическую память. Отсюда следует, что левое полушарие у людей специализируется на вербально-символических функциях, а правое – на пространственно-синтетических. Таким образом, свойственная *homo sapiens* церебральная асимметрия выступает в качестве биологической предпосылки *глоттогенеза* (генезиса языка; *glotta* – греч. «язык») – *первой антропологической революции*, заключающейся в овладении людьми устной смысловой речью.

Происхождение смысловых процессов в пространстве асимметричного мозга объясняет *генеративная (порождающая) лингвистика*, выдвинутая в конце 60-х годов американским лингвистом и философом *Ноамом Хомским* (род. 1928). Хомский постулировал существование *универсальной грамматики* в виде врожденной взаимосвязи языка и мышления, свойственной исключительно роду человеческому и отсутствующей у животных. Универсальная грамматика – это набор синтаксических правил, который встроен в мозг и служит основанием для порождения разнообразных текстов. Следовательно, усвоенная с детства речевая практика, согласно которой мы выстраиваем предложения и оперируем языковыми конструкци-

---

²⁹ Пелипенко А. А. Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. М.: Изд-во «Согласие»; Изд-во «Артем», 2014. С. 590–700.

ями, продиктована самой природой, биологическими особенностями нашего мозга. Идея врожденности лингвистической способности получила в 90-е годы подтверждение в концепции канадского психолингвиста *Стивена Пинкера* (род. 1954) «Язык как инстинкт», где автор утверждает, что язык – не изобретение, а генетически наследуемое качество людей, возникшее в первобытных семьях охотников и собирателей³⁰. Интересно, что, развивая тезис о решающей роли языковой способности в происхождении человека, Хомский счел нужным заметить, что «язык не является системой коммуникации в собственном смысле слова; это система для выражения мыслей, т. е. нечто совсем другое. Ее, конечно, можно использовать для коммуникации, но коммуникация не является главной функцией языка и, возможно, даже не несет в себе какой-то уникальной значимости для понимания его функций и природы»³¹.

Глоттогенез до наших дней остается загадкой. С античных времен дискутируется дилемма: образовался ли язык «по установлению» или «по природе вещей». В качестве «установителя имен» выступали: Бог (боги); «благородный муж», мудрец, учитель; коллектив людей, заключивших «общественный договор» относительно языка. Природными, естественными источниками языка назывались: свойства вещей, отражаемые в словах, трудовая деятельность человека, обусловившая потребность в речевом общении и т. п. Гипотезы о божественном откровении и об изобретении языка «благородным мужем» нельзя принимать всерьез, ибо они снимают проблему глоттогенеза как научную. «Договорная» концепция страдает неустранимым парадоксом: для того, чтобы договориться о языке, нужно иметь какой-то язык, а его-то и нет. Трудовая теория называет общую причину появления языка – потребность людей в общении в процессе труда и общественной жизни, но сам механизм порождения языков в этой теории не рассматривается.

Удрученные лингвисты в конце XIX века умышленно исключили происхождение естественного языка из лингвистической проблематики, считая, что следует изучать язык так, как он дарован, не задумываясь над вопросами, кем, когда и зачем он дан. Тем не менее, поток публикаций, посвященных происхождению и развитию устной

³⁰ Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: URSS, 2009. 456 с.

³¹ Хомский Н. О природе и языке. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2017. С. 114.

коммуникации, не оскудевал³², хотя серьезные исследователи в наши дни чистосердечно признают: «Говорить об окончательном решении проблемы глоттогенеза пока, наверное, рано, но, тем не менее, наука значительно продвинулась в этом направлении, что позволяет надеяться на приближение к разгадке этой многовековой тайны»³³. Вероятно, что «продвижение» к разгадке тайны глоттогенеза будет более успешным, если учесть *причинно-следственные взаимосвязи между глоттогенезом и этногенезом*, ибо этнос, а не «благородный муж» или Всевышний является носителем и, по-видимому, создателем всякого естественного или искусственного, живого или мертвого человеческого языка. Не лишне заметить, что интересующий нас вопрос о взаимосвязи глоттогенеза и генезиса Библиологоса ни лингвистами, ни книговедами никогда не затрагивался, хотя литературный язык, несомненно, является главной предпосылкой книжной культуры. Вернемся к смыслогенетической теории антропогенеза А. А. Пелипенко.

Исходя из органической связи между культурной деятельностью и психофизиологическими параметрами человека, Пелипенко пришел к выводу, что во всемирной истории полностью реализовались две *эры человеческой культуры*: древнейшая *мифологическая* и современная (новая) *логоцентрическая*, а новейший постмодернизм XX столетия – переходный период к третьей, *глобальной* эре. *Мифологическая эра*, совпадающая по длительности с каменным веком, выступает в качестве предмета научного познания в антропологии, философии, филологии, социологии, социальной психологии. Мифология привлекает антропологов, культурологов, философов как исток зарождения рационализма, фигурально говоря, «царства мифологоса», разумность и поэтичность которого волнует филологов, фольклористов, литературоведов. Господство правого полушария мозга обусловило уровень мышления, типичными свойствами которого являются: а) анимизм, населяющий природу демонами, божествами и духами; б) слияние индивида с окружающей его средой и собственным родом-племенем, которое воплощается в тотемистской символике, нормах и ритуалах; в) предпочтение визуальных непосредственных изображений, а не словесных сообщений.

---

³² Донских О. А. Происхождения языка как философская проблема. Новосибирск: Наука, 1984. 127 с.; Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 139 с.; Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1985. 137 с.

³³ Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2012. С. 381.

В силу этих свойств первобытный логос целостен, но слабо рефлексивен, эмоционально неустойчив, нечувствителен к логическим противоречиям, легко поддается манипуляциям и внушениям.

Мифологическая эра подразделяется на три периода: 1) *зарождение человечности* – появление духовных архетипов (смыслов коллективного бессознательного) и активный глоттогенез; 2) *архаика* – формирование в мезолите и верхнем палеолите мифоритуальной дописьменной культуры; 3) *неолитическая революция* – переход от присваивающего к производящему хозяйству в материальной культуре и преобладание словесного мифа над коллективным ритуалом в духовной культуре. Соответственно различаются три типичных субъекта этногенеза и глоттогенеза: *архантроп*, древнейший человек, довольствовавшийся диалогом по схеме «стимул – реакция» (нижний палеолит, 2–1,5 млн. лет назад); *палеоантроп (неандерталец)*, практиковавший простейшую монологическую речь в виде слов-предложений или перечня грамматически неупорядоченных слов (средний палеолит, 200 тыс. лет назад); *неоантроп (кроманьонец)*, владеющий монологической речью с полнозначной грамматикой (верхний палеолит, 40 тыс. лет назад). Родовые общины неоантропов состояли из людей современного нейрпсихологического типа, мировоззрение которых воплощалось в мифологии, служащей ядром коллективного сознания и практического бытия дописьменного этноса.

Миф (греч. предание, сказание) – результат творческой деятельности мифологоса первобытного общества. Обычно мифы повествовали о богах, героях, титанах, первопредках, возникновении и строевании космоса и т. д. С логической точки зрения миф – это *воплощенный в слове мистический синтез знания, веры и вымысла*. Он связан с реальной действительностью, и поэтому является источником знания; мистические качества мифа не удостоверяются здравым смыслом, поэтому он требует веры; мифу доверяют, потому что он обладает силой художественного вымысла («нас возвышающий обман»). **Феохарий Харлампиевич Кессиди** (1920–2009), первооткрыватель научной проблемы «От мифа к логосу», четко подытожил: «В мифе переплетаются вымысел, вера и знание, но сущность мифа не сводится ни к одному из них... Миф не первоначальная форма науки или философии, а особый вид мироощущения, специфическое образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни»³⁴.

³⁴ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: становление греческой философии. М.: Мысль, 1972. С. 39–41.

Согласно теории *Эрнста Кассирера* (1874–1955), мифология, наряду с языком и искусством, представляет собой символическую форму культуры, ибо конкретно-чувственное мифологическое мышление может обобщать, только становясь символом. Символьную интерпретацию мифа в качестве одного из бессознательных архетипов развивал в своей теории «глубинной психологии» *Карл Густав Юнг* (1875–1961). Следовательно, древний мифологос располагает богатой и разнообразной типологией символов.

В символьной мифокультуре, помимо вербального канала устной коммуникации, функционировали поведенческий материальный канал, основанный на врожденных способностях человека (ритуальные действия, пантомима, танец) и музыкальный канал образованный на базе естественного акустического канала. Параллельно и в тесной взаимосвязи с естественными каналами получили развитие искусственные документные каналы. К древнейшим документным каналам относятся: а) предметы, выполняющие символическую функцию (от амулетов до тотемов и захоронений); б) произведения изобразительного искусства – живопись, графика, скульптура. Старательные археологи открыли в верхнем палеолите 35–30 тысяч лет назад древние образцы символизма, которые они расценили как *изумительный прорыв в мир изобразительного искусства*.

В Испании, Франции, Италии обнаружены более 200 пещер с монументальными панно, включающими цветные росписи, графику, барельефы³⁵. Очарованные исследователи пишут о «величавом слиянии искусства и природы», о «колдовском величии и покое», об «огромной жизненной достоверности», выраженной «удивительно сложной мифологической символикой»³⁶. В нашей стране первобытное искусство представлено изображениями лошадей и быков на скалистых берегах реки Лены и целой экспозицией палеолитического творчества в Каповой пещере в заповеднике на реке Белой. Произведения ледникового периода, сделанные красками на стенах пещер и резьбой на кости, – это правдивое, хотя и бессловесное, повествование о думах, мечтах и заботах трудолюбивых и мужественных охотников на зубров, бизонов и мамонтов. По сути дела, палеолитическое искусство – это *эмпирическая дотисьменная книжность*, натуральный продукт первобытного логоса.

³⁵ Линдبلاد Я. Человек – ты, я и первозданный. М.: Прогресс, 1991. С. 112.

³⁶ Заболотных В. А. Пути человечества. СПб.: Петрополис, 1998. С. 78.

В течение десятков тысяч лет мифология успешно обеспечивала поддержание социального порядка, этический контроль и передачу заветных племенных традиций из поколения в поколение. Культурные мифы о первопредках, творении космоса и человека, о добрых и враждебных людям чудовищах составляли священный тезаурус племени. Они утверждали принятую систему ценностей, поддерживали и санкционировали определенные нормы поведения³⁷. Отсюда познавательные-объяснительные, ценностно-ориентационные, эмоционально-побудительные качества мифа, лежащие в основе двух существенных социальных функций, с древнейших времен выполняемых мифологией: функции социализации и функции самосознания. Новая история показывает, что мифологические символы присутствуют не только в первобытных, но и в более поздних логоцентрических культурах, особенно в литературе, искусстве и, конечно, Книжном Разуме.

1.2. Неолитическая революция, осевое время, зарождение библиосферы

Распад мифологической культуры, датированный периодом с конца II тыс. до н. э. по VII в. (зарождение ислама), завершился становлением *логоцентрической культуры*, в которой господствует левополушарное рациональное мышление. *Логоцентризм* заключается в почитании священного *Логоса* (Абсолюта, Бога) как творца и обитателя *логосферы* – сферы письменной культуры. В философской литературе *логосфера* определяется как «философская категория, обозначающая мыслительно-речевую область культуры»³⁸ и трактуется как «концептуальная картина мира», «модель мира», «языковая картина мира» и т.п. Первооткрывателем логосферы является французский философ-постмодернист и семиотик *Ролан Барт* (1915–1980), показавший, что обращение к вербальному диалогу личности или социальной группы может служить ключом к пониманию их мировосприятия и склада мышления³⁹. Развивая идеи Р. Барта и отечественных психолингвистов, *Е. А. Петрова* пришла к заключению, что «под логосферой подразумевается некая типичная для данной социально-культурной среды совокупность стереотипов мышления,

³⁷ Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 13–14.

³⁸ Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. М.: Академический проект, 2004. С. 367–368.

³⁹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

проявляющаяся в способах аргументации, в умении строить и оценивать умозаключения. Таким образом, в логосфере складываются основы логического мышления, и формируется логическая культура человека»⁴⁰. В среде логоцентризма образовался новый культурно-антропологический тип, именуемый *логоцентрик*. Для рационального мышления логоцентрика характерны бинарные оппозиции Добро и Зло, Истина и Ложь, Бог и Дьявол, Свет и Тьма, которые служат основанием для этических оценок соотношения Должного и Сущего. Типичными логоцентриками были создатели, хранители и пользователи рукописной библиосферы древних цивилизаций.

В эпоху неолитической революции (X–VII тыс. лет назад) формировались этнические языки первых этносов (племен) и возникли многолюдные города, жители которых построили огромные храмы и создали сложные ритуалы, передаваемые из поколения в поколение. Старейшими городами считаются библейский *Иерихон*, население которого в VIII тыс. до н. э. оценивается в 3 тысячи человек, и *Чатал-Гюк* в Анатолии, вмещавший в VII тыс. до н. э. 5–6 тысяч жителей⁴¹. Одним из наиболее крупных городов-государств в Месопотамии был *Урук*, население которого в III тыс. до н. э. достигло 50 тысяч человек. В центре города возвышался пирамидальный храм – зиккурат. Подсчитано, что только для возведения его нижней платформы полторы тысячи ремесленников должны были трудиться в течение пяти лет⁴². Очевидно, что в подобных «мегаполисах каменного века», имевших довольно широкие торговые и политические связи с соседними племенами и поселениями, были в ходу не один, а несколько достаточно развитых языков. Возникновение городов-государств потребовало координации действий огромного числа людей, а последующее образование обширных цивилизаций, таких, как Древний Египет или Вавилонское царство, без использования письменности было нереально. Отсюда – острая потребность в коммуникационных каналах, надежно передающих смыслы в социальном времени и пространстве. Зарождение письма явилось ответом

---

⁴⁰ Петрова Е. А. Концепция логосферы: определение и проблемы структуризации // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Языкознание и литературоведение. 2014. № 5. С. 133–137.

⁴¹ Матюшин Г. Н. Археологический словарь. М.: Просвещение, 1996. С. 72–74; 274–277.

⁴² Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М.: Прогресс, 1983. С. 185.

социального Разума ранних цивилизаций на эту потребность. Древнейшими считаются изобретенные в III тыс. до н. э. древнеегипетское иероглифическое письмо, шумерская клинопись, протоиндийская и крито-минойская письменность; письменные знаки передавали как отдельные слова, так и слоги, звуки. Значительное влияние на развитие письменности оказал материал для письма – в Египте папирус, в Месопотамии – глина. По примеру шумеров клинописное письмо возникло у других народов Передней Азии. Оригинальные системы письма сложились в Индии и Китае. Китайская иероглифическая письменность стала основой для письменности Японии и Кореи.

Изобретение письменности следует признать главным когнитивным достижением многотысячелетнего каменного века и **второй антропологической революцией**, одарившей неантропов *документальной* способностью – способностью овеществлять (фиксировать) символы с целью их сохранения и передачи в социальном времени и пространстве. Письменность можно определить как *язык цивилизованного человека*, в отличие от устного языка людей, находящихся на доцивилизационной стадии развития. Благодаря письменности возникла историческая память. Освоение письма знаменовало зарождение технологии «библио» и начало формирования библиосферы, открывшей дорогу к Библиологосу, который стал творцом литературного языка и национальной культуры, воплощенной в документах.

В качестве *пролога логоцентрической эры* во всемирной истории выступает *духовная трансформация*, которую вдумчивый философ-экзистенциалист **Карл Ясперс** (1883–1969) назвал «*осевым временем человечества*» и охарактеризовал следующим образом: «Из темных глубин доистории, длящейся сотни тысячелетий, возникают великие культуры древности. В великих культурах древности, в них самих или в орбите их влияния с 800 до 200 года до н. э., формируется духовная основа человечества, причем независимо друг от друга в трех различных местах – в Европе, в Индии и в Китае»⁴³. Культурная трансформация открыла путь для «бесконечного накопления знаний, и возникла новая профессия открывателей, накопителей и хранителей знания, как бы они ни назывались в том или ином обществе»⁴⁴.

⁴³ Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 51–52.

⁴⁴ История Востока. Т. 1. Восток в древности. М.: Восточная литература, 1997. С. 15.

Накопление и распространение знания – функция библиосферы, отличительного признака осевого времени. Появление профессиональных «открывателей, накопителей и хранителей знания» означает формирование социальных групп творцов библиосферы, то есть субъектов Библиологоса. Школа стала форпостом письменности, и обусловила стратификацию населения по принципу: грамотный – неграмотный. Подчеркнем еще раз, что современные библиотекари, библиографы, книгоиздатели, музейные и архивные работники относятся именно к когорте «открывателей, накопителей и хранителей знания», и поэтому правомерно датировать рождение их профессии и, соответственно, общественно организованной библиосферы, *осевым временем человечества в I тысячелетии до н. э.*

Во всех древнейших цивилизациях существовали обширные пантеоны богов, и письменность первоначально служила для записи священных гимнов, затем стали записывать сказания о богах и древних героях. На основе этих сказаний формировался *Книжный Разум – творец библиосферы*. Одним из древнейших литературных произведений является «Сказание о Гильгамеше»: повествование о подвигах царя шумерского города Урук Гильгамеша, о его дружбе с чудовищем Энкиду и о тщетных поисках бессмертия. Древние сказания арийских племен легли в основу великих индийских поэм «Махабхарата» и «Рамаяна». До наших дней дошли скульптурные изображения богов и людей (больше всего найдено в Египте). На стенах гробниц росписи и рельефы изображают сцены загробной жизни. Фигуры фараонов и богов по размерам были больше фигур простых смертных. Всемирную известность имеет бюст красавицы Нефертити. Мифологос аккумулировал научные знания в области астрономии (до наших дней сохранилось деление суток на 24 часа), анатомии и медицины (египетские мумии, китайское иглоукалывание), астрологии и др. Первой мировой религией стал буддизм, зародившийся в Индии в VI–V веках до н. э. Здесь произошла эволюция ведической религии древних ариев в брахманизм, а затем в индуизм. Ценными достижениями древнего Библиологоса являются религиозно-этические учения *Лао Цзы* (VI–V века до н. э.) и *Конфуция* (551–479 годы до н. э.), созданные в Китае. Однако подлинные истоки глобального Книжного Разума скрываются в античной культуре; показательно, что слово «логос» – древнегреческого происхождения, а греческая (финикийская) письменность лежит в основе большинства современных цивилизаций.

1.3. Античный Библиологос и логосфера до Гутенберга

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета *Владимир Викторович Колесов* (1934–2019) провел обширное этимологическое исследование значений лексемы «логос», которое показало, что «логос» в обыденной речи греков трактовался как «счет, расчет, учет», «отношение, соответствие», «основание, объяснение», «причина, повод», «словесное выражение», «разумение, разум», «доказательство, довод», «разумное решение» и т.п. Обобщая семантическое поле понятия «логос», автор пришел к выводу, что его «сердцевиной является утверждение о важности расчета меры и соответствия в определении причины и повода к произнесенному соборно слову, вызывающему последующее действие»⁴⁵. Распространение письменности и книжной коммуникации приводит к развитию абстрактного мышления в неолитических общинах и реализации закона *двуединства идеальной и материальной субстанций*. Профессор В. В. Колесов интерпретировал этот закон следующим образом: «Гений Аристотеля подарил Европе ту великую догадку, что мысль и язык взаимосвязаны, что идея не может существовать без воплощения в слове, что логическое и языковое представляют собой две стороны одного листа, на котором и записаны знаки культуры. Разорвать их никак нельзя»⁴⁶. Если распространить этот вывод на Библиологос (Книжный Разум), получается, что данный вид «вечной и всеобщей необходимости» (Гераклит) есть «расчет меры и соответствия в определении причины и повода к последующей библиотечной деятельности». Другими словами, античный Библиологос правомерно признать первопричиной книжного мира (библиосферы), основой существования книжной коммуникации, воплотившей наиболее глубинные и существенные закономерности книжной культуры.

Литература, возвращенная древнегреческим Библиологосом, представлена великими поэмами легендарного Гомера «Илиада» и «Одиссея», философскими поэмами Гесиода, лирикой Сафо, Пиндара и др. Древняя Греция стала родиной философии. Основы представлений о космических закономерностях мира заложены Фалесом, Гераклитом, Пифагором, Демокритом, Сократом, Платоном, Аристотелем. Геродота называют «отцом истории», поскольку в его десятитомном

⁴⁵ Колесов В. В. Тезисы о ментальности // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 148, кн. 2. 2006. С. 6.

⁴⁶ Колесов В. В. Концептология. Конспект лекций. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 20.

сочинении «История» впервые был поставлен вопрос о закономерностях исторического развития. Дело Геродота продолжили Фукидид и другие историки. Символизирующий единство слова и мысли Библиологос почитался в древнегреческих полисах, где просвещенные аристократы и философы создавали некоторое подобие библиосферы. Городская Афинская библиотека помещалась в Акрополе вместе с государственными службами, казной, картинной галереей. Всегреческой ценностью считалась библиотека Аристотеля, насчитывавшая несколько десятков тысяч свитков. Поскольку каждый свиток воплощал единство разума и языка, библиотеки почитались как святилища муз. Временем пышного расцвета античного Библиологоса стала эпоха эллинизма (IV–I век до н. э.), памятниками которой навсегда остались Александрийская и Пергамская библиотеки, фонды которых насчитывали 700 тысяч и 200 тысяч единиц хранения.

Культура Греции оказала определяющее влияние на культуру Рима. Римляне, первоначально считавшие себя учениками и последователями греков, позднее сами достигли больших высот в духовном творчестве. Среди римских поэтов почитались Вергилий, Гораций, Овидий, Тит Лукреций Кар, автор философской поэмы «О природе вещей», а «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря котируются как крупнейший образец римской художественной прозы. Авторами классических исторических трудов были Полибий, Тит Ливий, Корнелий Тацит. В римское время создал свои знаменитые «Параллельные жизнеописания» грек Плутарх. Древний Рим известен как центр книжной торговли и книгоиздания, которым занимались книготорговцы, создававшие скриптории для переписывания книг. Состоятельные библиофилы, например, Цицерон (106–43 до н. э.), содержали для пополнения своей библиотеки домашний скрипторий из грамотных рабов (библиографов). Первая в мире публичная библиотека была открыта в 39 году до н. э. в Риме, в храме Свободы, где «произведения Логоса стали общественным достоянием». К IV веку н. э. в Риме было около 30 публичных библиотек, которые размещались в храмах, во дворцах, а также при термах – общественных банях. Читателями древнеримских библиотек были чиновники, ученые, писатели, знатные и богатые горожане, которые имели право брать рукописи на дом; многие собирали собственные домашние библиотеки. Появление книжного рынка и общественно доступных книгохранилищ показывает, что в культурном пространстве античности функционировали библиосфера и Книжный Разум – Библиологос.

В конце IV в. христианство стало государственной религией Римской империи, но рожденный мифологическим гением античной цивилизации древнеримский Библиологос не стал жертвой дикого варварства, а затаился в книжных сокровищницах средневековья. Античную книжность приютили некоторые монастырские и церковные библиотеки. Сохранилась память о библиотеке монастыря Виварий на юге Италии, созданной Кассиодором Сенатором (487–575), которая в течение нескольких столетий служила образцом для европейских монастырских книгохранилищ. Библиотека была нацелена не только на служение церкви, но и на служение прихожанам, поскольку Кассиодор исповедовал, что обучение есть такая же дорога к Богу, как добродетельная жизнь.

В XI–XIII вв. основными центрами книжности оставались монастыри и кафедральные соборы, имевшие школы, библиотеки и скриптории. В XII и XIII веках в Италии (Болонья) и во Франции (Париж, Сорбонна) были учреждены первые университеты, непременной частью которых была библиотека. Книги сохранялись как сокровища, и наиболее ценные манускрипты приковывались цепями к специально изготовленным пультам. При университетах работали скриптории и функционировал книжный рынок. Социальный статус Библиологоса изменился, и в крупных городах он стал функционировать как самостоятельная производительная сила. Согласно *социальной эпистемологии*, исследующей социальность и разумность в их единстве, такие сущностные черты цивилизованного общества, как коммуникация, естественные языки, мораль, религия, фольклор, деньги, государство, являются результатом коллективного творчества, направляемого коллективным разумом⁴⁷. В данный ряд творческих институтов коллективного разума Библиологос правомерно входит в виде хранилища *духовных ценностей* (рациональные знания о мире, менталитет, историческая память, этические нормы Должного и Сущего), *материально* воплощенного в библиосфере. Таким образом, логоцентристское общество, владеющее письменностью, создает *производительную силу* в виде книжного разума, формирующего библиосферу. Активными субъектами коллективного умственного труда являются профессионалы книжного дела (практики, книговеды, педагоги), государственные и коммерческие деятели, библиофилы, инженеры-полиграфисты, читательский актив.

⁴⁷ Ивин А. А. Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении. М.: Проспект, 2017. С. 4.

Напомним, что в социальной философии *производительные силы* понимаются как «система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих взаимодействие между обществом и природой в процессе общественного производства»⁴⁸.

Достопримечательностью средневековой книжной культуры является появление в благородном рыцарском сословии *библиофилов* – людей, охваченных преданной и неизбыточной любовью к книгам. Помыслы этих рыцарей книги превосходно выразил *Ричард де Бери* (1287–1345) в сочинении, названном «Филобиблон» (Любокнижие). Сей труд, заверченный 24 января 1345 года и прославивший в веках имя автора, состоял из пролога и 20 глав, посвященных величию Библиологоса: «О том, что сокровищница мудрости таится преимущественно и книгах», «Какова должна быть разумная любовь к книгам», «Кому надлежит по преимуществу быть почитателем книг», «Какие блага приносит любовь к книгам» и т. д. Ричард де Бери убежден, что книга всемогуща и бессмертна. «Замки могут сравняться с землей, – пишет он, – непобедимые некогда государства могут погибнуть. Но не дано ни королям, ни папам увековечить себя так, как это могут сделать книги. Однажды написанная книга в благодарность дарует бессмертие своему автору. Пока живет она, живет и он». Кредо веры библиофильства, провозглашенное де Бери в XIV веке, справедливо и сегодня.

Восхищаясь творческими достижениями древнего Мифологоса и Античной культуры, нельзя не признать, что ручное книгописание ограничивало распространение библиосферы и реализацию духовного потенциала Логоса. Поэтому изобретение *Иоганна Гутенберга* явилось подлинной *антропологической революцией* Нового времени, открывшей в эре логоцентризма эпоху классического Библиологоса (рационального Книжного Разума), за которой последовала эпоха «Неклассического Библиологоса», и затем эпоха «Постнеклассического Разума», завершающая жизненный цикл книжной культуры на нашей планете пограничными вехами которой правомерно считать Мифологос в письменной форме «библио» и Геологос в постнеклассической электронной форме. Учитывая логико-хронологическая последовательность «классика – неклассика – постнеклассика», начнем следующую Думу, посвященную «Становлению классического Библиологоса», с уточнения Идеи классического Библиологоса, которую будем иметь в виду в наших научных раздумьях.

⁴⁸ Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 535.

ДУМА 2

**КЛАССИЧЕСКИЙ БИБЛИОЛОГОС
В ЕВРОПЕ И В РОССИИ**

2.1. Философско-культурологическая Идея классического Библиологоса

Антропологические революции в процессе антропогенеза (глоттогенез, изобретение письменности) изменяли морфологические, нейро-анатомические параметры *homo sapiens* – объем и структуру мозга, строение кисти руки, право-левосторонняя асимметрию мозга и др. Образование логосферы как общего пространства языка и мышления, формирование культурно-антропологического типа логоцентрика и зарождение Библиологоса ознаменовали затухание биологической эволюции человечества и *активизацию* духовной эволюции планеты Земля, реализующейся в кортежах интеллектуальных революций. Появление книгопечатания способствовало формированию нового антропологического типа – *личности*. Человек этого типа – носитель сложно организованной ментальности, возвращенной на почве книжной культуры. Книжные идеологии вдохновляли культурные новации Возрождения, Реформации, Просвещения, которые заслуженно почитаются как классические общечеловеческие ценности.

В современной лексикографии принято считать, что термин «классика» восходит к существовавшему в Древнем Риме делению граждан на шесть групп по имущественному признаку. Первые пять групп именовались классами, и члены первой, наиболее состоятельной группы – «классиками» (лат. *classici*). Шестая группа (неимущие) назывались «пролетариями» (отсюда «деклассированные граждане»). В переносном смысле (применительно к философам и писателям) эти градации использовал в I в. до н. э. Цицерон. В средневековой Европе о классах не вспоминали, и только в эпоху Возрождения итальянские гуманисты, изучавшие античную литературу, ввели в оборот метафоры «классик», «классика», «классический». После века Просвещения в европейских странах «классическими» стали почитать особо ценные научные и философские сочинения⁴⁹. **Владимир Иванович Даль** (1801–1872), обобщая языковую практику России XIX века и предпочитая писать слово «класъ» с одним «с», именовал «класиком» «каждого писателя или художника, признанного общим мнением *класическим*, превосходным, примерным, образцовым, а также следующего класси-

⁴⁹ Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–6.

цизму, школе, принятым строгим правилам творчества»⁵⁰. В наши дни классикой считается та часть прошлых достижений культуры, которая сохраняет свою актуальность и остается востребованной в настоящем наряду с более поздними особо ценными произведениями искусства, философскими и политическими идеями, научными открытиями и теориями. Национальными сокровищами являются классическая музыка, классическая живопись, классическая литература, признанные достойными изучения учащимися средней или высшей школы. В современной философии получила признание оригинальная интерпретация классичности, которая согласуется с Идеей классического Библиологоса.

Выдающийся отечественный философ-наукоед академик **Вячеслав Семенович Степин** (1934–2018) обосновал хронологическую смену трех исторических типов научно-философской рациональности: *классическую* (XVII – начало XX века), *неклассическую* (первая половина XX века) и *постнеклассическую* (с конца XX века)⁵¹. Он разграничил различные типы рациональности по следующим критериям. Классическая рациональность достаточна для познания объектов, представляющих собой простые системы; неклассическая – нужна для освоения более сложных и саморегулирующихся систем; постнеклассическая рациональность требуется при изучении весьма сложных саморазвивающихся систем. Следует также учитывать цели, идеалы, средства и методы, которыми руководствуется разумный субъект, а также философско-мировоззренческие картины мира и ценностные ориентации данной исторической эпохи. Главное отличие сложных саморегулирующихся систем от простых: в первых функционально выделен *блок обработки информации и управления*, который обеспечивает целостность и воспроизводство сложной системы. Еще более сложной структурой располагают саморазвивающиеся системы, естественными примерами которых могут служить биоценозы, а также библиосфера как суперсистема книжной коммуникации. В этих системах возникают новые

---

⁵⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб, М.: Издание М. О. Вольфа, 1881. Т. 2, С. 113.

⁵¹ Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография. СПб.: Мир, 2009. С. 249–295; Степин В. С. Исторические типы научной рациональности // Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с.

уровни организации, новые типы прямых и обратных информационных связей. Примерами искусственных самоорганизующихся систем могут служить глобальные компьютерные сети, осуществляющие диалог человек – компьютер. В современной философии «*сложность*» («complexity») приобретает статус категории, обозначающей усложнение культурной среды и социально-коммуникационных процессов, несущее как конструктивные, так и деструктивные возможности.

Хронологические границы классической научно-философской рациональности (XVII – начало XX века) соответствуют эпохе Просвещения XVIII в. и эпохе индустриальной цивилизации XIX века, которые историки именуют «Новое время». Первую половину XX века, включающую русский Серебряный век, мировые войны и историю СССР, принято называть «Новейшей историей», когда в европейской науке и философии господствовала неклассическая рациональность. Что же касается современного периода всемирной истории, то его начало датируется глобальными проблемами, определяющими повестку дня XXI века. Типы рациональности различаются своими им картинами мира, идеалами и нормами, мировоззренческими установками. Смену рациональности «классика – неклассика – постнеклассика» можно трактовать как *эволюционный* процесс, ведущий к *усложнению* человеческой цивилизации, ведь саморазвивающиеся системы сложнее саморегулирующихся, а тем более, простых классических систем. Стадии классики и неклассики выступают в качестве исторических предшественников *постнеклассической рациональности*, когда в динамике цивилизаций возникают серьезные противоречия, для осмысления которых требуется научно-философский подход, который призван обеспечить *планетарный Геологос*, сменяющий неклассический Библиологос в эволюции человеческого Разума. Философы и футурологи предсказывают неизбежность больших, возможно, трагических событий в истории человечества, которые причинно коррелируют с саморазвивающимися естественными и искусственными системами постнеклассического типа.

В предыдущей думе было показано, что зарождение кустарных технологий Библиологоса датируется историческим периодом античности и христианского средневековья до изобретения *Иоганна Гутенберга* (середина XV века). С точки зрения типологии рациональностей, предложенной В. С. Степиным, этот период не соответствует уровню классической научно-философской рациональности,

и его логично именовать временем «доклассической» книжности. Рискнем использовать в нашем исследовании не трехзначную, а *четырёхзначную шкалу* исторических периодов Библиологоса: доклассический, классический, неклассический, постнеклассический. *Доклассическим* назовем период письменной культуры с осевого времени в I тыс. до н. э. до изобретения книгопечатания в XV веке. В качестве *классической* будем считать модель Библиологоса, распространившуюся после изобретения И. Гутенберга и ставшую основой европейской, *классической* книжной культуры. Становление классического Библиологоса естественно связать с революционными изменениями в научно-духовной сфере, технологиях материального производства и социальных структурах. Возникает проблема научного определения неологизма «Библиологос». До сих пор мы довольствовались эмпирическими данными и обыденными представлениями, но выход на уровень классической рациональности требует методологического обоснования наших действий. Прежде всего, нужно выработать рабочее определение предмета наших дум. Что такое «Библиологос»? Ясно, что это не стратегия возрождения библиотечного дела, не библиотековедческая концепция, не курсы дополнительного образования, не мемуары древнего логоса, а что на самом деле? Начнем с того, что апробируем Библиологос в качестве *научной Идеи*. Задача нетривиальная.

Известно, что формально-логически мыслящие ученые оперируют в своих сочинениях *понятиями*, давая им, по возможности, однозначные определения; философы же предпочитают рассуждать об *идеях* (эйдосах), объясняющих сущность явлений и законы мироздания. Научная идея, в отличие от понятия, выполняет не только описательную функцию, эмпирически описывая факты внешнего мира, но и аксиологическую функцию, позволяя оценивать их культурную ценность. Так, в диалогах Платона идеи – умопостигаемые прообразы вещей чувственного мира, их истинное бытие; Кант называл идеями понятия разума, выходящие за пределы эмпирического познания; Гегель понимал идею как объективную истину, венчающую смысл и развитие всех вещей. Классическими примерами являются «Идеи к философии истории человечества» *Йоганна Гердера* (1744–1803) или «Идея истории» Робина *Коллингвуда* (1889–1943). В XX столетии понятие «идея» вошло в методологию гуманитарных наук, где оно служит не только для подытоживания опыта познания, но и для обозначения перспективных направлений научных исследе-

дований, например, идея материальности мира. Назовем некоторые научно-методологические идеи, послужившие нам предпосылкой для разработки Идеи Библиологоса

Классик философии истории (историософии) **Робин Джордж Коллингвуд** (1889–1943) прославился монографией «Идея истории» (русский перевод был опубликован в 1980 году)⁵². «Идея истории» в понимании творчески мыслящего автора – это ответ на вопросы: что такое история? о чем она? как она делается? для чего она? Он решительно отвергает опытный метод познания, практикуемый в естественных науках, поскольку исторические процессы – это последовательность осмысленных действий людей. Вся история есть история мысли – утверждает Коллингвуд. Подлинным историком Коллингвуд называет интеллигента, способного оживить мысли прошлых поколений, в отличие от бездарных «мастеров ножниц и клея», создающих свои сочинения путем цитирования архивных документов. По его мнению, идея истории заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что в действительности история существует для человека, а не человек для истории. Таким образом, Робин Коллингвуд привнес в историческую науку смысл *человечности*, который был неведом «историкам ножниц и клея».

Другим примером поучительной реализации методологии научной Идеи может служить монография отечественного философа культуры **Вадима Михайловича Межуева** (1933–2019) «Идея культуры», опубликованная в 2012 году⁵³. В. М. Межуев четко разграничивает «философскую идею культуры» и «научное понятие культуры». По его словам, «Идея в отличие от понятия, включает в себе нечто большее, чем просто обобщение данного в опыте эмпирического материала, поскольку в Идее предмет отражается в аспекте идеала, то есть не только таким, как «он есть», но и каким «должен быть». В Идее объект представлен со стороны своей связи с субъектом; смысл вещи, выраженный в ее идее, и есть то ее значение, которое она получает в контексте не природного, а социально-культурного бытия». Из сказанного В. М. Межуев делает весьма важные выводы о целесообразности познания культуры как с точки зрения науки (культурологии), так и философии (философии культуры) и о

⁵² Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.

⁵³ Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры: монография. М.: Университетская книга, 2012. С. 17–18.

наличии в Идее целевой направленности (образа желаемого будущего).

Выводы В. М. Межуева о сочетании научного и философского подходов и целевой направленности мы охотно принимаем при разработке Идеи Библиологоса. Желаемый Библиологос будущего будем проектировать двояко: с *научной* точки зрения (с позиции культурологии) и с *философской* точки зрения (с позиции философии культуры). Соответственно Библиологос реализуется в двух плоскостях: в культурологической плоскости чувственно воспринимаемых материальных явлений, ассоциируемых с книжностью («библио»), и в плоскости умозрительно-философски постигаемых разумных смыслов (знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий), ассоциируемых с человечностью («логосом»). Здесь человечность олицетворяет антропологические, природно-обусловленные знания, способности и умения библиоперсонала, а книжность включает технические средства, созданные в логосфере после изобретения письменности. Таким образом, вырисовывается Идея классического Библиологоса, которую выражает следующая *философско-культурологическая формулировка*:

Библиологос – научная Идея, нацеленная на создание в цивилизованной логосфере *междисциплинарного синтеза философского знания о человечности и культурологического знания о книжности*. Междисциплинарный синтез мыслится как творческое взаимодействие философии и культурологии в процессе изучения человечности и книжности. Разумная организация взаимодействия фундаментальных научных дисциплин – необходимое условие реализации Идеи, которое заключается в субъект-объектной формуле. Философия, как известно, выступает не как описательная фактография, а как открытие активным субъектом наиболее общих законов природы, общества, мышления, как критерий истины и общая методология познания, как основа научного мировоззрения и разумного образа жизни⁵⁴. Под культурологическими понимаются эмпирические исследования, которые описывают, классифицируют и объясняют объекты культуры в совокупности их ценностно-смысловых, нормативно-регулятивных и знаково-коммуникативных характеристик. Различаются три номинации: гуманитарно-феноменологическая, специализирующаяся на опи-

⁵⁴ Кемеров В. Е. Философия // Современный философский словарь. 3-е изд. / под общей ред. В. Е. Кемерова. М.: Академический проект, 2004. С. 762–763.

сании и классификации культурных объектов (книжных памятников, например); социально-культурная, систематизирующая культурные явления, к примеру, библиотеки, с точки зрения их генезиса и функций; прикладная, разрабатывающая технологии и методы трансляции культурных новаций и ценностей⁵⁵.

Разумеется, в Идее Библиологоса нужно стремиться к тому, чтобы философское субъективное глубокомыслие и культурологическая объективная эрудиция дополняли друг друга в рамках абстрактной субъект-объектной формулы. Тогда получается *абстрактная субъект-объектная формула философско-культурологического Библиологоса*, где в качестве активного субъекта междисциплинарного синтеза выступает человечность, а в качестве объекта взаимодействия – книжность. **Человечность** понимается, согласно формуле в «Предуведомлении», как единство *материального начала* в виде врожденной homo sapiens биологической телесности, включая психологические структуры и способности к коллективной орудийной трудовой деятельности, и *духовного начала* в виде личностного одухотворения. Зрелая **книжность** цивилизованной логосферы представляет собой *библиосферу*, то есть пространство книжной культуры, область бытия книги, которая в период классического рационализма включает такие социально-культурные институты (системы, или отрасли книжного дела), как: издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическое дело. Помимо отраслевых институтов, органами классической библиосферы могут быть: библиофильское социально-культурное движение; некоммерческие и коммерческие учредители и добровольные объединения; государственные органы управления и цензуры. Культурологические проблемы библиосферы изучаются родственными, относительно самостоятельными научно-практическими учениями (библиографоведение, библиотековедение, документоведение, история книги, библиополистика, эдициология и др.), а общей проблематикой занимаются книговедение – комплексная наука (или комплекс наук) о книге и книжном деле, а также общая теория документа, или документология.

В данном *абстрактном субъект-объектном определении* обобщен представленный в Идее *желательный* образ классиче-

⁵⁵ Флиер А. Я. Культурологические науки // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 241–246.

ского Библиологоса, но не реально существовавшие исторически устойчивые социальные группы людей, владеющих книжной культурой, пишущих и читающих книги, непосредственно участвующих в создании, хранении и распространении произведений письменности и полиграфии. Реальные конкретные библиологосы многообразны и многолики, хотя все они включают субъекты человечности и объекты книжности. Природно-этнические особенности, естественные языки и менталитеты, историческая память и традиции служат основанием для разнообразных национально-культурных библиологосов, например, индийский или российский Библиологос. В цивилизованном обществе существуют, по крайней мере, пять областей умственного труда, в которых без активного «книжного разума» и традиционной книжности никак не обойтись. Во-первых, такой областью издревле являются *религиозные конфессии*, хранящие священные писания, заветы «отцов церкви» и прочую духовную книжность. Во-вторых, национально ориентированные филологи ревниво оберегают искусство слова и *художественную литературу* прошлых поколений. В-третьих, *образование* с древнейших времен понималось как единый процесс воспитания и обучения, в результате которого учащиеся приобретают знания, умения, навыки, морально-нравственные установки и образцы поведения, принятые в данном обществе. В-четвертых, *наука* в качестве общественно организованной деятельности по производству достоверных знаний возможна только благодаря письменности и особенно книгопечатания, которые изначала были средствами Библиологоса. Наконец, в-пятых, *политическая* деятельность неизменно остается ареной письменной коммуникации, и библиотечно-информационный менеджмент не исключение⁵⁶. Итак, семейство конкретных библиологосов оказывается *многоликим*: в монастырской или учебно-педагогической среде локальный Библиологос выглядит иначе, чем в научно-исследовательских аудиториях, а политическая коммуникация отличается собственной спецификой.

Обобщая сказанное, сделаем несколько выводов. С точки зрения политической экономии, Библиологос цивилизованного общества является **производительной силой** в виде «людей, обладающих

---

⁵⁶ Сулова И. М., Ключев В. К. Менеджмент библиотечно-информационной деятельности. Учебник для вузов культуры и искусств. СПб.: Профессия, 2010. 600 с.

знаниями, производственным опытом, навыками к труду и приводящих средства производства в действие»⁵⁷, обеспечивая жизнеспособность социума в целом и его социально-культурных институтов. Вместе с тем реалистическая философия, представляющая материю и дух как равно значимые и взаимообусловленные слагаемые бытия и усматривающая закон *единства идеальной и материальной субстанций* в произведениях письменности, в книжной коммуникации и культуре⁵⁸, показывает, что в свете этого закона Библиологос выглядит генетически как единство **коллективного разума** (рациональные знания о мире, менталитет, историческая память, морально-этические нормы) и *материального* его воплощения, включающего природные предпосылки и культурные изделия вплоть до искусственного интеллекта. Важно учитывать, что в классическом Библиологосе приоритет отдается не техническим средствам, а *человечности*, ибо философы-гуманисты в конце XIX века пришли к выводу: «Человек есть нечто столь обширное и многообразное, что все известные его определения вряд ли могут считаться удачными. Вместе с тем очевидно, что нет другой более значимой философской задачи, чем решение проблемы человека»⁵⁹. Действительно, *homo sapiens*, в отличие от прочих живых существ, способен к рациональному мышлению, к мысленному воспроизведению прошлого и порождению нового знания. Философские и культурологические исследования показывают обусловленность человеческого мышления такими социально-культурными процессами, как: социальная коммуникация, культурная преемственность поколений, историческая память. Совокупность перечисленных социально-культурных процессов не случайна: она сформировалась исторически в процессе социально-культурной эволюции человечества и представляет собой **овеществленный Разум общества**.

Теперь, завершая размышления об Идее классического Библиологоса, сформулируем некоторые дефиниции, отвечающие на вопрос *Что есть Библиологос?*

---

⁵⁷ Политическая экономия: Словарь / Под ред. М. И. Волкова и др. М.: Политиздат, 1979. С. 313.

⁵⁸ Реалистическая философия: учебник для вузов / под ред. В. Л. Обухова. СПб: СПбГАУ, Химиздат, 2003. 384 с.

⁵⁹ Гуревич П. С. Философская антропология: учеб. пособие. М.: Омга-Л, 2010. С. 93.

1. Философско-культурологическая научная Идея: **Библиологос** – научная Идея, нацеленная на создание в цивилизованной логосфере междисциплинарного синтеза философского знания о человечности и культурологического знания о книжности. Идею выражает абстрактная субъект-объектная формула, которая читается так: **Библиологос** – философско-культурологическая формула, где в качестве активного субъекта междисциплинарного синтеза выступает человечность, а в качестве объекта взаимодействия – книжность.

2. Производительная сила цивилизованного общества: **Библиологос** – коллективный творческий Разум цивилизованного общества в виде производительной силы, обеспечивающей создание, сохранение, использование библиосферы и книжной культуры; под книжной культурой понимается творческая и коммуникационная деятельность человеческого общества, осуществляемая посредством интеллектуальных ресурсов книжности. В данном случае **Библиологос** определяется как коллективный Разум национально-культурной, социально-производственной или иной социально сплоченной общности, в виде овеществленных знаний, технологических умений и ценностных ориентаций, необходимых интеллигентам-книжникам для создания и развития библиосферы и сохранения культурной идентичности в историческом времени (учебная и научная литература, нормативно-правовые руководства, библиографические пособия, книжные памятники).

3. Метафорическое определение реального социального слоя: **Библиологос** – метафора социального слоя интеллигентов-книжников (ученые и писатели, теоретики и практики книжного и библиотечного дела, библиофилы и политики книжной культуры), обеспечивающих формирование и развитие библиосферы, преобразование в книжную форму общественного знания, его оценку, распространение в культурном пространстве, сохранение в виде культурной памяти и передачу новым поколениям в качестве овеществленного культурного наследия.

Философско-культурологическое осмысление Идеи классического Библиологоса необходимо для понимания коэволюции человечности и книжности. Однако избыточность дефиниций нежелательна, ибо приводит к тавтологичным выражениям, когда утверждение «производительная сила Библиологоса есть субъект – объектное отношение» трансформируется в тождество «Библиологос есть Библиологос».

2.2. Возрождение. Просвещение. Кортеж революций

Эпоха Возрождения (Ренессанса) XIV–XVI вв. обогатила человечество двумя великими идеями: идеей гуманизма и идеей антропоцентризма. *Гуманизм* возник как филологическое движение в Италии середины XIV века в связи с изучением и преподаванием классических греко-римских текстов. Итальянские филологи называли свои занятия «*studia humanitatis*» и провозглашали целью «познание вещей, которые относятся к жизни и нравам и которые совершенствуют и украшают человека». С этой целью они посвящали себя изучению, переводу и комментированию античных текстов. Единство гуманизма и книжности – характерная особенность ренессансного Библиологоса. Л. М. Баткин авторитетно утверждал: «гуманисты – это те книжники, которые усвоили особый и необычный стиль общения, определенный круг занятий и чтения, способ мышления»⁶⁰. Зачинатели ренессансного гуманизма Ф. Петрарка (1304–1374), Дж. Боккаччо (1313–1375), П. Браччолини (1380–1459), Н. Никколи (1363–1437) изначально были страстными библиофилами, собирателями и почитателями античных и современных манускриптов. Достопримечательностью Флоренции своего времени стал *Никколо Никколи*, истративший свое солидное состояние на книги и предметы искусства, которые ему привозили со всех концов Европы. Бескорыстный гуманист завещал 800 ценнейших рукописей для создания общедоступной библиотеки⁶¹. Библиофилы-гуманисты отказались от средневековой учености, пропитанной схоластическим духом, и с энтузиазмом возрождали античный Библиологос, оттачивая классический латинский язык и иногда вдохновляясь «Божественной комедией» *Данте Алигьери* (1265–1321).

Если религиозная догматика утверждала теоцентризм (на первом месте всегда должен стоять Бог, и лишь затем человек), то гуманисты выдвинули принцип *антропоцентризма* – приоритет человечности. Молодой флорентийский аристократ *Джованни Пико делла Мирандола* (1463–1494) восторженно восклицал: «Человек наделен, как и скоты, чувственным восприятием, внешним и внутренним; наделен также духом, коему свойственен

⁶⁰ Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. С. 62.

⁶¹ Там же. С. 45.

небесный разум; он причастен ангельскому уму. В нем воистину божественное обладание всеми этими природами, сливающимися в одно, отчего хочется воскликнуть: «Великое чудо человек!»⁶². Гуманистический идеал, вдохновлявший мыслителей и педагогов эпохи Возрождения – *всесторонне развитая личность*. Это активный, этически и граждански ориентированный, хорошо образованный, просвещенный и физически развитый человек; он отличается чувством собственного достоинства, патриотизмом, стойкостью, способностью к разным видам общественной деятельности. Обоснованный и воспетый в трактатах гуманистов идеал человека можно назвать *моделью ренессансного Человека*. Репутацию крупного и оригинального мыслителя ренессансной культуры приобрел **Николо Макиавелли** (1469–1527).

Решающее значение для становления классического европейского Библиологоса имело изобретение в середине XV века *технологии книгопечатания*, которое, по словам современника, представляет собой «искусство искусств, науку наук. Его чрезвычайная продуктивность позволила выволить из мрака сокровища знаний и мудрости, чтобы обогатить и просветить мир»⁶³. Именно в изобретении печатного станка коренятся истоки распространения грамотности, научного и промышленного прогресса в Европе. Экономическая стратификация капитализирующегося общества сочеталась с культурной дифференциацией социальных слоев и групп, которая выражалась в уровне книжной культуры и умственного развития населения. Инкунабулы и палеотипы, заполнившие европейские книжные рынки, способствовали распространению идеологии ренессансного гуманизма: принципа антропоцентризма, преодоление религиозного монополизма (половину инкунабул составляла художественная и научная литература), признание ценности неклассических языков – итальянского, немецкого, французского, английского, испанского, чешского и других. В конце XV века появились первые печатные книги на кириллице, изданные в Кракове печатником **Швайпльтом Фиолем**; в начале XVI века развернул свою деятельность белорусский просветитель-первопечатник **Франциск Скорина** (до 1490 – не позднее 1551); в середине века в Москве работала так называемая «анонимная типография»; в

⁶² Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.). М., 1999. С. 79.

⁶³ Владимиров Л. И. Всеобщая история книги. М.: Книга, 1988. С. 97.

1564 году основатель книгопечатания в России *Иван Федоров* (ок. 1510–1583) напечатал первую русскую, точно датированную книгу «Апостол» – превосходно оформленное и обильно орнаментированное издание.

В Европе экономическая стратификация капитализирующегося общества сочеталась с культурной дифференциацией населения, которая выражалась в уровне книжной культуры и умственного развития. Век Просвещения XVIII в. знал просвещенных людей двух типов: *человек экономический* и *человек разумный (литератор)*. *Человек экономический* известен также как *буржуа* (третье сословие, помимо благородного дворянства и крестьянства). Становление классической экономической школы связано с именем выдающегося английского ученого *Адама Смита* (1723–1790). Основным его произведением является «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). В нем А. Смит выдвинул абстракцию «экономический человек», характеризующую в чистом виде действия людей в экономике. «Экономический человек», по его мнению, руководствуется только выгодой, как человек-эгоист. Из природы человека-эгоиста рождается обмен, поскольку он не делает подарков и если что-то дает, то требует как минимум эквивалентного возмещения. Таким образом, обмен, рыночная экономика, по А. Смиту, естественны для человека-предпринимателя.

Дальнейшим развитием концепции «человека экономического» является произведение немецкого социолога и экономиста *Макса Вебера* (1864–1920) «Протестантская этика и дух капитализма» (1905). В этой работе Вебер пытался объяснить генезис современного капитализма с позиции социологии религии, в частности протестантизма. Обращаясь к XVI веку, он замечает, что Реформацию приняли исключительно богатые и экономически развитые регионы. Поскольку идеальный тип капитализма трактуется им как торжество рациональности во всех сферах хозяйственной жизни, он усматривает связь между духом капиталистической экономики, основанной на идеале предпринимателя-рационалиста, и этическим кодексом протестантских вероисповеданий. Дело в том, что в протестантизме в противоположность католичеству упор делается не на изучении догматики, а на моральной практике, выражающейся в мирском служении экономического человека, в выполнении им своего мирского долга. Эту установку Вебер назвал «мирским аскетизмом».

Человек разумный – другой характерный для эпохи Просвещения тип личности, являющийся в этическом плане антиподом «человека экономического». Просвещенный XVIII век воззвал к гуманистическим идеалам разума, науки, свободной личности и предпринимательской инициативы. Были введены в оборот понятия «природы человека» и «естественных прав человека»⁶⁴. **Дени Дидро** (1713–1784) – наиболее яркий представитель просветителей-гуманистов, который прославится в качестве философа-материалиста, талантливого литератора, теоретика искусства и (великое дело его жизни!) главного идеолога и редактора уникального издания – «Энциклопедия, или Толковый словарь искусств, наук и ремесел». Он сумел заинтересовать энциклопедической идеей не только книгоиздателей-коммерсантов, но и увлечь ею лучшие умы своего времени. Исполнителей грандиозного энциклопедического проекта вдохновляла гуманистическая уверенность, что распространение накопленных человечеством знаний, их практическое использование для разумной организации общества и производства всевозможных благ позволят устранить невежество, тиранию, нищету и утвердить повсеместно свободу, равенство, братство.

Чтобы получить целостное представление о духовном облике человека разумного эпохи Просвещения, обратимся к энциклопедической статье «Литератор», принадлежащей перу Вольтера и опубликованной в 1754 году в 7-м томе «Энциклопедии». Возможно, именно Дидро послужил прототипом вольтеровского героя. Вот фрагмент статьи: «Одно из огромных преимуществ нашего века – множество образованных людей, легко переходящих от шипов математики к цветам поэзии и одинаково хорошо судящих и о книге, посвященной метафизике, и о театральной пьесе; этим они превосходят образованных людей предыдущих столетий. Глубокий и утонченный интеллект многих из них, интеллект, коим пропитаны их сочинения и беседы, во многом способствует образованию и просвещению нации; подкрепленная здоровой философией, их критика разрушила все предрассудки, которыми было заражено общество. Литератор – это совсем не то, что называется остроумным человеком: в

---

⁶⁴ Естественное право – понятие политической и правовой мысли, означающее совокупность норм, принципов, прав и запретов, продиктованных природой человека и не зависящих от законодательного признания или непризнания их государственной властью.

человеке просто остроумном меньше культуры, меньше знаний, от него не требуется никакой философии; ему присущи, главным образом, блестящее воображение и изящная речь, что достигается чтением работ общего характера»⁶⁵.

В конце XVIII столетия появились апологии, в которых библиография определялась как «обширнейшая наука, объемлющая всю совокупность знаний, связанных с миром письменности». *Нэ де ля Рошель* (1751–1837) героизировал библиографическую профессию: «Неустанно трудясь среди древних и современных произведений, Библиограф должен стать тем редко встречающимся человеком – универсально образованным, судящим обо всем на разных языках, который так необходим различным обществам. Своей должностью он предназначен знать все Книги – полезные, редкие и любопытные не только по названию, но более всего по содержанию. Его жизнь проходит за их чтением, анализом, классификацией и описанием, в посещении Библиотек и Кабинетов для преумножения собственных познаний; он определяет то, что современные авторы добавили нового к трудам древних, и то, что древние постигли ранее современных. Он не ищет развлечений, но ждет у себя тех, кого к нему приводит потребность в его мнении»⁶⁶. Литератора-гуманиста правомерно почитать в качестве патриарха гуманитарной интеллигенции.

Правда, среди гуманистов-книжников встречались скептики, которые сомневались во всемогуществе нормального человека, ссылаясь на то, что он не может противостоять собственной глупости и невежеству. Популярным произведением ренессансного Библиологоса является сатирический трактат «Похвала глупости», принадлежащий перу «князя гуманистов» *Эразма Роттердамского* (1469–1536), более 500 лет удивляющий житейской мудростью и блеском остроумия⁶⁷. Полезно напомнить некоторые из бессмертных афоризмов Эразма: «Даруй свет, и тьма исчезнет сама собой»; «Моя родина там, где моя библиотека»; «Так уж устроена человеческая душа, что более прельщается обманами, нежели истиной»; «Ненавистна природе всякая фальшь, и всего лучше бывает

---

⁶⁵ Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994. С. 331.

⁶⁶ Леонов В. П. Библиография как профессия. М.: Наука, 2005. С. 108.

⁶⁷ Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М.: Издательство «Э», 2017. 160 с.

то, что не искажено никакой наукой»; «Война, столь всеми прославляемая, ведется дармоедами, ворами, убийцами, невежественными мужиками и тому подобным отребьем, а отнюдь не просвещенными философами» и т. п.

Технологическое оснащение Библиологоса как производительной силы было подготовлено точными науками и опытным естествознанием XVII–XVIII веков, которые обеспечили почву для *кортеза революций*, трансформировавших аграрно-ремесленное общество в общество индустриальное. *Революция* – скачкообразное социально-культурное изменение в жизни человеческого общества. Скачок складывается из двух противоположно направленных процессов: во-первых, уничтожение (отрицание) старого качества, во-вторых, генезис (рождение) нового единства качественных и количественных характеристик обновленного объекта. В отличие от насаждаемых властью реформ, революции – стихийный процесс, сопровождаемый насилием. *В. И. Ленин* сформулировал три условия возникновения революционной ситуации в обществе: во-первых, верхи не могут управлять по-старому; во-вторых, низы не желают мириться со своим угнетенным положением; в-третьих, активность масс значительно возрастает в условиях социального кризиса⁶⁸. Исходя из сказанного, примем следующие дефиниции: *революция* – насильственное отрицание общественных стереотипов прошлого путем стихийного взрыва социальной активности; *эволюция* – направленное изменение любого процесса, системы, в реальном времени, имеющее необратимый характер без разрушительного взрыва. Скачкообразное развитие общества стимулируется революционными взрывами и эволюционными трансформациями среды, причем книжная культура является активным фактором социальных революций всех типов и сама подвержена революционным изменениям. *Эволюционизм* – рассмотрение последовательных изменений некоторого предмета или системы с течением времени в качестве направленного процесса (эволюции). Методология эволюционизма традиционно используется в биологических и общественных науках, но в XX веке она распространилась на неорганическую природу, благодаря концепции В. И. Вернадского об эволюции Земли в направлении ноосферы, развитию космологии и синергетики.

⁶⁸ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 69–70.

Типология революций может строиться на разных основаниях. По содержанию различаются: религиозные революции, например, христианизация Руси; политические революции (смена государственной власти); промышленные (технологические) революции; культурные революции; научные революции. Формами революционных акций могут быть насилие, демонстрации, бунты, вооруженные восстания и т. д. а могут быть словесные воззвания, произведения письменности и печати. С целью контроля над книжной коммуникацией в Европе еще до изобретения книгопечатания был установлен надзор за правильностью переписки церковных и юридических книг, а индексы запрещенных (отреченных) книг регулярно распространялись католической и православной церквями. Расширение книгоиздательской и журналистской деятельности в европейских странах и в России неизбежно сопровождалось укреплением института государственной цензуры⁶⁹.

В XVIII веке прогрессивные просветители понимали **революцию** как отрицание отжившего прошлого и решительный скачок в светлое будущее. В 14 томе знаменитой «Энциклопедии наук искусств и ремесел», выходящей в 1751–1772 годах под редакцией Дени Дидро, содержится специальная статья, где «революция» трактуется как «существенное изменение в управлении государством», примером которого может служить Английская революция XVII века⁷⁰. После Великой французской революции (1789–1799) и последующих революционных событий XIX века в разных странах, закрепилось *социально-политическое понимание революции* как смены государственной власти в результате народного восстания. Радикальные марксисты считали вооруженное восстание и диктатуру пролетариата необходимым этапом социалистической революции, однако в XX веке большинство социал-демократов склонилось к мирному завоеванию власти парламентским путем. Помимо социалистических, в качестве видов политических революций высту-

⁶⁹ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 320 с.; Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: СПбГУКИ, 2003. 404 с.; Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.; Цензура в России: история и современность: сб. науч. трудов. Вып. 1. СПб.: РНБ, 2001. 270 с.

⁷⁰ Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994. С. 524–525.

пают национально-освободительные, буржуазно-демократические, народно-демократические революции.

Экономическая наука учитывает несколько революционных скачков в истории развития производительных сил человечества, начиная с *неолитической революции* (VIII–V тыс. до н. э.), заключающейся в переходе к производящей экономике (земледелие, скотоводство), свойственной средневековому феодальному обществу. Сменившие средневековые *техногенные цивилизации* (цивилизации типа *модерн*) начали формироваться в европейском регионе в XV–XVI столетиях после распространения книгопечатания, Великих географических открытий, ренессансного гуманизма и реформации религии, которые обусловили стремительную технологизацию общества.

Первая промышленная революция (середина XVIII – середина XIX века) характеризуется скачкообразным ростом машинной индустрии, резким повышением производительности труда, быстрой урбанизацией, утверждением капитализма в качестве господствующей экономической системы. Промышленная революция началась в Англии с изобретения механической прялки (1765) и паровой машины (1784). В 1803 г. в США был создан первый автомобиль с паровым двигателем, в 1807 г. спуск на воду первого парохода и в 1819 г. – первое пересечение пароходом Атлантического океана, наконец, в 1825 г. была открыта первая железная дорога, построенная англичанином Джорджем Стефенсоном. В первой половине XIX века транспортная индустриализация, включая пароходы и паровозы, охватила другие страны Европы и Америки.

Промышленная революция ознаменовала начальную стадию ***техногенной книжной культуры*** как «*творческой и коммуникационной деятельности человеческого общества, осуществляемой посредством символов в книжной форме*»⁷¹. Техногенная книжная культура – это неперменная структурная составляющая творческой (креативной) или коммуникационной деятельности людей, выраженная знаковыми символами. Книжная культура, как и всякое явление культуры, существует не вечно, а в течение определенного периода исторического времени, длительность которого зависит от потребностей человеческого общества. Если историю книжной культуры представить в виде жизненного цикла, то

⁷¹ Соколов А. В. Рабочая дефиниция книжной культуры: прамбула межнаучного диалога // Библиография. 2019. № 5. С. 25.

можно выделить три последовательных стадии: 1) начальная стадия зарождения; 2) центральная стадия расцвета; 3) конечная стадия трансформации культуры. Данные стадии присутствуют как в национально-культурных библиологосах, например, российском Библиологосе, так и в частных практиках документации и литературы.

В динамике Библиологоса особенно важны следующие факторы интеллектуально – технологических революций Нового времени: во-первых, *научно-технический прогресс* – развитие технических средств Библиологоса как производительной силы, открывающей новые цивилизационные возможности; во-вторых, развитие *интеллектуально-гуманистического* содержания жизни общества; в-третьих, совершенствование *антропологического типа* человека, члена общества. В зависимости от преобладающего фактора революционные преобразования можно поделить на три класса: *антропологические революции* – активные субъекты отказываются от прежнего образа жизни, и формируется человек нового типа; *интеллектуальные революции* – цивилизованное общество переживает духовный кризис и преобразуется в культурный социум нового типа; *технологические революции* – обновление технических средств и методов, находящихся в распоряжении социума.

Вторая промышленная революция (последняя треть XIX – начало XX века), освоила электроэнергию, химикаты, электродвигатели, двигатели внутреннего сгорания, дешевый способ выплавки стали, а ее кульминацией стало распространение поточного производства и поточных линий. Эта революция ознаменована развитием технических средств как транспортной, так и смысловой коммуникации: 1837 год – патентование идеи электрического телеграфа Сэмюэлем Морзе; 1866 – проложен первый телеграфный кабель через Атлантический океан; 1876 – в США запатентован телефон Александра Белла; 1895 – изобретение радиосвязи. Получила распространение мифологема *фаустовского человека*, символизирующего западноевропейскую культуру, перерождающуюся в техногенную цивилизацию⁷².

Антропологические революции в процессе антропогенеза (глоттогенез, изобретение письменности) изменяли морфологию

---

⁷² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.

ческие, нейро-анатомические параметры homo sapiens – объем и структуру мозга, строение кисти руки, право-левосторонняя асимметрию мозга и др. Образование логосферы как общего пространства языка и мышления, формирование культурно-антропологического типа логоцентрика и рождение Библиологоса ознаменовали активизацию духовной эволюции планеты Земля, реализующейся в кортежах интеллектуальных революций зрелого Логоса. Книжные идеологии вдохновляли культурные новации Ренессанса, Реформации, Просвещения, на основе которых сформировался западноевропейский *Модерн*. Наряду с апологетическими фаустовскими мифами, известны их антиподы – негативные мифы, осуждающие беспощадный рационализм, деспотизм, жестокость, цинизм, свойственные данному антропологическому типу. В XX веке апологеты креативного класса⁷³ восславили разумного *интеллектуала*, который руководствуется не эмоциями милосердия, жалости, сочувствия, противоречащими интересам дела, а здоровым скептицизмом, здравым смыслом, трезвым расчетом, а также личными способностями и талантами. Идеал либерального Библиологоса нашел довольно выразительное воплощение в сочинениях **Исайи Берлина** (1909–1997)⁷⁴. Антиподами апологетических мифов об интеллектуалах стали гуманистические мифы об *интеллигентах*, утверждающие, что «интеллигент – это не столько профессионал в той или иной области духовного производства, сколько тираноборец и вестник-глашатай великого исторического реванша слабых над сильными»⁷⁵. Теперь, возвращаясь в XIX век, проследим становление классического Библиологоса на примере России.

2.3. Российский классический Библиологос

Доклассический период российского Логоса характеризует древнерусский *культ книги* (XI–XVII), который вырос из почитания священных книг и обожествления письменного слова. Византийское ученичество, нестяжательство, национальное самоутверждение (Москва – Третий Рим), старообрядчество и другие движения

---

⁷³ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. 432 с.

⁷⁴ Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.

⁷⁵ Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 73.

древнерусской духовности основаны на культе книги и почитании книжников. В эпоху Просвещения (XVIII – первая половина XIX века) социальный престиж литературы был чрезвычайно высок, она мыслилась средоточием науки, истории, философии, права, художеств. Постепенно складывался книжный рынок: в начале царствования Петра I издавалось 12 книг в год, а в конце царствования Екатерины II – 360 книг; Петр положил начало газетному делу, Екатерина – журналистике. Мистическая очарованность Книгой была распространена на Руси с давних времен, а золотой век дворянской культуры стал питательной почвой для российского Библиологоса.

Рождение классического Библиологоса в Российской империи середины XIX века было отмечено массовым открытием уездных, губернских, земских, церковно-приходских библиотек, учреждаемых государством, общественными организациями, благотворителями, церковью. Зарождающаяся библиотечная интеллигенция в соответствии с благородными идеалами Просвещения всегда считала миссией библиотек бескорыстное распространение знаний, культуры, внешкольного образования. Эта миссия отлично выражена *Любовью Борисовной Хавкиной* (1871–1949) в классическом труде «Книга и Библиотека» (1918), переизданном РНБ в 2011 г. В общедоступных и бесплатных библиотеках практически воплощалось *кredo классической библиотечной рациональности*: бескорыстное человеколюбие, социальная ответственность и справедливость, гуманность и благоговение перед культурой, которые стали типичными личностными качествами профессиональных библиотекарей. Расцвет библиосферы можно датировать второй половиной XIX – началом XX века. К этому времени относятся известные слова *А. И. Герцена*, объясняющие значение русского литературоцентризма: «У народа, лишённого общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести»⁷⁶. Общеизвестна роль литературы в подготовке общественного мнения к отмене крепостного права, в становлении и развертывании нигилизма, народничества, толстовства, эмансипации женщин. В это время складывается характерная для критического реализма тенденция учительства, проповедничества, обличительства.

---

⁷⁶ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1990. С.416.

Классическая российская библиосфера строилась из простых эмпирических систем (книг, библиотек, читателей и т. д.), которые легко поддаются опытному изучению и не требуют абстрактного моделирования, а в практической работе доминировал идеал, согласно которому объяснение и описание должны включать только характеристики объекта. Поэтому в библиотечных руководствах соблюдались требования классической рациональности: детальное описание современного состояния библиотек и библиотечных сетей, книжных потоков и формирования фондов, контингентов читателей и библиотечного обслуживания населения, методов обработки новых поступлений и пропаганды литературы, наконец, зданий и оборудования библиотек. Профессиональное самосознание классической библиосферы выражало *синкретическое учение о книге*, в котором мир книг рассматривался без дифференциации библиографических, библиотечных, книготорговых, книгоиздательских и прочих аспектов. Синкретические взгляды господствовали в России более столетия: со статьи **В. Г. Анастасевича** «О библиографии», опубликованной в 1811 г., до статьи **Н. М. Лисовского** «Книговедение как предмет преподавания, о его сущности и задачах» (1915). В отечественной науке синкретическая стадия была впервые обозначена **Э. К. Беспаловой** в контексте «исторической эпистемологии библиографоведения»⁷⁷ и всесторонне рассмотрена **Н. К. Леликовой**⁷⁸. В 1913 году выпуск книг в Российской империи составлял 34 тысячи названий (в 1814 году – 234 названия, т.е. возрос в 145 раз); газет и журналов издавалось соответственно 2028 и 33 (увеличение в 61,5 раза). Интенсивная и разнообразная издательская деятельность сочеталась с расцветом русской литературы, науки, философии, искусства, который принято называть *Серебряным веком русской культуры*. С точки зрения развития книжной культуры начало XX века по праву считается *вершиной русского литературоцентризма*.

В эпоху Серебряного века в пространстве синкретической «науки о книге» сформировался ряд конкретных книговедческих дисциплин. **Александр Михайлович Ловягин** (1870–1925) в научных и учебных публикациях, посвященных сначала «биб-

⁷⁷ Беспалова Э. К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.): монография. М.: Изд-во МГУК, 1994. 282 с

⁷⁸ Леликова Н. К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. СПб.: РНБ, 2004. 415 с.

лиологии»⁷⁹, а затем «книговедению»⁸⁰, отмечал, что наука о книге в целом является отраслью еще более общей «науки об общении и культуре людей», то есть отраслью теории коммуникации. Вместе с тем библиологию (книговедение) он характеризовал как «науку теоретическую, объединяющую в целостную систему знания и наблюдения о книге», накопленные конкретными прикладными учениями (в современной эпистемологии такие научные теории имеют статус «метатеории»). Понятием «книжная культура» Ловягин не пользовался, но знания о книжности систематизировал в виде трех иерархических уровней: Первый – общая теория коммуникации (высший уровень обобщения); Второй (метатеоретический) уровень – книговедение, или библиология, обобщающая книговедческие теории; Третий уровень концентрировал конкретные эмпирические учения о книжном деле (библиотекведение, библиографоведение, книгоиздание, книжная торговля) и филологические исследования по истории книги и библиофильству.

Любопытно, что оживление библиологической мысли совпало с активизацией социально-политических революционных движений. По мнению советско-британского философа-политолога *Александра Моисеевича Пятигорского* (1929–2009), кортеж европейских политических революций в общей сложности насчитывает одиннадцать *абсолютных* революций, то есть исторических актов, завершившихся существенной трансформацией государственного устройства⁸¹. Начало кортежа он усмотрел в кровавых междоусобицах древнеримской империи, а финал датировал политико-экономической перестройкой, осуществленной в Советском Союзе в 1980-е–1990-е годы. В Новое время век Просвещения породил политические революции всемирно-исторического значения. Эти революции можно квалифицировать как «*Мятеж просвещенного Разума*» – политический эпилог Просвещения, почти одновременно разыгранный на двух аренах: в английских колониях в Северной Америке (1775–1783), завершившийся созданием Соединенных Штатов Америки, и в революционной Франции в 1789–1799 годах.

---

⁷⁹ Ловягин А. М. Библиологические очерки. Петроград: Русское библиологическое общество, 1916. 38 с.

⁸⁰ Ловягин А. М. Основы книговедения: Популярный очерк. Ленинград: Начатки знаний, 1926. 164 с.

⁸¹ Пятигорский А. М. Что такое политическая философия: размышления и соображения: цикл лекций. М.: Изд-во «Европа», 2007. С. 137–138.

Глубинной причиной революционных катаклизмов европейские мыслители после *Жан-Жака Руссо* (1712–1778) объявили частную собственность, породившую бесчеловечное неравенство между людьми.

В XIX веке дегуманизация капиталистического общества стала предметом критики не только со стороны революционных демократов и марксистов (К. Маркс называл коммунизм «практическим, или реальным, гуманизмом»), но и со стороны русской интеллигенции. Русские религиозные философы осуждали европейский гуманизм за деградацию от христианского «богочеловечества» к антихристианскому «человекобожеству», то есть обожествлению самого человека. По мнению *Владимира Сергеевича Соловьева* (1853–1900), развитие индивидуализма на современном Западе ведет к всеобщему обезличиванию, переходит в пустой и мелкий эгоизм. Русские символисты Серебряного века, поклоняясь Вечной Женственности – спасительной Красоте, отвергали буржуазный мир за его мещанский практицизм и рационалистический прагматизм. Характерна эволюция взглядов *Александра Блока* (1880–1921): «Блок 1910-х гг. существенно видоизменяет концепции «богочеловечества», создавая собственный «миф о Человеке», «миф о человеческой истории». Человеку здесь отводится особая, несоизмеримая с философией и лирикой Владимира Соловьева, роль. В понятия «человек» и «человечность» входят неудачливость, страдание и одновременно высокое мужество, спокойная жертвенность, готовность к гибели. Человек – носитель этического и героического начала»⁸². Однако весной 1919 года благородный гуманист «по происхождению и по крови» выступил с «мучительным» докладом «Крушение гуманизма». В истощенном мировой и гражданской войной Петрограде опечаленный поэт утверждал, что «движение гуманной цивилизации сменилось новым движением; цель движения – уже не этический, не политический, не гуманный человек, а человек – артист; он, и только он, будет способен жадно жить и действовать в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество»⁸³.

⁸² Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: «Искусство – СПб», 2000. С. 513, 514.

⁸³ Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т.6. Проза. 1918–1921. М. Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1962. С. 115.

Оптимистической артистичности выступления русского поэта противостоит пессимистический прогноз его ровесника – немецкого мыслителя *Освальда Шпенглера* (1880–1936). В двухтомнике «Закат Европы» (Т. 1, 1918; Т. 2, 1922) Шпенглер предрек не карнавал «вихрей и бурь», ожидающий человечество, а трансформацию европейской культуры в цивилизацию, представляющую собой «окаменевший мировой город», бредущий «за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение».

Спор о судьбе гуманизма с особой силой разгорелся после окончания Второй мировой войны. В октябре 1945 года французский философ *Жан-Поль Сартр* (1905–1980) выступил в Париже с лекцией «Экзистенциализм – это гуманизм», в которой поставил вопрос: Можно ли всерьез рассуждать о гуманизме после ужасов концентрационных лагерей и геноцида целых народов? Как можно оставаться нормальным человеком в среде насилия, ненависти и бесчеловечности? Исходя из гуманистической аксиомы «экзистенция (существование) предшествует эссенции (сущности)», Сартр делает вывод, что индивидуальный человек, а не социальная среда, сам свободно творит себя, свою сущность и отвечает за свои деяния и поступки. Поэтому свободно сделанный индивидом выбор является единственным прибежищем гуманизма, ибо личный выбор каждого человека составляет смысл его существования в мире. Экзистенциализм – это гуманизм, настаивает философ-экзистенциалист, потому что он напоминает человеку о том, что кроме него нет никакого другого творца, и только человек посредством целесообразной деятельности может реализовать себя как гуманное существо.

Идеи коммунистического равенства, мировой революции, марксизм-ленинизм в целом, – безусловно, *книжные идеи*, но когда революционеры-книжники захватили власть, оказалось, что взрастивший их литературоцентризм вовсе им не нужен. В духовной жизни был утверждён *политикоцентризм*, то есть главенство принципа коммунистической партийности. Вольнолюбивый литературоцентризм был преобразован в псевдолитературоцентризм; непокорные писатели были репрессированы, а услужливые осыпаны материальными и моральными поощрениями. Библиосфера, созданная деятелями Серебряного века, была взята Советской властью на вооружение и увеличена до колоссальных размеров.

Социалистическая революция в России не изменила традиционные средства и методы библиотечной и библиографической работы,

но существенно повлияла на философско-мировоззренческие установки и ценностные ориентации работников библиосферы. Красноречивое свидетельство – решение Первого Библиотечного съезда (июль 1924 г.), где декларировалось, что основную цель своей работы библиотечные работники видят в том, чтобы выковать из библиотеки орудие выработки коммунистического мировоззрения, чтобы превратить ее в очаг воспитания и просвещения в духе марксизма и ленинизма. Таким образом, просветительское гуманистическое кредо сменила воинствующая установка «выковать из библиотеки орудие», «стать активным борцом за очередные лозунги» и т. д. В дальнейшем эта установка трансформировалась в официально закрепленную идейно-воспитательную (идеологическую) функцию советских библиотек.

Книгоиздательский социальный институт превратился в отрасль народного хозяйства с централизованным плановым управлением и жесткой идеологической цензурой. Одним из важнейших достижений большевистской культурной революции стало создание *мощной системы книжно-коммуникационных социальных институтов*, вошедших в индустриальную библиосферу. Советские библиографы, в особенности *Евгений Иванович Шамурин* (1889–1962), с гордостью заявляли, что разработка истории, теории, методики библиографии, так же, как государственная библиографическая регистрация и статистика печати, занимают первое место в мире. О выдающихся достижениях в области библиотечного строительства и социалистического библиотековедения, а также истории книжного дела, культуры книгоиздания и массового чтения, красноречиво писал *Оган Степанович Чубарьян* (1908–1976) в своих научных и учебных трудах. Профессионально-этической основой библиотечной практики было наследие просветительской интеллигенции Серебряного века, воспринятое советскими книжниками в качестве классического образца.

Анализируя краткий обзор становления и развития российского классического Библиологоса, кажется удивительным, почему в классической российской книжности никогда не говорилось о «Книжном Разуме» или о «древнегреческом логосе»? Неужели в российской книжной культуре никакого «книжного разума» не было и нет, а неологизм «Библиологос» – это симулякр, то есть «знак, обозначающий то, чего нет»? Истины ради обратимся к многовековой истории отечественной библиотековедческой мысли, всесторонне раскрытой

*А. Н. Вансевым*⁸⁴, или в монографии *Н. К. Леликовой*, посвященной становлению и развитию книговедческой и библиографической наук в России⁸⁵. Эти авторитетные источники убеждают в том, что со времен крещения Руси книжный разум не покидал российских земель. В противном случае была бы неведома нам библиографическая, библиотековедческая или книговедческая мысль, озабоченная просвещением народа и сохранением национальной памяти. Выходит, что Анатолий Николаевич и Наталия Константиновна, выступая в качестве историков библиотековедения или библиографоведения, непроизвольно сыграли роль летописцев российского Библиологоса и творения библиосферы.

Тем не менее, летописи отечественного классического Библиологоса у нас нет. Почему? В гуманитарных науках и художественной литературе считается необходимым непосредственное чтение и обсуждение классических текстов, непрерывное перечитывание, переосмысление и переоценка классических трудов. Ведь нередко особенно продуктивным оказываются споры классиков между собой и позднейшие споры с классиками. В естественных науках идеи классиков распространяются в пересказе, а обращение к оригинальным текстам не считается обязательным. Поэтому в отличие от европейских курсов классической физики, классической истории, классической лингвистики и прочих «классических штудий» студенты нашей библиотечно-информационной школы не читают и не изучают классические произведения в оригинале.

Логично считать, что Библиологос достиг классической завершенности в России тогда, когда библиотековедение обрело статус науки. *Анатолий Николаевич Вансеев* со свойственной ему добросовестностью написал целую статью, в которой показал, что только в 1980 году библиотековедение было официально признано общественной наукой, разрабатывающей теоретические основы общественного пользования произведениями печати и другими документами⁸⁶. Именно в 80-е годы, названные «эпохой зрелого

---

⁸⁴ Вансеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. М.: Книга, 1980. 232 с.; Он же. Развитие библиотековедческой мысли в России, XI – начало XX в. СПб.: СПбГИК, 2018. 348 с.

⁸⁵ Леликова Н. К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. СПб.: РНБ, 2004. 415 с.

⁸⁶ Вансеев А. Н. Когда в России библиотековедение стало наукой? // Библиосфера. 2016. № 3. С. 75–79.

социализма», советский Библиологос завершил творение библиосферы в виде социально-коммуникационного пространства национальной книжной культуры цивилизованного общества и вступил в стадию неклассического существования. Но нельзя сказать, что нынешние интеллигенты-книжники хорошо освоили культурное наследие классического Библиологоса Серебряного века.

Вдохновляющий эффект признанных «классическими» работ связан с тем, что они указывают читателям, что надо делать и на что можно надеяться (вспомним И. Канта), а не подсказывают готовое знание. Подлинной классикой правомерно именовать ту часть прошлых достижений культуры, которая сохраняет свою актуальность в настоящем и продолжает существовать и оставаться востребованной наряду с более поздними произведениями искусства, философскими и политическими идеями, классическим либерализмом и физическими теориями. Классический российский Библиологос – это избранная книжность о вечной человечности, адресованная будущей неклассической человечности. Стоит вспомнить, что в эпоху гласности и перестройки когда в сознании советских интеллигентов-книжников пробудилось убеждение «Иного не дано»⁸⁷, именно литература стала тем рычагом, опираясь на который, демократы-реформаторы смогли расшатать колосс КПСС и СССР. 1990 год, когда был принят закон «О средствах массовой информации», упразднивший цензуру, стал финальной вехой жизненного пути классического российского литературоцентризма. Что сможет пообещать человечности неклассический Библиологос XXI века? Нужно спросить об этом советских интеллигентов-книжников, ибо они кровные родители российского Библиологоса.

2.4. Советские интеллигенты-книжники

Библиологическое эссе «Думы о Библиологосе – Книжном Разуме» посвящено интеллигентам-книжникам (см. Предупреждение). Поскольку интеллигент-книжник – главный герой повествования о человечности и книжности, остановимся на определении понятий «интеллигенция» и «советский интеллигент-книжник». Напомню, что в конце XIX столетия в «Толковом словаре живого великорусского языка» *Владимира Ивановича Даля* (1881) была обнародована лаконичная, но выразительная дефиниция: «*Интеллигенция* – разумная, образованная, умственно развитая часть

⁸⁷ Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. 680 с.

жителей» (Т. 2. С. 46). Интеллигентность изначально была связана с книжностью, и современники отмечали: «В наши дни трудно найти квартиру интеллигентного человека, в которой не имелось бы более или менее солидной коллекции книг, не имелось бы библиотеки. Отсутствие библиотеки в доме – это явное свидетельство малокультурности лиц, занимающих данную квартиру»⁸⁸. Как уже отмечалось, библиотечно-библиографическая классика первых лет Советской власти, соответствовала филологическим нормам Серебряного века. В этом ее культурно-историческое значение и теоретическая слабость, обусловившая наступление *неклассической рациональности*, культивирующей иные методы познания. Послевоенные 1950–1960-е годы советские философы науки маркируют как время *научной информационно-революции*, характеризующейся переходом к новой системе фундаментальных понятий, к новой научной картине мира и новым методам обоснования и организации знания. Советский Библиологос не остался в стороне от новых революционных веяний.

С начала 1970-х годов на страницах сборника «Советская библиография» замелькали непривычные для классического библиографа термины: «восхождение от абстрактного к конкретному», «библиографическая информация», «системность», «сущность библиографии», «библиографическое моделирование» и т. п. Эти термины были чужды принципу партийности, поэтому бдительные ветераны идеологического фронта не без основания заговорили об отрыве от практики коммунистического строительства вообще и советской библиографической практики в частности. Действительно, в 1970-е гг. библиографическая теория оторвалась, точнее *преодоле*ла догматическую партийность и начала поиск подлинной, естественной сущности библиографии. Вышли в свет не одна, а сразу две одновременно, подлинно научные фундаментальные монографии *А. И. Барсука*⁸⁹ и *О. П. Коршунова*⁹⁰. Эти издания воспринимались как прорыв из плена партийной ангажированности в царство духовной свободы, именуемой «теоретическое библиографоведение».

⁸⁸ Цит. по: Берков П. Н. История советского библиофильства (1917–1967). М., 1983. С. 34–35.

⁸⁹ Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. М: Книга, 1975. 206 с.

⁹⁰ Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии. М.: Книга, 1975. 191 с.

ние». Лидером научной революции был **Олег Павлович Коршунов**, энергично и деловито взявшийся за преобразование классической библиографической науки в неклассическое *библиографоведение*. Знаковыми достижениями стали вузовский учебник «Библиография. Общий курс», вышедший в свет под редакцией О. П. Коршунова в 1981 году, и новаторский ГОСТ 7.0–84 «Библиографическая деятельность. Основные термины и определения».

Суть новации О. П. Коршунова состояла в том, что предметом библиографоведения была признана *библиографическая (вторично-документальная) информация* как «сведения о документах (источниках информации), отчужденные от них». *Документами*, выступающими в качестве объектов библиографической деятельности, считалась любая социальная информация, зафиксированная человеком на любом материальном носителе в целях ее хранения, распространения и использования. Обращение к общенаучным смыслам *Информация и Документ* позволило выявить фундаментальные закономерности библиографической деятельности, перейти к сущностным функциям и структурам библиографических систем, что свойственно неклассической рациональности, оперирующей не эмпирическим знанием, а гипотетическими предположениями и абстрактными моделями.

Огромную научно-организационную работу выполнил **Николай Михайлович Сикорский**, который в 1972–1979 годы возглавлял Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. В книговедении сложились неклассические научные школы **И. Е. Баренбаума** (Ленинград), **А. А. Беловицкой**, **А. А. Гречихина**, **А. Я. Черняка** (Москва). В области библиотечной науки первым, кто решительно вышел на просторы неклассики, стал **Ю. Н. Столяров**, более 30 лет тому назад предложивший четырехэлементную системно-функциональную модель библиотеки, до сих пор сохраняющую свое познавательное значение.

Характерной особенностью неклассического библиотековедения стала методология *информационного подхода*, распространившаяся в 1970-е годы. Во времена перестройки библиотечные реформаторы решительно отвергли идеологическую миссию, отодвинули на второй план культурно-просветительную деятельность и отдали приоритет информационной функции. А. Н. Ванеев констатировал, что большинство библиотековедов рассматривало библиотеку как особую информационную, документно-коммуникационную

систему, удовлетворяющую информационные потребности. В качестве активного пропагандиста информационной концепции в библиотечной науке выступил **В. В. Скворцов** (1939–2005), взгляды которого разделялись и разделяются донныне многими специалистами. В результате сложились *два понимания сущности библиотеки*: 1) *классическое*, считающее библиотекой учреждение, обеспечивающее общественное пользование книгами и не допускающее «библиотеки без книг и без читателей»; 2) *неклассическое*, понимающее под библиотекой информационную службу, предоставляющую пользователям информацию (локально или дистанционно), и признающее «библиотеку без книг и без читателей» (проекты виртуальных или онлайн библиотек).

Таким образом, во второй половине XX века советская библиосфера, постепенно осваивая саморегулирующуюся цифровую систему Интернет, начала, не без трудностей и дискуссий, приобретать *неклассический* облик. Соответственно обновилось содержание книговедческих и библиотечно-библиографических научных и учебных дисциплин. Появился новый антропологический тип – *homo informaticus*, вооруженный индивидуальными устройствами для мобильного доступа к цифровым ресурсам. Руководствуясь принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», Государственная Дума Российской Федерации последовательно проводит политику сокращения государственных затрат на содержание библиосферы, за исключением грандиозного проекта Национальной электронной библиотеки (НЭБ) – апофеоза технократической рациональности.

Национальная электронная библиотека призвана сыграть важную роль в модернизации книжного, библиотечного и библиографического дела в России. Разработчики обещают, что благодаря НЭБ россияне, независимо от местожительства, получат дистанционный и полнотекстовый доступ ко всем хранящимся в оцифрованных фондах российских библиотек изданиям, от книжных памятников истории и культуры, до новейших авторских произведений (разумеется, в рамках, установленных авторским правом). Как ни парадоксально, но специально спроектированная «Национальная электронная библиотека» *библиотекой не является*, потому что она предназначена не для ориентации читателей в мире книг, а для совершенствования *технологии* доставки затребованных изданий. С точки зрения теории информационных

систем, проектируемая НЭБ – это *информационно-вычислительная сеть*, т. е. взаимосвязанная совокупность территориально рассредоточенных систем обработки данных, средств связи и передачи данных. В сущности, НЭБ является *революционным технологическим* преобразованием бумажной книжной коммуникации в коммуникацию электронную, но остается открытым вопрос об интеллектуальной сущности и мере *интеллигентности* Национальной электронной библиотеки, имеющий ключевое значение для российского Библиологоса. Призадумаемся над вопросом «**Что есть интеллигентность?**»

В «Большой Российской энциклопедии» (2004–2017) термин «интеллигентность», производный от латинского «знающий, понимающий, разумный», определяется как сплав умственных и этических достоинств человека. Интеллигентность выражает не типичную человечность, а неординарный уровень умственного развития и нравственной культуры личности, проявляется в широте и глубине эрудиции человека, богатстве его знаний и внутреннего мира⁹¹. Считается, что интеллигентность должна быть присуща человековедческим профессиям типа «человек – человек», таким, как педагог, врач, социолог, журналист, библиотекарь. Питательной почвой для русской интеллигенции со времен крещения Руси неизменно служила сначала духовная, а потом светская научная и художественная литература. Создавалась же русская книжность, и формировался литературоцентризм духовной жизни не кем-нибудь, а именно интеллигенцией. Книжность породила русскую интеллигенцию, а интеллигенция породила книжность.

Здравый смысл подсказывает, что в качестве священного символа русской интеллигенции резонно принять *книгу*. Однако мы не располагаем научной дефиницией коммуникативной универсалии «книга». Бесконечно ведутся споры о соотношении книги и документа, об электронной книге, о книге и Интернете, о чтении с экрана, исчезновении *homo legens* и т. д. Тем не менее, поголовно все ученые книговеды уверены, что Книга не умрет, что вечно будет необходимой не только художественная литература, но и *non-fiction*, предполагающая неторопливое, вдумчивое штудирование, а не просто получение информации. Кроме того, бумажная книга – это

⁹¹ Меметов В. С., Расторгуев В. Н. Интеллигенция // Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2008. Т. 11. С. 3.

самый дешевый и удобный способ передачи текстовых сообщений, она не зависит от доступа к электричеству, а в смысле сохранности надежнее, чем магнитная запись.

Вековечность Книги начитанные гуманитарии усматривают в *литературоцентризме русской культуры*, гарантом которого служит классический Библиологос. Феномен русского литературоцентризма определяется как «упорное тяготение культуры в целом к литературно-словесным формам репрезентации»⁹², которое обусловлено такими базовыми и системообразующими факторами, как тип русской ментальности, культурно-исторический опыт России, богатство и своеобразие русского языка. Культурологи-литературоведы отмечают: «Классическая русская литература XIX в. характеризуется высочайшим общественным и нравственным авторитетом; она обретает статус учительности и воплощает в себе дар пророчества; она вбирает в себя такие качества, как аналитизм (свойственный науке), способность к огромным обобщениям (символизм, показательный для искусства) и философствованию на любые темы, психологизм, который сродни мистике и религии, социальную критичность и политическую прогностику, погружается в богоискательство, органически связанное с духовными и нравственными исканиями русской интеллигенции. И все это – сохраняя высокий художественно-эстетический статус литературы как искусства слова, ведущего среди иных искусств (театр, живопись, музыка и др.)»⁹³.

К сожалению, правда и красота книжной культуры, порожденной традиционным российским литературоцентризмом, неразрывное единство интеллигентности и книжности в наши дни вызывают сомнения. Часто приходится слышать похоронные мотивы о конце книги и об уходе интеллигенции. Например: «Цикл существования интеллигенции закончился. Она выполнила свои задачи настолько блестяще, что самоликвидировалась за ненужностью»⁹⁴. Или так: «Волею исторического случая мы оказались свидетелями и участниками окончательного разруше-

---

⁹² Кондаков И. В. Покушение на литературу // Вопросы литературы. 1992. Вып. 2. С. 89.

⁹³ Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 963.

⁹⁴ Ерофеев В. Энциклопедия русской души. М., 2005. С. 246.

ния интеллигенции и ухода ее с исторической арены... Вместе с интеллигенцией уходит и мир ее идеалов. Ему нет места в новой климатической ситуации»⁹⁵. Аргументы могильщиков «книжной интеллигенции» довольно просты и доходчивы. Вот они. Грядущее постиндустриальное (информационное) общество будет основано на глобальных электронных коммуникациях, а не на «Галактике Гутенберга», поэтому национальные и региональные библиотеки музеефицируются, публичные книгохранилища трансформируются в интернет-кафе, а библиографы-отраслевики переквалифицируются в информационных аналитиков. Долой интеллигентские утопии, будем брать пример с процветающих цивилизованных стран, где креативным классом являются интеллектуалы, и никогда не было никакой интеллигенции. Пора понять, что в постиндустриальном XXI веке хозяином жизни станет тот, кто будет интересоваться курсами валют, а не перечитывать Достоевского и раздумывать, спасет ли красота мир. Поэтому – прощай, интеллигенция, да здравствует интеллектуал!

Однако прежде чем искоренять архаичную интеллигенцию, уточним, чем русский интеллигент (напомню, непременно – книжник) отличается от интеллектуала западного образца. В одной из публикаций я вывел *формулу интеллигентности и формулу интеллектуальности*⁹⁶, в которых представлены отличительные признаки интеллигента, то есть человека, обладающего качеством интеллигентности, и интеллектуала, отличающегося интеллектуальностью. Поясню эти формулы. Интеллигент и интеллектуал – в равной мере люди *образованные и креативные (обладающие творческими способностями)*. Эти их качества зафиксированы в словарях и лексиконах. Так, в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля (1881) сказано, что интеллигенция – «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей», а Webster's Encyclopedic Dictionary (1989) сообщает, что интеллектуал – «крайне рациональный человек, полагающийся на свой разум, а не на чувства или эмоции». Принципиальное различие интеллигентности и интеллектуальности заключается в *этическом самоопределении*.

⁹⁵ Покровский Н. Е. Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые веки): Сб. статей. М., 1999. С.50.

⁹⁶ Соколов А. В. Формула интеллигентности // Вопросы философии. 2005. №5. С. 57–67.

Содержание этического самоопределения интеллигента включает: а) альтруизм, б) толерантность, в) благоговение перед культурой. *Альтруизм* понимается как ощущение ответственности за благополучие не только свое собственное и своих близких, но и других людей, общества, человечества в целом. *Толерантность (ненасилие)* – заключается в отказе от насилия и «отрицании принуждения как способа взаимодействия человека с миром, природой, другими людьми»⁹⁷. Толерантность не означает примирения со злом, напротив, она предполагает сопротивление злу словом или неповиновением, бойкотом распоряжений жестокой власти, но никак не силой оружия. *Благоговение перед культурой* представляет собой, с одной стороны, самоидентификацию с национальной культурой и бескорыстное служение ей; с другой стороны, почитание и сохранение культурных памятников других стран и народов в качестве общечеловеческого культурного наследия. Книжность – ядро человеческой культуры, поэтому книга вызывает у интеллигента-книжника чувство мистического благоговения (магия книги). Трепетная преданность книжной культуре – одна из черт, отличающих интеллигента от интеллектуала.

В формуле интеллектуальности этическое самоопределение выглядит иначе, ибо интеллектуалы, согласно определению, руководствуются разумом, а не эмоциями и чувствами (значит, им чужды моральные эмоции сострадания, привязанности, благоговения, чувства совести и стыда). Место альтруизма занимает эгоизм, место толерантности – интолерантность (нетерпимость), оправдывающая насильственные методы по принципу «цель оправдывает средства», вместо благоговения перед книжной культурой – нигилистическое отрицание ее ценности. В связи с этим интеллектуалу свойственны культурная индифферентность и отказ от идентификации с определенной национальной культурой. В итоге получается:

– **интеллигентность** – интегральное качество интеллигента, включающее: образованность + креативность + альтруизм + толерантность (не навредить!) + благоговение перед книжной культурой;

– **интеллектуальность** – интегральное качество интеллектуала, включающее: образованность + креативность + эгоизм + интолерантность (цель оправдывает средства) + нигилистическое отношение к книжной культуре.

---

⁹⁷ Макарова Н. И., Наливайко Н. В. Насилие – ненасилие в современном образовании. Новосибирск, 2004. С. 151.

Интеллектуальная элита эпохи европейского Просвещения (конец XVII – начало XIX века) была скроена по иной модели, отличительными чертами которой были «трезвый практический ум с некоторой примесью скепсиса или цинизма, высокая образованность, изящество манер и вера в принцип личной чести»⁹⁸. Этой модели соответствовали французские крупные буржуа, ставшие дворянами, и английские деловые джентльмены, умеющие прибыльно вкладывать капитал. Адам Смит (1723–1790) в своей «Теории нравственных чувств» поучал: «Заботы о собственном здоровье, о собственном благосостоянии и значении, о добром имени, обо всем, что касается нашей безопасности и нашего счастья, и составляют собственно предмет добродетели, называемой *благоразумием*»⁹⁹. Подобную модель *благоразумно-добродетельного человека* правомерно назвать *моделью интеллектуала эпохи Просвещения*. Практицизм и свобода самореализации, индивидуализм и разумный эгоизм органично вписывались в эту модель.

Позже сформировался немецкий вариант идеального интеллектуала, пропитанный духом протестантизма с его пуританской моралью и деловой аккуратностью. Интеллигентам-гуманистам пришлось потесниться, чтобы дать место в образованном обществе «новым людям» – энергичным интеллектуалам-капиталистам. Таким образом, в Западной Европе произошла *интеллектуализация*, вызвавшая к жизни довольно многочисленный интеллектный слой, ставший высшим диапазоном интеллектного континуума. Я думаю, что интеллектуализация, существенно преобразовавшая все стороны общественной жизни в европейских странах, а главное – образ мышления и мировоззрение населения, представляет собой не что иное, как *утилитарную контрантропологическую революцию*.

Героем этой революции стал *новатор-предприниматель*, создатель бесчеловечной (контрантропологической) утилитарной культуры европейского модерна. Утилитаризм стал в XX веке идеологией восстания масс – безликой и агрессивной толпы ненасытных потребителей, использующих техническую мощь для самоубийственного разрушения природы и культуры. Культуролог Е. Н. Яркова, современный исследователь утилитаризма, пришла к выводу: «Ориентация на сиюминутный успех, иезуитская уста-

⁹⁸ Величие здравого смысла: Человек эпохи Просвещения. М., 1992. С. 4.

⁹⁹ Там же. С. 238–239.

новка на приемлемость любых средств для достижения материального и душевного комфорта, обывательская неразборчивость в способах удовлетворения потребностей могут направить человека и общество на пути деградации, самоуничтожения»¹⁰⁰. Плоды утилитарной контрантропологической революции, в конечном счете, оказались ядовитыми, но поначалу они выглядели яркими и привлекательными.

Русская разночинная интеллигенция осознала себя в качестве особой генерации «новых людей», благодаря роману *Н. Г. Чернышевского* «Что делать?», имевшего многозначительный подзаголовок «Из рассказов о новых людях». Воспитывалась эта генерация не в закрытых учебных заведениях под надзором классных дам, а в спонтанно возникавших студенческих кружках и коммунах, не столько научно-педагогическими методами, сколько путем самообразования, критического мышления, бесконечных споров, путем подражания литературным героям. Главными предметами дискуссий были народ, наука, свобода. *Новых* людей 60–70-х годов отличали от традиционных русских обывателей, по крайней мере, три черты: книжность мировоззрения, бескомпромиссное правдоискательство, готовность к самопожертвованию. *Ф. М. Достоевский*, склонный к осуждению интеллигентской «бесовщины», тем не менее, в «Дневнике писателя» за 1877 год написал о рождении «нового корня русских людей, которым *нужна правда* (курсив Достоевского), одна правда без условной лжи, и которые, чтобы достигнуть этой правды, отдадут все решительно... Разлад в убеждениях непомерный, но стремление к честности и правде неколебимое и нерушимое, и за слово истины всякий из них отдаст жизнь свою и все свои преимущества».

«Новый корень русских людей» отличался от образованной публики дворянской формации, во-первых, образованием (естественные науки, позитивистская философия, религиозное вольномыслие), во-вторых, креативностью (самостоятельное критическое мышление, независимость убеждений, трудовая активность), в-третьих, альтруистической этикой, коллективизмом, демократичностью. Короче говоря, «новые люди», вдохновленные литературными образами Рахметова и Веры Павловны, отличались *интеллигентностью*. Более 60% их были студентами, и не удивительно,

---

¹⁰⁰ Яркова Е. Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001. С. 153.

что именно этим «новым людям» Россия обязана интеллектуализацией, начавшейся в конце XIX – начале XX века. Не заставили себя ждать предприимчивые интеллектуалы, и накануне первой мировой войны сложился полноценный интеллектуальный континуум, который явился приметой *первой* антропологической революции в России.

Однако успех российской антропологической революции Серебряного века, как и Великой социалистической революции, оказался недолговечным. В постсоветской России интеллигентно-книжники вновь и вновь тоскуют о «новых людях», мучаясь гамлетовской дилеммой «быть или не быть?» и вопросом «Куда идет Россия? Вместе со всем цивилизованным человечеством русским людям кажется, что мы стоим у роковой черты, что нужна не технологическая, не интеллектуальная, а *новая антропологическая революция*, которая сможет предотвратить надвигающуюся катастрофу. В результате предыдущих революций появлялись то непрактичные интеллигенты-гуманисты, то чересчур практичные прагматики-интеллектуалы, то фанатики или исполнители советского производства. Теперь требуются «новые люди новой формации». Какой формации? Интеллигентской! Дело в том, что возмужавшему человечеству *непозволительно быть неинтеллигентным* пасынком перед лицом страдающей матери-Природы.

Не будем опошлять идеальный образ российского интеллигента-книжника и вспомним об академике *Дмитрии Сергеевиче Лихачеве* (1906–1999) который давно уже стал общепризнанным символом, можно сказать, идеалом, русского интеллигента-книжника XX века. Не случайно 2006 год, год столетия академика, Указом Президента В. В. Путина объявлен в Российской Федерации «Годом гуманитарных наук, культуры и образования – Годом академика Д. С. Лихачева»¹⁰¹. Сам Д. С. Лихачев в своих научных и публицистических выступлениях неоднократно приводил собственное понимание интеллигентности, благодаря чему можно построить *модель интеллигента по Лихачеву*. Разумеется, эта модель воплощена в жизненном пути академика, его личной научной и общественной деятельности. Правда, Дмитрий Сергеевич никогда не называл себя *интеллигентом-книжником*, хотя всю

---

¹⁰¹ Указ Президента Российской Федерации от 14.02.2006 № 110 «О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23440> (дата обращения 12.12.2022).

свою жизнь изучал труды древнерусских книжников, был страстным поборником и хранителем книжной культуры. Достаточно вспомнить его замечательные слова: «Библиотеки – это центр культуры, самый основной наш культурный фонд, поэтому относиться к библиотекам нужно с особенной тщательностью... Библиотеки в ряду культурных ценностей нашей страны должны стоять на самом высоком месте»¹⁰². Учитывая неразрывную взаимосвязь книжности и интеллигентности в облике Д. С. Лихачева, я позволил себе назвать его «интеллигентом-книжником», имея в виду значение слова «книжник», указанное в «Толковом словаре» В.И. Даля (2-е изд.), а именно: «ученый, знающий св. писание, догматик; учитель, толкователь Закона Божия, книжный человек, хорошо знающий грамоту; любитель книг». Не думаю, что Дмитрий Сергеевич стал бы отказываться от славного имени «книжник», как, впрочем, и от звания «интеллигент».

Какова же *модель русского интеллигента* согласно высказываниям академика Лихачева? Высказываний довольно много, процитирую некоторые. Необходимой предпосылкой формирования интеллигентности, – неустанно подчеркивал академик, – служит *образованность*, «соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением»¹⁰³, то есть с *креативностью*. Но только образованности и креативности недостаточно. «Основной принцип интеллигентности – *интеллектуальная свобода*, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и своей мысли»¹⁰⁴. Развивая эту идею, Лихачев добавляет: «Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России – это, прежде всего, независимость мысли при европейском образовании». Имеется в виду независимость от партийных, экономических и карьерных соображений, интересов специальности, «если они выходят за пределы допустимого совестию»¹⁰⁵. Не одобряется сосредоточенность в узкопрофессиональной области: «Ученые бывают неинтеллигентны, когда, слишком замыкаясь в своей специальности,

---

¹⁰² Лихачев Д. С. Интеллигентным притвориться нельзя // Лихачев Д. С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 43.

¹⁰³ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 17

¹⁰⁴ Там же. С. 8.

¹⁰⁵ Там же. С. 10.

забывают о том, кто и как может воспользоваться плодами их труда... Я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью»¹⁰⁶.

Д. С. Лихачев вновь и вновь повторяет: «Я бы назвал интеллигенцию интеллектуально независимой частью общества. Это не просто образование и образованные люди, работающие в сфере интеллектуального труда. Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных... Интеллигент теряет интеллектуальную свободу и перестает быть интеллигентом, когда принужден слепо следовать догмам какого-либо учения. Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, действий, не согласованных с его личным мнением, то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции. Это очень важное утверждение... Совесть принуждает, но принуждение совести является гарантией полной свободы человека, потому что совесть принуждает изнутри, все остальные принуждения снаружи. Совесть является гарантом свободы человека-интеллигента»¹⁰⁷.

Последовательно отвергая пути партийности, Д. С. Лихачев, выступая на учредительном съезде Конгресса русской интеллигенции в декабре 1997 года, заявил: «Нельзя из интеллигенции делать партию, потому что, как только из интеллигенции будет сделана партия, перестанут существовать интеллигенты... Со свободой и с демократизмом будет покончено»¹⁰⁸. Силу интеллигенции он видел в разнообразии индивидуальностей, которое ни в коем случае не должно превращаться в «толпу, скованную одной концепцией». Этическое самоопределение «интеллектуально свободного интеллигента» Дмитрий Сергеевич неразрывно связывал с совестью, честностью, правдивостью: «Честь, порядочность, совесть – это качества, которыми дорожить нужно

¹⁰⁶ Там же. С. 9–10.

¹⁰⁷ Лихачев Д. С. Интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции. СПб., 1999. С. 31–32.

¹⁰⁸ Лихачев Д. С. Сила интеллигенции – в индивидуальности // Конгресс российской интеллигенции. СПб., 1998. С. 23.

так же, как мы дорожим своим здоровьем, ибо без этих качеств и человек – не человек»¹⁰⁹. С великолепным чувством собственного достоинства он заявлял: «Правда и страх – несовместимы... У нас должен присутствовать один страх: страх лжи. Вот тогда и будет в нашем обществе здоровая умственная атмосфера»¹¹⁰. Особенно возмущали его бесчестные поступки образованных людей, «интеллектуальное воровство». «Стали привыкать жить двойной жизнью, – клеймил он советских интеллигентов, – говорить одно, а думать другое. Разучились говорить правду – полную правду, а полуправда есть худший вид лжи: в полуправде ложь подделывается под правду, прикрываясь щитом частичной правды»¹¹¹.

Д. С. Лихачев обнаруживает в русской истории немало людей, соответствующих его модели интеллигентности. Отвергнув по этическим соображениям кандидатуру Владимира Мономаха, он пишет: «В сущности, первым интеллигентом на Руси был в конце XV – начале XVI века *Максим Грек* – человек итальянской и греческой образованности. В России он подвергся гонениям, находился в заключении и был причислен к лику преподобных только после своей смерти. Своею жизнью на Руси он прочертил как бы путь многих и многих интеллигентов на Руси»¹¹². К числу этих «многих и многих» Д. С. Лихачев относит *Сумарокова, Новикова, Радищева, Карамзина, Пушкина*, который «шел свободной дорогой и “жил один”», декабристов, следовавших «велению совести», а не «партийной линии». Решительно отвергается принадлежность к интеллигенции профессиональных революционеров и террористов-боевиков.

Обращаясь к XX веку, к «жесточайшему произволу идеологизированной советской власти», Лихачев признается в чувстве преклонения перед «русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения» и с восхищением пишет: «Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохранили свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору – в исторической науке,

---

¹⁰⁹ Лихачев Д. С. Тревоги совести // Лихачев Д. С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 94.

¹¹⁰ Там же. С. 99–100.

¹¹¹ Там же. С. 89

¹¹² Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 15.

литературоведении, в биологии, философии, лингвистике и т. д.»¹¹³. Он приходит к выводу, что «интеллигенция все это время была главным врагом советской власти, так как была независима»¹¹⁴.

Сказанного достаточно для того, чтобы построить *модель идеального русского интеллигента* по эскизу академика Лихачева. Вот эта модель:

– *образованность* европейского уровня, широкий общекультурный кругозор;

– *креативность* – бесстрашное правдоискательство, интеллектуальная независимость, свободомыслие;

– *этическое самоопределение*: а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотичной власти.

Вернемся, однако, к вопросу о новой антропологической революции постсоветской России, способной противостоять кризисным угрозам потребительского утилитаризма. Здесь вопрос остается открытым, ибо результатом новой антропологии должен стать сверхчеловек, точнее постинтеллигент, в противном случае антропологическая революция не имеет смысла. Отважные мыслители-человековеды не раз предлагали различные версии выращивания (проектирования) сверхчеловека будущей формации. Особенно преуспел в этом отношении *Фридрих Ницше* (1844–1900), который от имени Заратустры поучал: «Я учу вас о сверхчеловеке... Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором... Сверхчеловек – смысл земли... Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью... В человеке важно то, что он мост, а не цель, в человеке можно любить только то, что он переход и гибель...»¹¹⁵. Сверхчеловек Ницше – абсолютно свободное существо, не знающее никаких обязательств ни перед Богом, ни перед людьми, поскольку он любит в отрицаемом им человеке «только то, что он переход и

¹¹³ Там же. С. 14.

¹¹⁴ Там же. С. 21.

¹¹⁵ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 8–9.

гибель» и ни в коей мере не станет заботиться о спасении погибающего человечества.

Идеи Ф. Ницше о закономерной неотвратимости «конца человеческого» получили развитие в структуралистской философии **Мишеля Фуко** (1926–1984), а в наше время – в «постчеловеческих» или «постгуманитарных» исследованиях. Сформировалась *гуманология (humanology)* – «наука о человеке, переступающем свои видовые границы, наука о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума, потенциально превосходящих биологический вид *homo sapiens*»¹¹⁶. В контексте гуманологии человечество трактуется как один из видов разумных существ, одна из фигур ноосферы, постепенно вытесняемая искусственным интеллектом на ее периферию. Должен признаться, что «постчеловеческая» гуманология нуждается в серьезной разработке, потому что она отводит искусственному интеллекту роль Постинтеллектуала, а роль Постинтеллигента, которую, мог бы взять на себя Библиологос, до сих пор остается вакантной.

---

¹¹⁶ Эпштейн М. Гуманология // Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 606.

ДУМА 3

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ БИБЛИОЛОГОС

3.1. Неклассические альтернативы книжности

Неклассические альтернативы книжности появляются в том случае, если вместо книжных сообщений используются иные коммуникационные средства для передачи социально ценных смыслов в пространстве и во времени. Инициатором расширения пространства классической книжности выступил **Поль Отле** (1868–1944), который не только обосновал понятия «документ» и «документация», но и выступил организатором практической документальной деятельности и автором трактата по *документологии* – фундаментальной науки о документальной коммуникации¹¹⁷. По сути дела после трудов Поля Отле и основанной им Международной федерации документации (МФД), а в нашей стране после выхода в свет учебных и научных публикаций Ю. Н. Столярова¹¹⁸ есть основания говорить о *документальной культуре*, существующей параллельно с книжной культурой в социальной смысловой коммуникации. Например, многогранная «Общая теория документа и книги» **Г. Н. Швецов-Водки**¹¹⁹ представляет собой, так сказать, «две квинтэссенции в одном флаконе».

О разнообразии неклассических коммуникационных культур свидетельствует проект «Роль музеев-библиотек-архивов-библиографии в информационном обеспечении исторической науки», осуществленный Государственным литературным музеем имени В. И. Даля в 2015–2018 под руководством **Е. А. Воронцовой**. В проекте принимали участие четыре института документальной социальной памяти, символизирующие основные мемориальные разделы: музейный, библиотечный, архивный, библиографический¹²⁰. Сопоставление деятельности институтов показало единообразие их творческих функций: все они осуществляют комплектование,

¹¹⁷ Отле П. Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пионера информатики. М.: ФАИР-Пресс; Пашков дом, 2004. 349 с.

¹¹⁸ Столяров Ю. Н. Документология: учебное пособие. Орел: Горизонт, 2013. 370 с.

¹¹⁹ Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие. М.: Рыбари, Киев: Знання, 2009. 487 с.

¹²⁰ Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М.: Этерна, 2015. 752 с.; Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М.: Этерна, 2016. 672 с.; Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М.: Этерна, 2017. 1008 с.; Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М.: Этерна, 2018. 824 с.

обработку и хранение фондов документов, репрезентацию и доступ общества к фондам, внедрение информационно-коммуникационных технологий, взаимодействие с пользователями (в данном случае – с историками-исследователями). Различие же заключается в форме сообщений, в качестве которых выступают документы разного рода: музейные экспонаты, произведения печати, архивные документы, библиографическая информация. Таким образом, альтернативными по отношению к библиотечным и библиографическим культурам приходится признать *музейную и архивную культуры*, обладающие собственной документальной спецификой.

Пожалуй, с этим признанием довольно легко примириться, так как здесь нет антагонистических противоречий. Более серьезного внимания требует *конкуренция между книжной культурой и экранной культурой*. Авторитетный ученый и педагог «медиакультуры», многие годы возглавлявший Российский институт культурологии, **Кирилл Эмильевич Разлогов** определил *экранную культуру* как «тип культуры, основным материальным носителем текстов которой является не письменность, а «экранность». Эта культура основана не на линейном, т. е. вытянутом в строку, письме, а на системе экранных (плоскостных) изображений или, иначе, не на письменной речи, а на так называемой «экранной речи», т. е. на временном потоке экранных изображений, который свободно вмещает в себя поведение и устную речь персонажей, анимационное моделирование, письменные тексты и многое другое. При этом основным признаком экранной культуры, качественно отличающим ее от книжной и приближающим ее к изначальному типу человеческих культур – культуре личного контакта, является динамический, ежесекундно меняющийся, диалоговый характер взаимоотношений экранного текста с партнером»¹²¹.

Это высказывание нашего современника напоминает пророческое слова **Маршалла Маклюэна** (1911–1980), которыми он завершил в 1962 году свою «Галактику Гутенберга»: «Двадцатый век последовательно и настойчиво стремился освободиться от гутенберговского наследства. И эта драматическая борьба альтернативных форм человеческого понимания и мировидения сделала нынешний век величайшим в истории, если говорить об искусстве

¹²¹ Разлогов К. Э. Введение в экранную культуру: новые аудиовизуальные технологии. М.: Едиториал УРСС, 2005. 281 с. Экранная культура. Теоретические проблемы / отв. ред. К. Э. Разлогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 752 с.

и науке»¹²². Действительно, XX столетие стало свидетелем *конкурентной борьбы* между книжной культурой и экранной культурой. Символами и системными элементами экранной культуры являются кинокультура, телекультура, компьютерная культура, в том числе Интернет. Многим адептам электронных технологий кажется, что для расцвета искусства и науки в глобальной постиндустриальной цивилизации достаточно преобразовать книжные фонды в электронные файлы и оцифровать кинематограф¹²³. Однако гутенберговский литературоцентризм обладает своими преимуществами, о которых забывать нельзя. «Человек читающий» – более творчески и интеллектуально продвинутая личность, чем телезритель, потребляющий сериалы телеэкрана.

Телевидение неотразимо воздействует на массы, вызывая «эффект присутствия», сопричастности к событиям, наглядно воспроизводимым на экране в режиме реального времени. Если нужно обучаться чтению книг, то не нужно учиться смотреть телепередачи, которые не требуют усилий для восприятия и обладают большой силой эмоционального воздействия. Телевидение – многофункциональное средство массовой коммуникации, претендующее на выполнение функций газеты, журнала, книги, радио, кино и передачу всех видов социальной, политической, спортивной экономической, обыденной, а также эстетической информации. Фактически телекультура – новый вид аудиовизуального искусства, свойственного информационному обществу, эстетику и этику которого еще предстоит создать. Продуктами экранной культуры, как и культуры книжной, являются не материальные изделия, а *антропологические типы* – личности с определенными интеллектно-нравственными качествами.

Исходя из сказанного, можно сформулировать следующую рабочую дефиницию: *экранная культура* – это творческая и коммуникационная деятельность человеческого общества, осуществляемая посредством аудиовизуальных сообщений в системе информационных технологий. Понятие информации потребовалось включить в дефиницию, потому что экранная культура обусловлена процессом информатизации индустриального общества и для ее исследования резонно привлечь аппарат информационной

¹²² Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2003. С. 406.

¹²³ Разлогов К. Э. Искусство экрана: от синематографа до Интернета. М.: Росспэн, 2010. 287 с.

культурологии «направление интерпретации и исследования феномена культуры на основе широкого понятия информации и информационного подхода, выявления законов и тенденций культурной информодинамики и эволюции»¹²⁴. **Информационная культурология** мыслится как. Для нас важно, что авторы информационной культурологии пришли к выводу, что «документоведение, архивоведение, библиотековедение, библиографоведение, книговедение имеет смысл отнести к информационным наукам»¹²⁵, и, следовательно, книжная культура попадает в объем понятия «информационная культура». Междисциплинарное рассмотрение проблематики экранной культуры в информационном аспекте и определение направлений интеграции культурологических и информационных наук – важная ноосферная проблема, требующая многоаспектного анализа, поэтому здесь ограничимся лишь одним, но многозначительным замечанием.

Константин Константинович Колин и **Аркадий Дмитриевич Урсул** – стратегически мыслящие философы-информатики, которые много лет занимаются перспективами **ноосферогенеза** – трансформации исторически сложившейся социосферы в **ноосферу** – гипотетическую сферу разума, в которой приоритетное место будет занимать коллективный общечеловеческий интеллект, управляющий коэволюцией природы и культуры. Превращение человечества в ноосферную цивилизацию не может произойти стихийно, явочным порядком. Здесь требуется опережающее развитие информационно-интеллектуальных процессов и духовной культуры, прежде всего, науки, управления и образования. Критическое значение имеет формирование **ноосферного человека** и создание «принципиально нового типа культуры – **ноосферной культуры**, являющейся предвидимой вершиной глобально-эволюционных процессов во Вселенной»¹²⁶. Совершенно очевидно, что для формирования ноосферного человека в условиях ноокультуры должны использоваться фонды Библиологоса, в которых сосредоточено классическое (гутенбергово) наследие человечества. Отсюда следует, что соотношение информационной электронной культуры и классического Библиологоса как производительной силы общества является в наши дни

¹²⁴ Колин К.К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М.: Стратегические приоритеты, 2015. С. 21.

¹²⁵ Там же. С. 34.

¹²⁶ Там же. С. 95.

актуальной научно-практической проблемой сочетания неклассической и классической альтернатив (см. Думу 4, посвященную ноосфере).

В условиях рыночной экономики и коммерциализации книжного дела неклассический Библиологос склонен отдать приоритет *сервисологии*, утверждающей маркетинг и обслуживание кредитоспособных пользователей в качестве конечной цели книжной коммуникации¹²⁷. С точки зрения сервисологии библиотечно-информационная деятельность должна широко практиковать методы и ресурсы маркетингового бизнеса. Символом библиотечного профессионализма в этом случае является не просвещение читателей путем межличностного общения, а дистанционное удовлетворение спроса на услуги в режиме онлайн. Маркетинг, даже некоммерческий, плохо согласуется с традиционными идеалами распространения знаний, просвещения, внешкольного образования, которые запечатлены *Л. Б. Хавкиной* (1871–1949) в классическом труде «Книга и Библиотека» (1918)¹²⁸. Радует факт переиздания РНБ этой книги в 2011 году, который свидетельствует о том, что бескорыстное человеколюбие, социальная ответственность, гуманность и справедливость не испарились бесследно из постсоветской книжной культуры. Нельзя забывать, что информационные технологии, упрощая доступ к информации, обесценили усилия по приобретению знаний, а значит, и сами знания, сделались каналами распространения фальсификаций, мифов, манипуляций сознанием. Книжная культура более надежна, долговечна и достоверна, чем сообщения экранной культуры, и поэтому в библиотечном деле пропаганда культуры чтения важнее, чем предоставление библиотечных услуг. Права *Ю. П. Мелентьева*, которая в докладе «Чтение как фактор преобразования мира (в контексте теории ноосферы В. И. Вернадского)» сделала вывод, что «чтение становится существенным фактором влияния на формирование ноосферы»¹²⁹.

Социальный статус книжной культуры в решающей степени зависит от *государственной культурной политики*. 24 декабря 2014 года

---

¹²⁷ Маркетинг библиотечно-информационной деятельности: учебник / В. В. Брежнева, Н. Ю. Дементьева, Н. В. Жадько и др.; науч. ред. В. К. Клюев. СПб.: Профессия, 2017. 240 с.; Брежнева В. В., Гиляревский Р. С. Информационное обслуживание: учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2012. 368 с.;

¹²⁸ Хавкина Л. Б. Книга и Библиотека. СПб.: Изд-во РНБ, 2011. 152 с.

¹²⁹ Макарова А. Г. Чтение как фактор формирования ноосферы // Библиотечное дело. 2017. № 6. С. 25–28.

президент Путин подписал Указ «Основы государственной культурной политики»¹³⁰, где провозглашается, что «Государственная культурная политика признается неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Радостно читать слова Президента, что задачами государственной культурной политики являются: «усиление роли таких организаций культуры, как музеи, библиотека, архив, в деле исторического и культурного просвещения и воспитания», «развитие книгоиздания и книгораспространения, совершенствование инфраструктуры чтения». Данный президентский указ, имеющий силу федерального закона, фактически утверждает книжную культуру в качестве ресурса *национальной безопасности* и поэтому предписывает «сохранение книги как вида печатной продукции, развитие отечественной традиции искусства книги», «сохранение библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению, принятие мер по модернизации их деятельности».

Еще в период перестройки 80-х годов была подвергнута критике административно-командная практика руководства книжным делом, и в качестве демократического символа получило признание *общественно-государственное управление* библиотечным и книгоиздательским институтами. В 1989 году было образовано Ленинградское библиотечное общество, затем Московская библиотечная ассоциация и библиотечные общества в других городах России. В 1994 году учреждена *Российская библиотечная ассоциация (РБА)*, призванная привлекать и сплачивать в своих рядах наиболее активную часть профессионального сообщества, способную выражать и отстаивать интересы библиотечного социального института перед лицом государственной власти и гражданского общества России. Другим авторитетным субъектом общественно-государственного партнерства является *Российский книжный союз (РКС)* – добровольная некоммерческая организация, созданная в 2001 году и объединяющая граждан и юридических лиц – производителей и распространителей книжной продукции и участников книжного рынка. Решающий вклад был внесен РКС в разработку *Национальной программы поддержки и развития чтения*, которой в 2013 г. был придан государственный статус. Книж-

---

¹³⁰ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» <http://kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения 12.12.2022).

ный союз выступил также инициатором и соавтором Концепции поддержки детского и юношеского чтения в РФ. Ожидается, что общественно-государственное партнерство поможет существенным образом улучшить эмпирический модус вивенди книжной культуры России и станет стартовой площадкой для использования ценностей национального культурного наследия в постиндустриальной цивилизации.

Помимо эмпирической действительности, книжная культура воплощена в произведениях научной и философской мысли, которые представляют собой ее *духовный оплот*. Она является изблуженным предметом многочисленных трудов по истории книги, из которых привлекают внимание экзотерические откровения **Ю. Н. Столярова** об истоках книжной культуры¹³¹. Юрий Николаевич выступает в качестве библиоархеолога, вдохновленного надеждой: «Без знания своих глубинных корней история книжной культуры будет чахлым деревцем. Зато, если припасть к ее целепительным народным истокам, она расцветет пышным древом, заиграет всеми цветами радуги»¹³². Мне кажется, что «пышное древо, играющее всеми цветами радуги» – это не что иное, как *сакральный символ книжной культуры*, который смотрится по-разному. Одни историки книги представляют историю книжной культуры как «комплексную науку, как часть истории культуры, одну из исторических комплексных дисциплин, охватывающую весь круг проблем, связанных с книгой», другие отождествляют ее с историей отраслей книговедения, включающей «историю библиотечного дела как часть библиотековедения, историю библиографии как часть библиографоведения т.п.»¹³³. Дефиниция книжной культуры оказывается «размытой», но это не мешает прилежным историкам исследовать ее истоки. Правда, вопрос о Библиологосе как научном символе книжной культуры литературоведы оставляют открытым.

---

¹³¹ Столяров Ю. Н. Истоки книжной культуры / под ред. В. Я. Рушанина. Челябинск: ЧГИК, 2017. 500 с.; Он же. Отражение книжной тематики в сатанизме как своеобразной субкультуре: древний этап // Вестник культуры и искусств. 2018. № 4. С. 7–15; Он же. Мотивы книжной культуры в гримуарах и народной книге // Вестник культуры и искусств. 2019. № 2. С. 7–19.

¹³² Столяров Ю. Н. Истоки книжной культуры / под ред. В. Я. Рушанина. Челябинск: ЧГИК, 2017. С. 458.

¹³³ Динерштейн Е. А. Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.): избранные статьи. М.: Наука, 2004. С. 23–24.

Нуждается в специальном рассмотрении вопрос об использовании общенаучной категории **информация** в контексте думы о неклассическом Библиологосе. Напомню, что согласно критерию неклассической рациональности В. С. Степина (см. Дума 2, раздел 2.1), «главное отличие сложных саморегулирующихся систем» состоит в том, что «в них функционально выделен *блок обработки информации и управления*, который обеспечивает целостность и воспроизводство сложной системы», например, неклассического Книжного Разума. Поэтому в наших думах о российском Библиологосе мы не можем уклониться от обсуждения соотношения книжности с информацией и информационным обществом. Отмечая наличие типичных признаков неклассической рациональности в советской библиосфере, обратим внимание на важное расхождение с критерием, предложенным В. С. Степиным: в качестве объекта познания выступает не *саморегулирующаяся система*, а *государственно-управляемая библиотечно-библиографическая система*.

3.2. Информация и информатизация

Нельзя сказать, что природа и сущность информации и информационного общества познаны современной наукой, но можно утверждать, что информационные праздники занимают значительное место в праздничном календаре России, да и других стран. 26 ноября отмечается *Всемирный день информации* (World Information Day), еще в 1992 году инициированный Международной академией информатизации. Папа Иоанн Павел II в 1998 году санкционировал *Всемирный день Интернета*, святым покровителем которого считается католический святой Исидор, епископ Севильский (560–636), который имеет репутацию первого энциклопедиста и самого образованного средневекового ученого. 17 мая считается *Всемирным днем электросвязи и информационного общества* (World Telecommunication and Information Society Day) и профессиональным праздником всех программистов, системных администраторов, Интернет-провайдеров, веб-дизайнеров и всех, кто работает в сфере информационных технологий. Однако само Информационное общество трактуется не как реальный социальный факт, а как предположение о возможном присутствии информационного Логоса в грядущем мировом сообществе.

В России для повышения качества жизни граждан, обеспечения конкурентоспособности страны, развития экономической,

социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствования системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий была разработана Государственная программа Российской Федерации **«Информационное общество (2011–2020)»**, первая редакция которой была одобрена распоряжением Правительства от 20 октября 2010 г. В дальнейшем с 2014 по 2019 год в Государственную программу вносились изменения в соответствии с текущими указами Президента, в том числе указом от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Главными задачами Государственной программы являются: развитие информационной среды и обеспечение граждан качественными услугами связи и доступом к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», предупреждение угроз в информационном обществе, обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства.

В нынешней России мы располагаем многочисленными свидетельствами информатизации экономики, культуры, образования, науки и обыденной жизни. Глобальная паутина Интернет, мобильные телефоны и мультимедиа пленяют молодое поколение как супермагистраль, ведущая в информационное общество. Прогрессивные писатели, популяризаторы науки, умудренные профессора и шустрые аспиранты, восторгаясь победоносным ходом информационно-технологической революции, апеллируют к информационной цивилизации, как ветхозаветные пророки к Земле обетованной. Термин «информационное общество» вошел в лексикон международной политической элиты в качестве солидного либерально-демократического штампа, подобного терминам «права человека», «свобода слова», «национальная безопасность» и т. д. Ряды энтузиастов информационного социума охотно пополняют социальные философы и культурологи, бизнесмены и политические деятели, библиотекари-библиографы и социально-культурные работники. Их мотивы и ожидания, конечно, несовместимы, но всех их объединяет оптимистическая вера во всемогущество Информации. Например: **«Информатизация** – глобальный социально-техногенный процесс массового примене-

ния информационных технологий во всех сферах человеческой деятельности для поддержания уровня информированности всех членов общества и его различных институтов (структур), необходимого и достаточного для кардинального улучшения качества труда и условий жизни людей»¹³⁴. Получается, что информатизация – гарант образованности, культурности населения и благотворных социально-экономических преобразований. Естественно возникает мировоззренческий вопрос о сущности информации и типизации информации. Остановимся на некоторых концепциях информации, бытующих в неклассической науке и философии.

Шенноновская трактовка. В 1948 году американский математик **Клод Шеннон** (1916–2004), разрабатывая свою теорию коммуникации, вспомнил о принятой в термодинамике формуле энтропии и назвал *информационной энтропией* количественную меру неопределенности ситуации. Благодаря получению сообщения, энтропия может быть снята полностью (в этом случае информация равна энтропии ситуации) или частично, и тогда количество информации, принесенной сообщением, оценивается как разность между неопределенностью, существовавшей до получения сообщения, и неопределенностью, оставшейся после получения сообщения. Математический аппарат, разработанный К. Шенноном и его последователями, нашел широкое применение для решения проблем оптимизации кодирования, расчета пропускной способности и помехоустойчивости различных дискретных и непрерывных каналов связи, однако создать формализованную семантическую теорию информации и выработать общую дефиницию феномена информации не удалось. В математических теориях информация не связана ни с языком, ни с содержанием сообщений (сигналов), передаваемых по коммуникационному каналу, а представляет собой умственный конструкт, подобный логарифмам, мнимым числам или другим абстракциям, отсутствующим в физической реальности.

Сигнальная трактовка практична и технологична. Ее суть в отождествлении сигнала и информации. Основания для такого отождествления очевидны: сигнал – это материальное явление (вещественный предмет), несущий определенный смысл (содержание), а информация также обладает материальным носителем

¹³⁴ Юсупов Р. М., Заболотский В. П. Научно-методологические основы информатизации. СПб., 2000. С. 305.

и идеальным содержанием. Поэтому телевизионные сигналы, образующие изображение, представляют собой телеинформацию, устная или письменная речь о чем-то сигнализирует или информирует, музыка – это звуковые сигналы и аудиальная информация и т. д. Не случайно первая популярная отечественная книга о кибернетике была названа «Сигнал» Определение понятия «сигнал» звучит так: «*Сигнал* есть физический процесс, существующий в кибернетической системе, имеющий множество состояний, которые он принимает в соответствии с внешними событиями, воздействующими на систему. Основным свойством сигнала является то, что он несет информацию о событии, т. е. находится в соответствии с ним»¹³⁵. Если согласно шенноновской концепции информация является научной абстракцией, существующей в сознании людей, а не в материальной реальности, то сигнальная концепция акцентирует физическую природу информации, ее существование в физическом пространстве и времени.

Идеалистическая трактовка Норберта Винера, прославленного «отца кибернетики», звучит категорично: «Информация есть информация, а не материя и не энергия. Тот материализм, который не признает этого, не может быть жизнеспособным в настоящее время»¹³⁶. С позиции формальной логики, высказывание Н. Винера есть отрицательное определение, которое не считается правильным, потому что называет признаки, не принадлежащие данному понятию, и не указывает принадлежащие ему признаки. На самом деле, отрицая материальность информации, определение Винера утверждает ее идеальность, ибо третьего не дано¹³⁷. С философской точки зрения предложенное Винером

---

¹³⁵ Полетаев И. А. Сигнал: о некоторых понятиях кибернетики. М.: Сов. радио, 1958. С. 37–38.

¹³⁶ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Сов. радио, 1968. С. 201.

¹³⁷ Н. Винеру принадлежит еще одно определение информации, данное в более поздней книге, переведенной на русский язык в 1958 году под названием «Кибернетика и общество» (авторское заглавие “Human use of human beings”): «Информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособливания к нему наших чувств». (Винер Н. Кибернетика и общество // Винер Н. Творец и Будущее. М., 2003. С. 19). В этом определении явно констатируется идеальная природа информации, ибо «содержание» внешних воздействий идеально, а «обозначение содержания» идеально вдвойне.

понимание информации означает отрицание принципа материалистического монизма, принятого в марксистской философии. Ведь в материально едином мире, помимо движущейся материи, обнаруживается феномен информации, который нематериален, то есть идеален. «Отец кибернетики», видимо, склонялся к идеализму, и советские философы не могли не отреагировать соответствующим образом.

Атрибутивные концепции исходят из выдвинутого В. И. Лениным тезиса о том, что «вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, – свойством отражения»¹³⁸. Отсюда следует, что отражение есть всеобщее свойство (атрибут) материи. Ленин ничего не говорил об информации, но советские философы-материалисты дополнили ленинскую теорию отражения, объявив информацию «содержанием», «сущностью», «инвариантом» отражения. Будучи неразрывно связанной с отражением, информация также материализовалась и становилась атрибутом материи. Наибольшее признание получила выдвинутая А. Д. Урсолом формулировка «информация есть отраженное разнообразие».

Функциональные концепции отрицают существование информации в неживой природе и определяют информацию как содержание сигнала или сообщения, полученного из внешнего мира, как обозначающее нечто воздействие, а по сути дела попросту отождествляют информацию и сигнал, ибо сигнал не может не иметь смысла, а информация не может не иметь материального носителя. «Сигнал» и «информация» превращаются в синонимы (точнее, информация становится метафорой сигнала). Функциональные концепции хорошо согласуются со стихийным материализмом инженеров-радиотехников, телемехаников и электронщиков, видящих в информации *рабочее тело*, которое можно передавать, транспортировать, хранить, преобразовывать, подобно жидкости в гидравлике, пару в теплотехнике, электричеству в электротехнике.

Антропоцентристская (социоцентристская) концепция получила распространение в общественных науках. Ее выражает дефиниция **В. Г. Афанасьева** (1922–1994): **информация** «представляет собой знания, сообщения, сведения о социальной форме движения материи и обо всех ее других формах в той мере, в какой они используются обществом, человеком, вовлечены в орбиту обще-

¹³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 91.

ственной жизни»¹³⁹. «Знания, сообщения, сведения...» не что иное, как *смыслы*; вовлечение этих смыслов в орбиту общественной жизни означает их включение в социальную коммуникацию. Близкую позицию занимал **Ю. А. Шрейдер** (1927–1998), который пришел к выводу, что информация – это овеществленное знание, воплощенное в знаковой форме, что информация возникает как отчужденное от своего носителя и благодаря этому обобществленное знание¹⁴⁰. Антропоцентристские концепции хорошо согласовывались с понятием *семантической (смысловой, социальной) информации*, принятым в журналистике, лингвистике, информатике¹⁴¹. По сути дела, семантическая информация совпадает с понятиями «смысл», «знание», «сведения» и пр.

Материалистические концепции информации иногда применялись в советских общественных науках, включая библиотечно-библиографические и документоведческие дисциплины. Правда, без особого успеха. Например, документоведы простодушно овеществляли информацию и писали в своих стандартах: «Документ – материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для представления во времени и пространстве»¹⁴². Получается, что информация – это вещь, которую каким-то способом можно приладить к другой вещи.

В 80-е годы философские дискуссии вокруг природы и сущности информации себя исчерпали, хотя определенного ответа на вопрос «что такое информация?» диалектический материализм дать не смог. Оставался открытым вопрос о бытовании информации в материально едином мире: только в человеческом социуме (антропоцен-

---

¹³⁹ Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. С. 39; Он же. Социальная информация. М., 1994. С. 13.

¹⁴⁰ Шрейдер Ю. А. Философские проблемы информатики // Теория и практика научно-технической информации / МДНТП. М., 1983. С. 13–21.

¹⁴¹ Семантическая информация – смысловое сообщение, выраженное знаками (одним знаком или их организованной последовательностью). Под *смыслом сообщения* понимаются знания, умения, эмоции, волевые побуждения, фантазии, являющиеся продуктами индивидуальной психической деятельности, которые могут быть поняты другими людьми. Понимание – необходимое условие движения семантической информации. Организованная последовательность знаков представляет собой *текст*.

¹⁴² ГОСТ 16487-83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: утв. постановлением Госстандарта СССР от 31 октября 1983 г. N 5231. URL: <https://base.garant.ru/178954/> (дата обращения 12.12.2022).

тристская концепция) или также в биосфере или во всей Вселенной? Неопределенной оставалась природа информации: вещь она, свойство или отношение? Если коммуникация – обмен информацией, то информация есть «вещь» (нельзя же обмениваться свойствами или отношениями); если книга – источник информации, то информация «свойство» книги; если информация – мера уменьшения неопределенности, то она есть «отношение» между знанием и незнанием. Затруднительно представить информацию одновременно и вещью, и свойством, и отношением. Противоречивость философских интерпретаций, преумноженная несовместимыми толкованиями информации в физике, математике, технике, общественных науках, стимулировала *нигилистические взгляды*.

Нигилистическую ересь откровенно высказал биолог М. И. Сетров: «Никто еще не видел ни как субстанцию, ни как свойство эту загадочную информацию... Везде мы обнаруживаем лишь взаимодействие материальных веществ, наделенных энергией, и нигде не обнаруживаем того, что обычно называем информацией. Почему? Да потому, что ее не существует в природе, как не существует флюидов, флогистона, эфира и т. д.»¹⁴³. Действительно, информация, подобно флогистону или эфиру никак себя не проявляет. Нет таких реалий, относительно которых можно сказать: вот это информация, а не сообщение, не сигнал, не знание, не отражение, не структура и т. д. Следовательно, информация – продукт научного мифотворчества, как сказал бы мудрый Екклесиаст, «суета сует и томление духа».

Постсоветские мифологические трактовки информации. 1990–2000-е годы. Постсоветская философия преодолела материалистическую односторонность и вышла на просторы вольного плюрализма. Теперь никого не шокируют утверждения: информация нематериальна, она чистая мысль, «смысл как таковой», бытующий в нематериальном семантическом пространстве (поле смысла) независимо от материальной среды и даже прежде этой среды. Более того, опубликована теологическая (сверхъестественная) концепция информации, гласящая: «Информация – всеобщая генеративная основа природы и общества; это универсальное генеративное поле Вселенной и универсальное начало всех начал; информация первична, материя вторична. Информация –

¹⁴³ Сетров М. И. Информационные процессы в биологических системах. Методологический очерк. Л., 1975. С. 123–124.

универсальный генеративный ресурс Вселенной, безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира»¹⁴⁴. Что есть «всеобщая генеративная основа природы и общества»? Что представляет собой первичное «начало всех начал», породившее материю? Как понимать «безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира»? Ответ очевиден: это Бог!

Ради полноты картины приведем еще два примера. **Биоэнергоинформатика** постулирует, что информация существует не в плотноматериальном мире вещества и энергии и не в нематериальной духовной сфере (мире идей), а в физически определяемом пространстве торсионных (спиновых) полей (в тонкоструктурном мире). Торсионные поля отличаются способностью переносить информацию без переноса энергии, передавать информацию со сверхъестественной скоростью, проникать через любые экраны, распространяться не только в будущее, но и в прошлое. Выходя на информационно-энергетический уровень торсионного канала, экстрасенс может получить информацию о прошлом, неизвестном никому настоящем или будущем (ясновидение), может передавать или получать информационные сообщения (телепатия), может воздействовать на материальные предметы (телекинез) и т. д. Оказывается, что человеческий организм – это сверхъестественный приемопередатчик информации, способный творить такие чудеса, как телепатия, телекинез, ясновидение и пр.¹⁴⁵ В этой мифологической концепции вымысел явно преобладает над рациональным знанием.

Квантовая информация утверждается в книге С. И. Доронина «Квантовая магия» (СПб.: Изд-во ИГ «Весь», 2007. 336 с.). Здесь в разделе, посвященном «физике информации» утверждается, что «квантовая информация как нельзя лучше подходит на роль первичной субстанции всего сущего», что актуально «переформулирование взглядов на природу не в терминах материи и энергии, а в терминах информации», что «Вселенная на самом деле – шалость первичной информации, а материальные объекты являются ее сложным вторичным проявлением». Что же понимается под кван-

¹⁴⁴ Юзвишин И. И. Основы информациологии: учебник. М., 2001. С. 587.

¹⁴⁵ Свяш А. Как получить информацию из Тонкого мира. СПб., 1999. 224 с.; Шипов Г. И. Теория физического вакуума. Новая парадигма. М., 1993. 362 с.

товой информацией? С. И. Доронин отвечает: информация существует в любой системе, поэтому ее можно считать «первичной субстанцией».

Болгарский академик Тодор Павлов не без удивления заметил: «Физиологи, психологи, социологи, экономисты, технологи, генетики, языковеды, эстеты и другие ищут и находят информацию почти во всех органических, общественных и умственных процессах»¹⁴⁶. Точно сказано; «ищут и находят»! Отталкиваясь от обыденной трактовки информации, пытливые исследователи стали называть информацией те явления, которые представлялись им на нее похожими. В результате стихийного терминотворчества появились десятки частнонаучных трактовок информации, приспособленных к нуждам физиологии, психологии, социологии и других частных наук. Важно подчеркнуть, что какие-либо информационные сущности *не открывались заново* учеными новаторами, а информацией *назывались* уже известные вещи, свойства, процессы. Например, последователи великого физиолога И. П. Павлова его знаменитые «сигнальные системы», служившие для раскрытия механизма условных рефлексов, стали именовать «информационными системами». Лингвисты начали понимать под информацией «все, что можно так или иначе сообщить, передать», а информатики превратили библиографические указатели во «вторичные источники информации». Короче говоря, как пронизательно заметил Р. С. Гиляревский, «слово «информация» стало настолько модным, что многие явления и процессы в природе, обществе и мышлении при самой отдаленной схожести с информацией называются ее именем. А это, в свою очередь, порождает много заблуждений технократического толка»¹⁴⁷.

Проблемную ситуацию, сложившуюся вокруг загадочной природы информации, позволю себе выразить вопросами:

О, информация, случайный псевдоним
Чего-то, что уму непостижимо,
В чем суть твоя? Ты пламя или дым?
А может быть, всего лишь тень от дыма?

¹⁴⁶ Павлов Т. Информация, отражение, творчество. М., 1967. С. 16.

¹⁴⁷ Гиляревский Р. С. Информационная культура в высшей школе // НТИ. Сер. 1. 2007. №2. С. 19.

На мой взгляд, суть информации в том, что она не существует вне **информационного подхода**. Главная особенность информационной методологии состоит в том, что исследователь *не открывает* информацию в реальном мире, как открываются звезды или микробы, ибо информационный подход не оптический прибор, а всего лишь *называет информацией* те объекты или явления, которые *кажутся* ему соответствующими этому названию. Информация не существует вне информационного подхода, как скорость не существует вне движения. Субстанция информации не идеальна и не материальна, а **амбивалентна** (дословно «обе силы»), то есть представляет собой единство и взаимообусловленность идеального содержания и материального носителя. Амбивалентность свойственна многим явлениям живой природы, общественной жизни и человеческого сознания. Единство материального и идеального особенно убедительно проявляется при рассмотрении феномена культуры как «второй природы», искусственно созданной людьми. Материальная культура – это опредмеченная мысль, а духовная культура реализуется в материальной форме, куда отнести информацию? Считать информацию материальной сущностью нельзя, так как она несет идеальное содержание, но и в духовную субстанцию она не вписывается, поскольку нуждается в материальном носителе. Получается, что информация – странная амбивалентная мутация Вселенной. то есть двойственность, характеризующаяся одновременным проявлением двух противоположных качеств.

Толковые словари почти единогласно придерживаются антропоцентристской (социоцентристской) концепции и утверждают, что информация – это сведения (знания, сообщения) передаваемые в процессе коммуникации. Подобный тип информации известен как **семантическая информация**, представляющая собой способ выражения духовных смыслов (знаний, умений, эмоций, волевых стимулов, фантазий), человекочитаемыми коммуникабельными знаками. Учитывая знаковую форму семантической информации, ее можно назвать «знаковой» или «семиотической». Изобретение в XIX веке телеграфа, телефона, затем радио и компьютерной техники обусловило появление **машинной информации**, понимаемой как способ передачи машиночитаемых кодов посредством коммуникабельных сигналов. Машинная информация именуется также «сигнальной» или «кодированной» (цифровой, дискретной, конти-

нуальной). Семантическую и машинную информацию, учитывая их социальную природу, можно считать родственными типами **социальной информации** – информации, циркулирующей в обществе и изучаемой общественными (социальными) и техническими науками. Помимо социальной информации, известны следующие типы информации: *математическая*, трактуемая как «снятая неопределенность» и измеряемая количественно в битах, байтах и т. п.; *биологическая* (генетическая), характеризующая естественные процессы в биосфере; *элементарная*, свойственная неживой материи. Кроме того, в научной литературе мелькают метафоры: информация – это «мера разнообразия», «мера сложности структур», «мера организации», «средство создания порядка из беспорядка» и другие. Учитывая постулат, что амбивалентность свойственна основным формам существования материи, – социосфере, биосфере, техносфере, разумно различать *три основных типа информации*:

а. семантическая информация – амбивалентная категория, охватывающая социальные средства выражения духовных смыслов в форме коммуникабельных социальных знаков;

б. биологическая информация – амбивалентная категория, охватывающая естественные средства выражения биологических смыслов в форме коммуникабельных биологических знаков;

в. машинная информация – амбивалентная категория, охватывающая артефакты (системы, средства), осуществляющие управление техническими объектами и имитирующие по алгоритмическим программам семантические процессы.

Научно-педагогическая трактовка **информации вообще**, обобщающая перечисленные категории, может быть сформулирована как «*средство выражения смыслов в форме коммуникабельных знаков*». Типология информации необходима для рассмотрения революционных и эволюционных процессов неклассического Библиологоса XX столетия, которые закономерно получили информационную интерпретацию и общенаучное распространение. Если под **информационным обществом** понимать *будущее постиндустриальное общество, основанное на информационных процессах*, то, учитывая типологию информации, можно уточнить данную формулировку «*будущее постиндустриальное общество, основанное на семантической и машинной информации*». Именно это, уточненное понятие подразумевается во всех идеях информационного общества.

3.3. Информационная революция и информационное общество

Третья промышленная революция (середина XX века)¹⁴⁸, именуемая также *научно-технической революцией*, превратила науку в индустрию знаний, в мощную производительную силу. Главными направлениями научно-технической революции стали: автоматизация производства, ядерная энергетика, компьютерные средства связи и управления, ракетно-космическая техника и робототехника. Все эти направления связаны с информационными теориями и технологиями, поэтому научно-техническая революция ассоциируется с *информационной революцией*, преобразующей индустриальное промышленное общество в постиндустриальное информационное общество (общество знания). Информационная революция в типологии революций XX века занимает место *комплексной* научно-технологической революции. Категория «информация» получила статус общенаучной (иногда говорят «философской») мировоззренческой категории, и поэтому есть основания говорить о революционном «информационном повороте» в научном познании. Кроме того, информационно-компьютерные технологии коренным образом преобразовали социальную коммуникацию и общественное производство, реализовав тем самым технологическую революцию. Следовательно, информационную революцию правомерно трактовать *комплексно*: и как одну из научных революций, и как одну из технологических революций. Причем научно-информационная революция оказывается тесно связанной с книжной культурой, а информационные технологии являются производственной базой и основой социальной жизни информационного общества.

Анализируя опыт информатизации, вездельные педанты указывают на рост неквалифицированных занятий в сфере услуг, распространение примитивной массовой культуры, а не интеллектуализации масс, ставят под вопрос вывод о том, что эрудиция, наука и экспертные знания действительно являются гарантами социального благосостояния. По мнению одного маститого лондонского профессора, *информационное общество* – «это такое общество,

---

¹⁴⁸ Рифкин Д. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 410 с.

в котором создание и распространение информации подчинено целям рекламных компаний, стало делом специалистов по дезинформации из министерства обороны, экспертов по связям с общественностью, парламентских лоббистов»¹⁴⁹. Другими словами, в информационном обществе просвещение оборачивается информацией, информация – рекламой, педагогика – манипулированием. Профессор Московского гуманитарного университета А. И. Шендрик обнаружил около десяти антагонистических противоречий, свойственных информационному обществу, в том числе противоречие между трудом и капиталом; противоречие между ростом объема информации и уменьшением истинных знаний, вследствие чего «общество знания» стремительно воспроизводит общество «незнаек»; противоречие между свободой информации и манипулированием массовым сознанием и др.¹⁵⁰

Надо признать, что неумеренное злоупотребление понятием «информационное общество» привело к его мифологизации, если не сказать вульгаризации. Вдумчивый философ В. Н. Катасонов озабоченно заметил: «Цивилизационный проект – информационное общество – при отсутствии философского самоконтроля общества легко превращается в новую утопию»¹⁵¹. Информационное общество в этом случае превращается в элемент не социальной, а виртуальной реальности, который существует, хотя и не субстанционально, но реально, и в то же время не потенциально, а актуально. *Виртуальная реальность* (*virtualis* – возможный, вероятный) понимается как объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. Выяснилось, что техногенная виртуальность, создаваемая компьютерной техникой, не является единственным видом виртуальной реальности, а существуют естественные психогенные и социогенные виртуальные реальности («незавершенное событие», «незаконченное бытие»), возникшие в докомпьютерную эпоху. Предлагаются, по крайней

¹⁴⁹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 217.

¹⁵⁰ Шендрик А. И. Информационное общество и его культура: противоречия становления и развития // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Shendrik/> (дата обращения 12.12.2022).

¹⁵¹ Катасонов В. Н. Технологии информационной цивилизации и мудрость книжной культуры // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2000. С. 77.

мере, три ответа на вопрос «что такое информационное общество?» и, соответственно, – три типа информационных обществ:

1. *Социологическая интерпретация*: информационное общество – это реально существующая совокупность профессиональных и любительских социальных групп, неразрывно связанных с информационно-коммуникационными технологиями и характеризующаяся субкультурными особенностями¹⁵². Именно этим социальным группам адресованы информационные праздники типа «Всемирного дня электросвязи и информационного общества». В социальном пространстве современного социума информационное общество этого типа локализовано в информационной техносфере и отличается от прочих граждан владением специальными знаниями и умениями и технократическим, как правило, мировоззрением. В его структуре различаются: а) творческая элита, определяющая прогресс в области информационно-коммуникационных технологий; б) фанаты-киберпанки, ощущающие себя коренными обитателями киберпространства и предпочитающие виртуальное пространство Интернета социальной реальности; в) масса информационных работников, репродуктивно воспроизводящих разработанные творческой элитой технологии.

2. *Научно-футурологическая интерпретация*: информационное общество – это гипотеза о грядущем постиндустриальном состоянии индустриального общества. Этот тип информационного общества представлен не в виде реально наблюдаемых социальных групп, а в качестве авторских концепций, обсуждаемых научным сообществом и широкой общественностью. Очевидно, что информационное общество основано на развитых информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), то есть является техногенным, но неясно, формируется ли оно естественноисторическим образом, независимо от воли людей. Нет единства мнений по поводу социальной структуры информационного общества. Высказываются опасения относительно раскола этого общества на тонкий слой высокообразованных, богатых, счастливых «хозяев жизни» (анклав сверхпотребления) и обширное «гетто нищеты», лишенное доступа к информационным и прочим социальным благам.

3. *Рекламно-идеологическая интерпретация*: информационное общество – грядущее высоко информатизированное общество,

---

¹⁵² *Субкультура* понимается как система ценностей и норм поведения (включая специфический язык – социолект, специальные знания и умения, идеалы и этический кодекс), которая противопоставляет себя общенациональной культуре.

менящее торжеством просвещения, свободного творчества, социальной справедливости, которых так не хватает в современной действительности. Искусство рекламиста или идеолога состоит в том, чтобы заставить простодушную публику поверить в ту версию информационного общества, которая соответствует интересам рекламодателей или государственной бюрократии.

В качестве гарантов научной значимости понятия «информационное общество» выступили футурологи, социологи и философы, взявшиеся за исследование постиндустриальной стадии цивилизации. Их талантливые публикации произвели большое впечатление не только на политическую элиту и массовую аудиторию, но и на коллег, так или иначе связанных с информационной проблематикой. Благодаря их стараниям, информация получила статус *общенаучной категории*, а информационный подход сделался *общенаучным методологическим инструментом*. Информационная футурология – арена нескончаемых столкновений интеллектов и амбиций. Оппоненты разделились на два противоположных лагеря: апологеты-оптимисты, воспринимающие информационное общество как «новый прекрасный мир» светлого будущего, и скептики-пессимисты, разоблачающие идею информационного общества как рекламно-идеологический миф, служащий интересам транснациональных корпораций и государственной бюрократии. Что же, в конце концов, информационное общество: наивная утопия? кибернетическая производная? стадия цивилизационного процесса? Определенного ответа на эти вопросы у нас нет.

3.4. Цифровая мантия Библиологоса

Основной тенденцией в мировой цивилизации конца XX – начала XXI века стал переход от индустриальной экономики к цифровой экономике, базирующейся на информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ)¹⁵³. Многие авторы отождествляют «цифровую экономику» (digital economy) с терминами «информационная экономика», «экономика знаний», «Интернет-экономика» и т. д. Однако общепринятая дефиниция цифровой экономики пока не выработана, хотя во всех определениях отмечается, что она основана на интеграции компьютерных и коммуникационных технологий в сети Интернет и цифровом кодировании

¹⁵³ Головенчик Г. Теоретические подходы к определению понятия цифровая экономика // Наука и инновации. 2019. № 1. С. 54–59.

своих символов. Проблемы цифровой экономики обстоятельно и доходчиво рассмотрены в докладе специалистов Высшей школы экономики¹⁵⁴ и в трудах академика С. Ю. Глазьева¹⁵⁵. Становление цифровой экономики трактуется как «великая информационно-цифровая революция», началом которой считается появление электронных цифровых вычислительных машин (ЭЦВМ) в середине XX века. В XXI столетии ожидаются кардинальные изменения в бизнесе, материальном производстве и социальной сфере, благодаря внедрению таких технологий нового поколения, как робототехника, искусственный интеллект, Интернет вещей, облачные вычисления, цифровое моделирование и другие новации. В России ускоренное внедрение цифровых информационно-коммуникационных технологий является приоритетной государственной задачей.

В день своей инаугурации, 7 мая 2018 года вновь избранный Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ *«О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»*. Этот Указ нацелен на «прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие страны» в ближайшей перспективе. С этой целью предусмотрено осуществление 12 приоритетных национальных проектов (программ) по направлениям: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, автомобильные дороги, производительность труда, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство, международная кооперация и экспорт. Для Библиологоса особенно важны две стратегические задачи, названные Президентом:

1) трансформация науки и техники в ключевой фактор экономического роста страны, переход к цифровым производственным технологиям (цифровой экономике), роботизированным системам, системам обработки больших объемов данных, внедрение машинного обучения и искусственного интеллекта;

---

¹⁵⁴ Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерения. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.

¹⁵⁵ Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир, 2017. 640 с.; Его же. Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего. М.: Книжный мир, 2017. 352 с. и другие книги, статьи и интервью.

2) культурное и гуманитарное развитие страны в качестве основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности России.

Принципиально важно обратить внимание на то, что главным условием достижения национальных целей и стратегических задач Президент назвал формирование модели *нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности*. Может ли постсоветский Библиологос, используя культурное наследие литературоцентризма, способствовать формированию поколения русской интеллигенции цифровой формации? Признанный эксперт в области библиотечного прогнозирования **В. К. Степанов** еще в 2014 году выступил с «Манифестом библиотек цифровой эпохи»¹⁵⁶, где, фигурально говоря, предложил Библиологосу сменить изношенный полиграфический кафтан на модную цифровую мантию. Прислушаемся к его словам.

Вадим Константинович высказал опасение, что «смена цивилизационной парадигмы, основанная на переходе к цифровой системе коммуникаций, фактически выдавливает библиотеку в ее традиционном виде из общественного производства, так как документальные массивы в цифровой форме имеют иные законы формирования, распространения, хранения и использования»¹⁵⁷. Поэтому «цепляться за привычную, но объективно устаревающую печатную информационную инфраструктуру тщетно и абсолютно бесперспективно»¹⁵⁸. Установив, что «в настоящее время большинство библиотек являются архаичными учреждениями с низкой квалификацией персонала»¹⁵⁹, эксперт решительно настроен на переориентацию Библиологоса: «Миссия библиотек в цифровой среде – борьба с информационным невежеством и информационным неравенством путем пробуждения общественного сознания, предоставления самого широкого доступа к наиболее ценным интеллектуальным ресурсам, формирования в социуме творческой и созидательной атмосферы. Библиотеки обязаны отбросить заблуждения, преодолеть собственную косность и, сохранив луч-

---

¹⁵⁶ Степанов В. К. Манифест библиотек цифровой эпохи. М., 2014. 15 с. URL: <http://www.calameo.com/read/003454783b7da70af379> (дата обращения 11.06.2020).

¹⁵⁷ Там же. С. 5.

¹⁵⁸ Там же. С. 9.

¹⁵⁹ Там же. С. 12.

шее из собственного багажа, помножить накопленную профессиональную мудрость на мощь цифровых технологий. Хранить историю в своих фондах уже недостаточно – историю предстоит делать. И именно нынешней генерации библиотекарей выпал шанс резко поднять авторитет библиотечной профессии или, наоборот, стать последним ее поколением»¹⁶⁰. Веско сказано! Но придется ли цифровая мантия по плечу Библиологосу? Другими словами, сможет ли Искусственный Интеллект овладеть атрибутами Разума и Любви?

Современное научное сообщество разделилось на два лагеря: лагерь *технократов-максималистов* и лагерь *гуманистов-оптимистов*. Максималисты утверждают, что компьютеры могут справиться с любыми задачами, которые имеют алгоритмы для своего решения и согласуются с физическими возможностями компьютеров. Мозг подобен своеобразному компьютеру, и все, что сейчас доступно мозгу, в частности, сознание, станет со временем доступно компьютеру, если увеличить объем памяти последнего и усовершенствовать программы обработки данных. Гуманисты уверяют, что сознание невозможно «вычислить», поэтому компьютеры никогда не обучатся «пониманию» и «творчеству», и не смогут решать те задачи, которые требуют интуитивного подхода. Неустранимый недостаток цифрового интеллекта – отсутствие понимания обрабатываемых данных¹⁶¹.

В настоящее время, претендуя на статус «разумной машины», искусственный интеллект успешно участвует в глобальной борьбе с пандемией Covid-19, управляет беспилотным транспортом, умными коттеджами и умными городами, но вопрос о цифровизации Библиологоса остается открытым. Камень преткновения заключается в том, что естественный Разум, управляющий Логосом, «не может надлежащим образом моделироваться алгоритмическими средствами, то есть путем использования компьютера, как это делается сегодня, поскольку требует сознания, располагающего существенно неалгоритмической составляющей»¹⁶². Сознание необходимо Разуму для «суждения об истинности», «понимания», «художественной оценки», а искусственный интеллект действует бессознательно,

¹⁶⁰ Там же. С. 15.

¹⁶¹ Хокинс Дж., Блейкли С. Об интеллекте. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. С. 21.

¹⁶² Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 349.

поскольку запрограммированный автомат «бездумно следует правилам и алгоритмам»¹⁶³. Таким образом, на вопрос «может ли машина мыслить?» современная наука дает два разных ответа: ответ «да» – машина может мыслить, но по-машинному, в заданном алгоритмическом пространстве; ответ «нет» – машина не может мыслить по-человечески осознанно, творчески и интуитивно, по образу и подобию живому интеллигенту-книжнику. Современная робототехника может обеспечить мониторинг, сбор, обработку, хранение и поиск обширных массивов статистических, управленческих, финансовых, библиографических, фактических и прочих данных, но мы не располагаем сейчас научно-техническими средствами для моделирования библиосферы, оценки ее состояния, выработки стратегии развития Библиологоса. Ни цифровая мантия, ни скатерть-самобранка, ни магия книги не смогут заменить Книжный Разум в библиосфере. Почему?

Дело в том, что библиотеки возникли как необходимое условие для развития человеческой цивилизации, так как нет цивилизаций, не обладающих письменностью и библиотеками. Следовательно, глубинный смысл, оправдывающий существование библиотек, – это обеспечение перехода от дописьменного варварства к цивилизованной книжной коммуникации, в чем и заключается очеловечивание (гуманизация) общества. Гуманистический смысл библиотечной профессии первичен, он – ее цель, а технологии вторичны, они – всего лишь средства. Просчет информационных технократов в том, что они совершенствуют средства в отрыве от целей, думая, что порталы оцифрованных данных сделают общество разумнее и цивилизованнее. Именно библиотечная интеллигенция обеспечивает реализацию гуманистического смысла библиотечной деятельности. Другое технократическое заблуждение состоит в ошибочном убеждении, что в эпоху цифровой экономики можно обойтись без библиотечной интеллигенции. Вся история библиотечного дела, начиная с петровской Академической библиотеки, открытой в 1714 г., неразрывно связана с разными поколениями русской интеллигенции: библиотека А. А. Черкесова – с историей пореформенной интеллигенции народнического толка, а нынешняя «Маяковка» – с историей блокадного Ленинграда и постсоветского Петербурга.

¹⁶³ Там же. С. 352.

Библиотечная интеллигентность – понятие не профессиологическое, а социально-этическое. В результате конкретных социологических исследований библиотечных коллективов¹⁶⁴ мы вышли на следующее определение: *библиотечная интеллигентность* – интегральное качество личности, включающее: а) гуманитарную образованность и книжную культуру (владение литературным языком, начитанность, библиотечно-библиографическая грамотность); б) креативность, творческие способности, в том числе овладение цифровыми, а также нано-, био-, инфо-, когнитивными технологиями; в) гуманистическое этическое самоопределение, которое, в свою очередь, реализуется в виде осознания личной ответственности за культурный прогресс и развитие библиотечно-библиографического дела в стране; в виде коммуникационной толерантности (исключение цензуры, непрошеного руководства чтением, навязчивой рекламы, свобода выбора и т. п.); в виде благоговения перед Книгой, которое является состоянием души интеллигента-книжника. Предложенные трактовки легко применить к дореволюционному поколению интеллигентов-книжников и советской интеллигенции, а вот для интеллектуальных роботов их адаптировать трудно. Гуманистический смысл библиотечной деятельности реализуется только при условии субъект-субъектного диалога двух личностей. Поэтому игнорирование библиотечной интеллигентности является серьезной ошибкой технократов-интеллектуалов.

Во второй половине XX века разразился кризис левополушарного рационализма, который охватил философию и науку, искусство и технику, политику и религию. Путь к преодолению кризиса **А. А. Пелипенко** увидел в «правополушарном реванше», когда на смену «людям Слова» придут «люди Цифры», а развитие нанотехнологий обеспечит «посткультурное существование нового культурно-антропологического типа, уже не вполне человека»¹⁶⁵. Цифровая культура является культурой мультимедийной (мультимедийной) коммуникации, в которой сочетаются дописьменные (устные, рисуночные, жестовые), письменные (таблица, свиток, кодексы, книга) и экранные (аудиовизуальные) средства фиксации и передачи символов. Мультимедийная коммуникация предъявляет к своим

¹⁶⁴ Соколов А. В. Поколения библиотечной интеллигенции: приглашение к профессиональному самопознанию // Библиотековедение. 2000. № 1. С. 19–26.

¹⁶⁵ Пелипенко А. А. Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. М.: Изд-во «Согласие»; Изд-во «Артем», 2014. С. 700.

пользователям требование *мультимедийной грамотности*, то есть владения не только навыками чтения книжного текста, но и способностью воспринимать экранную информацию. Мультимедийную грамотность современные культурологи именуют также «постграмотностью» (*post-literacy*) и определяют как «систему возможностей субъекта прочесть все разновидности текстов, порожденных культурой, то есть их воспринять, декодировать и интерпретировать, или наличие грамотности в отношении различных выработанных в истории культуры языков (вербальных, художественных, научных, машинных) и медиа (дописьменных, письменных, аналоговых и цифровых)»¹⁶⁶. М. Ю. Гудова убеждена, что концепция постграмотности как культурного феномена позволяет не только понять и объяснить современное состояние традиционного чтения, но и выполнить прогнозирование того, в каком направлении будет развиваться чтение в ближайшее время, как оно будет меняться по мере развития цифровой экономики и становления широкого спектра профессий, основанных на написании и считывании программ и алгоритмов человеком и машиной. Исходя из того, что «компьютеры переводят всю информацию о нас и окружающем нас мире в текст, зашифрованный двоичным кодом», она делает вывод, что «считывание и понимание, декодирование Текста, то есть чтение текста гаджетами и людьми становится универсальным способом существования культуры»¹⁶⁷. Другими словами, если в XX веке человек неграмотный находился вне современной ему культуры, то в XXI веке культурному человеку нужно владеть не только книжной культурой, но и цифровой культурой.

С точки зрения неклассической техносферы, важнейшими технологиями XXI века являются искусственный интеллект, Интернет вещей, большие данные и облачные вычисления, которые считаются приметами *четвертой промышленной революции*¹⁶⁸. Четвертая промышленная революция представляет собой *цифровую революцию*, приобщившую экономического человека к цифровой культуре постиндустриального информационного общества.

¹⁶⁶ Гудова М. Ю. Концепция постграмотности как теоретико-методологическое основание понимания чтения // Чтение на евразийском перекрестке: Материалы Пятого Международного интеллектуального форума. Челябинск: ЧГИК, 2019. С. 26.

¹⁶⁷ Там же. С. 28–29.

¹⁶⁸ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э», 2017. 208 с.

Понятие **цифровой культуры** (электронной культуры, киберкультуры) трактуется либо локально как конвергенция информационных технологий и социогуманитарного знания, либо экстремистки как проект трансгуманистических изменений природы человека, знаменующий переход к искусственным формам жизни в духе утилитарного технократизма.

Трансгуманисты исходят из презумпции, что современный человек является не вершиной, а, скорее, началом эволюции рода человеческого, поэтому нужно переконструировать его биологическое тело и наделить умственными способностями, превосходящими естественный интеллект. Цифровая культура рассматривается в контексте использования нано-био-информационных-когнитивных-социальных технологий (NBICS технологий) для управления природными и социальными процессами, изменения человеческого генома, преодоления болезней, достижения бессмертия и иных фантастических целей. Предусматриваются три морфологических формы трансгуманиста: Киборг, Сверхчеловек, Постчеловек в виде различных модификаций (потребителя-гедониста виртуальных миров, солдата-убийцы и т. п.). Одновременно с трансформацией природы человека предусматривается замена естественной среды обитания искусственными формами, синтезируемыми при помощи технологий NBICS-конвергенции и социального проектирования. Бессмертный киборг не будет нуждаться ни в биосфере, ни в социосфере, ибо средой его обитания станет сотворенная им техносфера. Хотя с 1998 года действует Всемирная Трансгуманистическая Ассоциация, объединяющая более 3000 членов, а в нашей стране с 2003 года функционирует Российское трансгуманистическое движение (РТД), мы не можем оценивать трансгуманизм иначе, чем дегуманистическую мутацию технократического направления цифровой культуры. Оставим в стороне эту мутацию и обратимся к другим потрясениям неклассической логосферы, проявившимся в информационно-технологических революциях Нового времени и обусловленных научными открытиями, социальными кризисами и мировыми войнами XIX–XX вв.

В XXI столетии ожидаются кардинальные изменения в бизнесе, материальном производстве и социальной сфере, благодаря внедрению таких технологий нового поколения, как робототехника, искусственный интеллект, Интернет вещей, облачные вычисления, цифровое моделирование и другие новации. В России ускоренное

внедрение цифровых информационно-коммуникационных технологий является приоритетной государственной задачей. Важно подчеркнуть, что для библиотечной отрасли особенно важны три стратегические задачи, названные в указах Президента: во-первых, трансформация науки и техники в ключевой фактор экономического роста страны и переход к цифровым производственным технологиям (цифровой экономике); во-вторых, культурное и гуманитарное развитие страны как основа экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны; в-третьих, формирование модели нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности в качестве главного условия достижения национальных целей и стратегических задач.

Прогрессивные российские библиотеки, идущие в ногу с научно-техническим прогрессом, переходят от этапа компьютеризации и информатизации к этапу цифровизации. Различные аспекты библиотечной цифровизации обстоятельно рассмотрены в докладе *Я. Л. Шрайберга*¹⁶⁹, который можно назвать «экскурсом в постсовременную библиотеку». Яков Леонидович показывает главные отличия цифровизации от информатизации и характеризует опыт развития цифровой экономики в разных странах и в России. Эрудированный автор анализирует основополагающие международные документы, способствовавшие глобальной цифровизации, и главные тренды цифровизации, влияющие на развитие библиотечно-информационной отрасли, а также задачи библиотек в цифровую эпоху.

Задаваясь вопросом: «как будут выглядеть библиотеки в ближайшем будущем?» автор дает поучительные и конструктивные советы: «квалифицированного пользователя должен встретить квалифицированный библиотекарь, поэтому сегодня, как никогда ранее, растут требования к качеству библиотечного образования»¹⁷⁰; «примем как данность, что книга – основа нашего воспитания, образования, фундамент нашей культуры»¹⁷¹. Я. Л. Шрайберг реши-

---

¹⁶⁹ Шрайберг Я. Л. Информационно-документное пространство образования, науки и культуры в современных условиях цифровизации общества. Ежегодный доклад Пятого международного профессионального форума «Крым–2019» // Научные и технические библиотеки. 2019. № 9. С. 3–55.

¹⁷⁰ Там же. С. 22.

¹⁷¹ Там же. С. 24.

тельно отвергает проекты замены архивариусов и библиотекарей «роботами, компьютерными программами и другими автоматическими решениями» и превращения библиотеки в гибкую автоматизированную линию машин и приборов. Порочность технократических проектов он видит в том, что «роботизация», симулирующая действия библиотечных работников, – это профанация сущности библиотеки как средства гуманизации (одухотворения) социума. Робот не может выражать сущность библиотеки, поскольку эта сущность *человечна*. Робот способен воспроизвести процесс книговыдачи, но гуманистическую миссию библиотеки может реализовать только профессионал библиотечного дела. Нельзя не согласиться с опытным стратегом библиотечного дела, что проект «библиотека без библиотекаря» равноценен проекту «небиологического тела», свободного от угрызений совести. Совершенно справедливо Яков Леонидович подчеркивает, что библиотека будущего – неотъемлемая часть глобальной цифровой культуры.

ДУМА 4

**НООСФЕРА И СТРАТЕГИИ
БИБЛИОЛОГОСА**

4.1. Ноосфера – стадия эволюции человечества

Обзор научной литературы показывает, что общее понятие о ноосфере, распространенное в современной науке, соответствует формулировке: *Ноосфера* (от др.-греч. *ноос* – разум) гипотетическое будущее взаимодействие природы и общества на планете Земля, в котором главная роль принадлежит человеческому разуму¹⁷². Академик *Владимир Иванович Вернадский* (1863–1945) начал использовать термин «ноосфера» с 1936 года, понимая ее как неизбежную, естественную стадию развития биосферы Земли, по достижении которой окружающая человека природа будет рационально преобразована научной мыслью и коллективным трудом для удовлетворения растущих потребностей человечества. В отличие от геохимии, биогеохимии, биосферы, которым посвящены многочисленные публикации, ставшие классикой естествознания, Владимир Иванович не успел оформить свои размышления о ноосфере в виде монографии или учебника. Прижизненно были опубликованы только «Несколько слов о ноосфере» в академическом журнале «Успехи современной биологии» (1944. Т. 18. Вып. 2. С. 113–120), но эти «несколько слов» поистине «томов премногих тяжелей», потому что в них выражена квинтэссенция естественнонаучной концепции ноосферы В. И. Вернадского¹⁷³. Здесь нашли отражение два близких ему духовных устоя русской интеллигенции: во-первых, приоритет научной истины; во-вторых, преданность гуманистическим идеалам.

Приоритет научного познания выразился в следующих утверждениях. Благодаря цефализации, развитию разума и разумного труда, человек сделался крупнейшей *геологической силой*, способной управлять биосферой в собственных интересах. Он узнал и охватил всю биосферу, завершил географическую карту Земли и расселился по всей ее поверхности; в будущем он, вероятно, выйдет за пределы своей планеты в космическое пространство. Единство человечества обеспечивается тем, что в силу биологического закона все расы скрещиваются между собой и дают плодovitое потомство, а пространственная общность достигается за счет радиосвязи и авиации. Интеллигентский гуманизм

¹⁷² Урсул А. Д. Ноосфера // Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Изд-во «Радуга», 2003. С. 702–705.

¹⁷³ Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 235–244.

обусловил оптимистическую убежденность автора, что в эпоху ноосферы произойдут коренные изменения не только «лика планеты», но и исторического процесса. Вернадскому видилась идиллия, когда «впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости». Вместе с тем он предупреждает: «В истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление». Это предупреждение естественно в устах интеллигент-ученого, для которого наука неотделима от этики и социальной ответственности.

Итак, в концепции ноосферы академика Вернадского присутствует дихотомия (раздвоение): с одной стороны, – признание грандиозных достижений научной мысли, сделавших человечество геологической силой, влияющей на эволюцию природы; с другой стороны, небезосновательные опасения безумного самоуничтожения (напомним, что идею ноосферы автор вынашивал во время жесточайшей мировой войны). В настоящее время гуманистически настроенные ученые и культурологи не устают выдвигать гипотетические концепции ноосферы, развивая идеи В. И. Вернадского и его современника *Пьера Тейяр де Шардена* (1881–1955), христианского философа, антрополога и палеонтолога, который называл себя «паломником в будущее», решающим задачу синтеза христианского Откровения и научного знания¹⁷⁴. Обобщая взгляды различных авторов, философ ноосферы А. Д. Урсул (1936–2020) предложил дефиницию: *Ноосфера – обусловленная космической эволюцией экологическая среда человека будущего, образованная постиндустриальной цивилизацией и гуманистической культурой*. В этой дефиниции отражены следующие общие свойства ноосферы:

- происхождение: закономерно обусловлена космической эволюцией;
- место и время: экологическая ниша (среда обитания) будущего человечества;

---

¹⁷⁴ Драматическая биография иезуита-ученого и аналитическое изложение содержания его произведений содержатся в монографии философа и филолога С. Г. Семеновой: Семенова С. Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: РХГУ, 2009. 672 с.

– единство противоречий (антиномия): цивилизация и гуманизм; техника и человек.

Данная дефиниция позволяет на вопрос «что есть ноосфера?» дать три дополняющих друг друга ответа: а) Разумная оболочка Земли; этап естественной эволюции биосферы; б) Постиндустриальная цивилизация интеллектуалов-рационалистов, включающая искусственный интеллект; в) Гуманистический идеал, общность Разума, Добра, Справедливости.

Черета социально-экономических кризисов в XIX и особенно в XX веке поставила вопрос о завершении логоцентрической эры истории человечества и переходе к новому, «ноосферному» этапу. Становление ноосферы (ученые иногда говорят «ноосферизация»), несомненно, является особой интеллектуальной революцией, которую резонно назвать «гуманистической», чтобы оттенить ее взаимосвязь с идеологией гуманизма. Гуманистическая идея ноосферы проявляется в том, что она озабочена не производством «постчеловеческих киборгов», а развитием человеческого разума в качестве ответа на вызовы культурно-исторической эволюции. Эксперты отмечают, что нынешний планетарный кризис не ограничен природной средой, но включает социальный, политический, культурный, моральный аспекты и усиливающийся кризис всей капиталистической системы, где господствует спекулятивный капитал. Финансовые спекуляции приводят к избытку капитала в доходных сферах, а направления, от которых зависит будущее планеты, испытывают дефицит средств. Крупнейшей глобальной проблемой остается потепление климата, требующее фундаментальную трансформацию макроэкономики производства и потребления. Особенно беспокоит рост антропогенной нагрузки на планету: с начала прошлого века население выросло пятикратно, а экономический оборот в сорок, потребление топлива в шестнадцать, вылов рыбы в тридцать пять раз. Двести лет назад существовал только один город-миллионер – Лондон, сейчас таких городов три сотни, включая двадцать два с населением более десяти миллионов. Переезжая в города, люди начинают потреблять в четыре раза больше ресурсов. При этом в мире сохраняется хроническая диспропорция в распределении продовольствия: восемьсот миллионов человек постоянно голодают, а два миллиарда имеют лишний вес. Значительный экологический урон наносит растущее животноводство, в то время как стремительно сокращается поголовье диких животных.

Философы-гуманисты предрекают: «Сейчас, когда уставшая постиндустриальная цивилизация живет в ожидании системного кризиса, когда ставится под сомнение само существование цивилизации в обозримом будущем, которое чревато не то новым антропологическим скачком, не то экологическим апокалипсисом, с особой остротой встают вопросы: насколько наше настоящее и будущее определяется историческим прошлым, насколько человек и человечество в целом зависимы от своего предшествующего культурно-исторического опыта?»¹⁷⁵. Ответ на эти вопросы невозможно получить без посредничества Библиологоса, хранителя эволюционного опыта открытий и ошибок, побед и поражений, запечатленного в документных фондах библиосферы. Потребность в использовании ресурсов Библиологоса особенно остро ощущается некоторыми чуткими гуманистами-книжниками, к числу которых относится академик РАН **Никита Николаевич Моисеев** (1917–2000), убедительно предупреждавший в своих книгах: «Человечество находится у роковой черты»¹⁷⁶. Прочитую фрагмент его предсмертного обращения к российской общественности:

«Вся планета, как и наша страна, находится на пороге неизвестности и непредсказуемости. Можно лишь утверждать с достаточной долей уверенности в своей правоте, что планета и мировое сообщество вступают в новую стадию развития. Человечество превращается в основную геологообразующую силу. Необходимо признать также, что в результате человеческой деятельности нарушилось естественное равновесие природных циклов, восстановить которые известными нам методами невозможно. Деятельность человечества, вероятнее всего, ведет деградации биосферы и не способна гарантировать существование Человека в ее составе. Причина этого заключается в том, что антропогенная нагрузка на биосферу возрастает стремительно и, вероятно, близка к критической. Человек подошел к пределу, который нельзя переступать ни при каких обстоятельствах. Один неосторожный шаг – и человечество сорвется в пропасть. Одно необдуманное движение – и био-

---

¹⁷⁵ Пелипенко А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 8.

¹⁷⁶ Его идеи подробно изложены в адресованных массовому читателю книгах: Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.; Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.; Моисеев Н. Н. Быть или не быть ... человечеству? М., 1999. 288 с.

логический вид *homo sapiens* может исчезнуть с лица Земли. Хочу подчеркнуть, что такая катастрофа может случиться не в каком-то неопределенном будущем, а, может быть, уже в середине наступившего XXI века»¹⁷⁷. Условие предотвращения надвигающейся губельной угрозы Н. Н. Моисеев видел в гуманистическом перевоспитании нового поколения: «Человечество должно научиться жить в согласии с Природой, с ее законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью Природы. Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека. Для этого необходимо иметь не только специальное, но и гуманитарное образование. Я убежден, что XXI век будет веком гуманитарного знания, подобно тому, как XIX век был веком пара и инженерных наук»¹⁷⁸.

Многие ученые разделяют озабоченность академика Н. Н. Моисеева, приводя впечатляющие данные о загрязнении атмосферы и мирового океана, об опустынивании земель (пустыня Сахара продвигается на юг со скоростью 1,5 км в год), об исчезновении видов растений и животных и т. д. Еще большую тревогу вызывают межнациональные конфликты, перерастающие в межцивилизационные антагонизмы, рост агрессивности и насилия, раскол человечества на процветающий «золотой миллиард» и обездоленные пять миллиардов и т. д. Самая же страшная угроза видится в роковом отрыве цивилизованного человека от матери-природы, в утрате спасительных природных инстинктов, включая инстинкт самосохранения. Оказалась несостоятельной надежда просветителей на то, что образованный человек будет гуманнее и нравственнее неграмотного варвара. Масштабы жестокого уничтожения себе подобных высококвалифицированными «силовыми структурами» далеко превосходят аппетиты диких каннибалов. В этих условиях скептики пессимистически оценивают перспективы построения системы коллективной защиты человечества от антропогенных глобальных угроз. Есть, правда, и оптимисты, которые предпочитают не прислушиваться к мрачным пророчествам и надеются на то, что предприимчивый *homo sapiens* сумеет найти спасительный выход из вселенского кризиса, как неоднократно случалось в про-

---

¹⁷⁷ Обращение академика Н. Н. Моисеева к участникам «круглого стола» на тему «Быть или не быть ... человечеству?» // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 5.

¹⁷⁸ Там же. С. 5–6.

шлом. Но наличие кризиса, ставящего под вопрос существование человечества на нашей планете, не отрицает никто. Кто же виноват в глобальном кризисе, где скрыты его причины?

Человечество на распутье, оно стоит перед выбором: ноосфера или некросфера (царство Разума или «царство мертвых»)? Выбор – за современным поколением образованных, творческих, одаренных и этически ответственных людей, т. е. за нынешним поколением интеллигенции, от которого в решающей степени зависит воспитание «человека ноосферного». Проблема в том, что властвующая технократия озабочена выращиванием «цифросферного» человека и готовится превратить нашу планету не в «сферу разума», а в цифровую вселенную. Технократы-утописты утверждают, что в 2044 г. небологический интеллект в миллиарды раз превзойдет биологический, а в 2045 г. наступит *технологическая сингулярность*, и Земля превратится в один гигантский компьютер. Станет ли сверхрациональный искусственный интеллект мириться с существованием недоумков-людей? Не пора ли заняться *ноосферным антропогенезом* – выращиванием «человека ноосферного»?

Ясно, что искусственный антропогенез – задача не биологическая, не политическая, а *педагогическая*. Ни Государственная Дума, ни Правительство РФ, ни Президент не могут своими директивами создать «человека ноосферного», хотя могут содействовать его появлению. Поэтому отважные технократы, озабоченные построением цифровой экономики, напрасно надеются в качестве побочного продукта автоматически получить упомянутую в указах Президента «нравственную, ответственную, самостоятельно мыслящую, творческую личность». Гуманистические мыслители предостерегают: «Самая страшная из грозящих нам катастроф – это не столько атомная, тепловая и тому подобные варианты физического уничтожения человечества (а может быть, и всего живого на Земле), сколько *антропологическая* – уничтожение человеческого в человеке... Грозящая нам необратимая гибель общего человеческого дома порождена не сущностью человека, фатально приводящей к дурной цивилизации, но порчей этой сущности»¹⁷⁹. Стало быть, главная угроза роду человеческому и главная причина глобального кризиса – *антропологический кризис!* Поэтому для спасения рода человеческого необходимо *самопреобразование* человечества,

¹⁷⁹ Шрейдер Ю. А. Утопия или устроительство? // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 7–8.

нужна не социальная, а *человеческая революция*, то есть переворот на глубинном уровне культуры и психики. Необходимо «восстановить в нас как высшие блага и потребности любовь, дружбу, взаимопонимание, солидарность, жертвенность, сосуществование, заставить нас понять, что никогда, ни при каких условиях мы не должны отказываться от приоритета духовного. Этот новый гуманизм должен быть революционным по своей сути и иметь собственные этические и моральные обоснования в сознании человека. Он должен быть *настоящей человеческой революцией*. Его успех является условием выживания человечества» [курс. автора – А. С.]¹⁸⁰. Иначе говоря, для устранения антропологического кризиса, являющегося подлинной причиной всех глобальных угроз, надвигающихся на человечество, нужны люди, существенно, *революционно* отличающиеся от людей XX века. Они должны быть гуманны и великодушны, совестливы, бескорыстны и правдивы, любвеобильны и доброжелательны. Спасители человечества не могут быть похожи на его губителей; это должны быть другие, *новые люди*. Если человек XXI века будет столь же порочен, как и его отцы и деды, он не сможет избежать рокового финала.

Модели человека, сменявшие друг друга в процессе антропологической культурно-исторической эволюции, формировались прикладными гуманитарными социально-коммуникационными институтами, к которым традиционно относятся: церковь во всем многообразии конфессий, учений и сект; образование (все виды школьных и внешкольных образовательных учреждений); документосфера (библиосфера, музеи, архивы). В XX веке к ним присоединилась информационная медиасфера, состоящая из печатных и электронных изданий, радиовещания, телевидения, интернета. Библиотекам в этом ряду должно принадлежать центральное место, потому что глубинный гуманистический смысл, оправдывающий их существование, состоит в нравственном воздействии на сознание современного общества. Многовековая история российских библиотек и традиции библиотечной интеллигенции тому свидетельство. Правда, некоторые постсоветские философы, бывшие оптимисты, на своих симпозиумах приходят к безрадостному выводу: «теперь ясно, что человека улучшить нельзя – по природе его нельзя: как был он помесью Дьявола и

¹⁸⁰ Печчеи А. Сто страниц для будущего (отрывки из книги) // Будущее в настоящем. М., 1984. С. 42–43.

Ангела, так и остался, и никуда от этого не денешься, и что с этим делать – непонятно»¹⁸¹. В самом деле, как может появиться необыкновенный российский Библиологос – интеллигент-книжник, духовно подобный первым христианам или князю Мышкину из романа Ф. М. Достоевского?

Абстрактно существуют два пути: а) воспитать, вырастить искусственно, подобно культурным злакам; б) надеяться на самопроизвольное появление («самопреобразование» человечества). Первый путь кажется более простым и коротким, подлинно *революционным* переворотом. Второй путь – путь рискованной *эволюции*. Выбор правильной стратегии осложняется тем, что человечество не знает опыта антропологических революций. Давно известны политические, экономические, научно-технические, социальные революции, знакомы нам революции культурные, сексуальные, компьютерные, но феномен антропологической революции практически не изучен. Случались ли революции такого рода в истории человечества? Можно припомнить случаи выращивания «новой породы людей», которые не всегда бывали безуспешными. Стратегическая *забота о новых людях* постоянно преследовала не только педагогов и утопистов, но и разумных государственных деятелей. Призадумаемся над фантастическим проектом «*Стратегическое планирование ноосферного российского Библиологоса*».

4.2. Стратегическое планирование ноосферного Библиологоса

Долгосрочное стратегическое планирование является приоритетным направлением государственного управления, о чем свидетельствует Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (2014), где предусмотрено прогнозирование, планирование и программирование социально-экономического развития страны, субъектов Федерации, муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности России. В настоящее время число документов стратегического значения превысило сотню, в том числе Указ Президента «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (2014) и Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии государственной

---

¹⁸¹ Никитский клуб. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Выпуск 23. Самоидентификация россиян. М., 2005. С. 10.

культурной политики на период до 2030»¹⁸². Для долговременного планирования книжно-библиотечной отрасли основополагающей является «Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденная Правительством России 13 марта 2021 года. Здесь обозначены стратегические ориентиры государственной культурной политики в целом и библиотечной политики в частности¹⁸³.

Стратегия – термин военной науки (дословно «искусство полководца») понимается как «система крупномасштабных решений, призванных достичь основных целей, которые ставят перед собой на исторически определенный срок государственные институты, партии, общественно-политические организации и другие субъекты политики»¹⁸⁴. Стратегию определяют как долговременную программу разумно организованных действий, обеспечивающую эффективное использование наличных ресурсов для достижения желаемых целей. В зависимости от масштабов мировоззрения различаются три типа стратегий: а) *глобальные*, решающие проблемы всего человечества; б) *национальные*, охватывающие регионально ограниченную государственную и социально-этническую проблематику; в) *отраслевые*, сосредоточенные на отдельных отраслях национального производства и культуры. В зависимости от смысловой направленности различаются: а) *идеологические* стратегии, акцентирующие внимание на ноосферных целях; б) *вспомогательные* (инфраструктурные) стратегии, обеспечивающие доступ к требуемым ресурсам; в) *интегральные* стратегии, учитывающие единство целей и средств в процессе творческой деятельности. Главными субъектами стратегических разработок являются: международные организации глобального или регионального масштаба типа ООН; национальные органы государственного управления (администрация президента, парламент); отраслевые органы управления, например, Министерство культуры. Очевидно, что содержание глобальных, национальных, отраслевых стратегий различно, но, вместе с тем, цели и ресурсы разного уровня взаимосвязаны и исторически

---

¹⁸² Гусева Е. Н. Стратегические документы, определяющие роль библиотек // Науч. и техн. б-ки. 2019. № 3. С. 21–30.

¹⁸³ Трушина И. А. Стратегические ориентиры государственной библиотечной политики // Библиотековедение. 2021. Т. 70. № 2. С. 119–129.

¹⁸⁴ Политология: энциклопедический словарь. М.: Моск. коммерч. ун-т. 1993. С. 367

обусловлены. Необходимыми компонентами всякой стратегии являются: во-первых, *цели*, во-вторых, *ресурсы*, в-третьих, *методология* деятельности. Стратегические программы используются не только в области национальной безопасности, но и в бизнесе, интеллектуальных играх, государственном управлении национальной культурой, включая Библиологос.

Необходимыми ресурсами Библиологоса являются духовные и материальные ценности, входящие в его структуру. Духовные ресурсы воплощены в виде *человеческого капитала*, под которым подразумеваются: «врожденные способности и талант, накопленные знания, умения, опыт, образование и квалификация, физическое и психическое здоровье, духовное богатство работников»¹⁸⁵. Человеческий капитал Библиологоса олицетворяют профессиональные и непрофессиональные интеллигенты-книжники, владеющие основами книжной культуры и отождествляющие себя с Библиологосом. Именно они представляют собой коллективный разум, непосредственно участвующий в общественном производстве библиосферы. Материальные ценности Библиологоса – это документные фонды библиосферы, в которых воплощены результаты умственной деятельности современных и прошлых поколений, а также технические средства, служащие для создания, сохранения, распространения произведений письменности и полиграфии, включая радиоэлектронные и цифровые сообщения.

Методологическая основа научно-философской стратегии развития библиосферы не может ограничиваться классическим библиотекноведением или книговедением. Необходимо обновление научных ресурсов, унаследованных неклассическим Библиологосом. Она должна иметь *трансдисциплинарный* масштаб, охватывающий не только филологические науки вроде лингвистики, семиотики, литературоведения, документологии, журналистики, фольклористики, но и психолого-педагогические и антропологические учения (андрогика, археология, социальная педагогика, ювенология, когнитивистика), понимает историю, информатику, социологию, социальную философию. Трансдисциплинарная методология позволяет пройти через границы дисциплин, подняться на метанаучный уровень философского осмысления проблемы, используя при этом отраслевые достижения конкретных наук.

---

¹⁸⁵ Большая экономическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2008. С. 270.

Ноосферные стратегии глобального масштаба

Эти стратегии обусловлены распространением в конце XX столетия идеи *глобализации*, нацеленной на предотвращение так называемых *глобальных проблем (угроз) человечества*, среди которых – ядерная катастрофа, кризисы экологии и демографии, исчерпаемость ресурсов, нищета, терроризм, насилие, преступность и т. д. Вместе с тем конец XX столетия запомнился как время воплощения в жизнь мечты о свободном хозяйственном обмене, едином информационном пространстве и доминировании в мировом масштабе принципов гуманистического социального устройства. Глобализация расценивалась как средство повсеместного распространения западных ценностей и инструмент формирования общемирового сообщества на основе повсеместного утверждения общечеловеческих ценностей и демократических принципов. Особенно волновал мировую общественность *экологический кризис*, востребующий *консолидированную глобальную стратегию* мирового сообщества. Глобализация в западноевропейской культуре XX века преподносилась как залог быстрого освоения повсюду в мире научно-технических достижений и вовлечения периферийных регионов планеты в мировое хозяйство, а главная угроза мировому сообществу усматривалась в экологическом кризисе.

Зачинателем экологического алармизма является *Аурелио Печчеи* (1908–1984), итальянский бизнесмен и общественный деятель, который называл себя «вольным мыслителем» и «гражданином мира». В апреле 1968 года по его приглашению в Риме собрались около тридцати ученых – математиков, социологов, экономистов, которые образовали ядро так называемого *Римского клуба*. По замыслу Печчеи, Римский Клуб был призван привлечь внимание мировой общественности к долговременным и обостряющимся социальным, экономическим, политическим проблемам человечества. Образованный как инициативная общественная организация, Клуб в кратчайший срок сумел приобрести международный авторитет благодаря публикации серии знаменитых «докладов Римскому клубу». Доклад, названный «Пределы роста» (1972), утверждал, что если экономическое развитие не будет сведено к простому воспроизводству («нулевому росту»), а прирост населения Земли не будет поставлен под жесткий контроль, то в середине XXI века будут исчерпаны сырьевые ресурсы и нехватка продовольствия станет катастрофической. В другом докладе «Челове-

чество на перепутье» (1974) была сформулирована дилемма: либо создавать глобальное сообщество, основанное на солидарности и справедливости, либо оказаться перед лицом распада экологической системы, который будет сопровождаться сначала региональными, а потом и глобальными катастрофами.

В июне 1992 года на Всемирном саммите ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, в котором приняли участие 8 тысяч делегатов из 179 стран, был принят стратегический документ «Повестка дня на XXI век», содержащий концепцию так называемого «устойчивого развития» (sustainable development). **Концепция устойчивого развития** была представлена как «способ преодоления экологической угрозы для современной цивилизации, связанной с перенаселением, с невозможным расходом природных ресурсов и с загрязнением окружающей среды». Оппоненты обратили внимание на противоречивость концепции, поскольку экологический кризис предполагалось устранить за счет стран «третьего мира», а не за счет ограничения потребительских appetites «золотого миллиарда». Были сформулированы принципы международного экологического права и рационального использования природных ресурсов. В июне 2012 года, спустя 20 лет после конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, вновь прошел саммит «**Рио+20**», где обсудили возникшие проблемы «зеленой» экономики, устойчивого развития и искоренения бедности. Несмотря на многочисленные всемирные саммиты и декларации, экологическая проблематика остается в повестке дня большинства государств Земли, потому что причиной экологических угроз является *дегуманизация и культурная деградация* населения планеты. Экологический кризис нужно преодолевать не со стороны экологии биосферы, а со стороны экологии культуры, о которой склонны забывать благонамеренные политики, не видящие за горами мусора породивших эти горы людей. Что представляет собой экология культуры?

Авторство понятия **экология культуры** принадлежит академику **Дмитрию Сергеевичу Лихачеву** (1906–1999), который в 80-е годы создал гуманистическое учение о культуре, основные положения которого изложены в «Декларации прав культуры»¹⁸⁶. В Декларации культура определяется как «сотворенная челове-

¹⁸⁶ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 388–397.

ком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества»¹⁸⁷. Исходя из того, что экология представляет собой взгляд на мир как на дом, Дмитрий Сергеевич называл «домом, в котором живет человек», как природу, так и созданную людьми культуру. Поэтому, считал он, *экология культуры* образует единое целое с экологией природы, и заботы экологов должны распространяться не только на условия, в которых живет человек в природе, но и на условия, в которых человек существует в создаваемой им культуре. Д. С. Лихачев был убежден, что «экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его духовной оседлости, для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности»¹⁸⁸.

Экология культуры, по мнению академика, неразрывно связана с *нравственностью*, а без нравственной культуры современное общество существовать не может, поскольку юридические постановления и социальные традиции действовать не будут. Напоминая об экологическом кризисе и глобальных угрозах, Д. С. Лихачев предупреждал, что «убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой»¹⁸⁹. В связи с этим Дмитрий Сергеевич делал вывод, что необходима ясная и всеми признаваемая *этика экологии*, и сокрушался, что «вопрос о нравственной экологии не только не изучается, но даже и не поставлен нашей наукой как нечто целое и жизненно важное для человека»¹⁹⁰. Он обращал внимание на большое и принципиальное различие между экологией природы и экологией культуры. Дело в том, что утраты в природе до известных

---

¹⁸⁷ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 390.

¹⁸⁸ Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 331.

¹⁸⁹ Там же. С. 333.

¹⁹⁰ Там же. С. 331.

пределов восстановимы: можно очистить загрязненные реки и моря, восстановить леса и поголовье животных, если оно не уничтожено целиком, но невозможно воссоздать сгоревшие или разрушенные памятники культуры – книги, артефакты, здания, города. Между тем именно культура делает из людей, населяющих определенное географическое пространство, народ и нацию. Следует помнить, что создателем и хранителем национальной, в том числе книжной культуры, является Библиологос, и поэтому Библиологос и экология культуры неразрывно связаны друг с другом.

8 сентября 2000 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла *Декларацию тысячелетия*, где утверждается, что существенно важное значение для международных отношений в XXI веке будут иметь такие ноосферные культурно-демократические ценности, как: *свобода* – право жить и растить своих детей в достойных человека условиях, свободных от голода и страха насилия, угнетения и несправедливости; *равенство* прав и возможностей мужчин и женщин; *солидарность* – те, кто страдают или находятся в наименее благоприятном положении, заслуживают помощи со стороны тех, кто находится в наиболее благоприятном положении; *терпимость* – при всем многообразии вероисповеданий, культур и языков люди должны уважать друг друга, поощрять культуру мира и диалог между цивилизациями; *охрана окружающей среды* в соответствии с постулатами устойчивого развития. Нынешние неустойчивые модели производства и потребления должны быть изменены в интересах будущего благосостояния и благополучия наших потомков. Обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз международному миру и безопасности должна разделяться между народами мира и осуществляться под руководством Организации Объединенных Наций как наиболее универсальной и представительной организации ноосферного профиля.

Глобальной стратегической ценностью всемирной культуры является *общечеловеческая память* – совокупность артефактов, преодолевших национальную ограниченность и представляющих культурно-исторический интерес для будущих поколений человечества. Надо признать, что современникам не дано предугадать судьбу созданных ими творений. *М. М. Бахтин* (1895–1975) обращал внимание на парадоксальность судьбы общечеловеческих культурных ценностей. Парадокс заключается в том, что «в процессе своей посмерт-

ной жизни они обогащаются новыми значениями, новыми смыслами и как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания. Мы можем сказать что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того «великого Шекспира», какого мы теперь знаем. Древние греки не знали о себе самого главного, они не знали, что они древние греки и никогда себя так не называли»¹⁹¹. Отмеченная М. М. Бахтиным «парадоксальность» общечеловеческой памяти распространяется не только на произведения литературы и искусства, но и на научные предвидения, на этические и религиозные откровения, на другие культурные смыслы, образующие содержание памяти народов Земли. Национальной обособленности противостоит тенденция к формированию единой общечеловеческой памяти и признание самобытности культуры всех народов. Назовем некоторые памятники.

Истории *библиографии* известны грандиозные проекты, претендующие на охват значительной части общечеловеческой памяти. Первым творением такого рода является величественный памятник европейского Возрождения – «*Всеобщая библиотека*» (*Bibliotheca universalis*) *Конрада Геснера* (1515–1565), заслужившего титул «отца западноевропейской библиографии». Геснеру удалось подвести итоги развития письменной и мануфактурной книжности в Европе с античности до середины XVI века. Ничего подобного ни один библиограф после Геснера сделать не мог. Не менее амбициозным был проект *Поля Отле* (1868–1944), которому удалось в основанном им Международном библиографическом институте реализовать *Универсальный библиографический репертуар* (УБР) в виде алфавитного и систематического карточных каталогов, отражающих печатную продукцию различных стран, вышедшую в свет с начала книгопечатания (в 1930 году УБР насчитывал около 16 миллионов документов). До конца XX века «институтами памяти» считались национальные библиотеки, архивы и музеи, комплекующие традиционные произведения письменности и печати, но цифровые технологии актуализировали формирование «цифрового наследия» в машиночитаемой форме. Директора крупнейших национальных библиотек в 2011 году пришли к соглашению, что «перспективой для библиотечного сообщества является развитие всемирной распределенной электронной библиотеки, которая должна быть всеобъемлющей по тематике и наполнению, обеспечивать доступ к коллекциям любых библиотек в интересах науки, образования,

---

¹⁹¹ Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 504–506

обучения людей в течение всей жизни, инноваций, экономического развития и тем самым способствовать укреплению международного взаимопонимания»¹⁹². Были одобрены региональный проект «Европеана» и проект мировой памяти «Мировая цифровая библиотека», однако реализовать их в полной мере пока не удается.

Итак, *глобальными стратегическими целями* мирового сообщества провозглашаются: мир, безопасность и разоружение; искоренение невежества, нищеты, голода, эпидемий; избавление новых поколений от угрозы проживания на планете, безнадежно испорченной разрушительной деятельностью населения. Декларация тысячелетия завершается призывом обеспечить ООН современными ресурсами, в том числе миротворческими силами, необходимыми для выполнения ее мандатов. Предполагается, что глобальные стратегические декларации послужат основой для развертывания национальных культурных и гуманистических стратегий во всех странах мира, в том числе, конечно, и в России.

Национальные стратегии Российской Федерации

В 2014 г. был принят Федеральный закон № 172-ФЗ «*О стратегическом планировании в Российской Федерации*», в котором установлено, что *стратегическое планирование* представляет собой деятельность на федеральном уровне, уровне субъектов РФ, а также отраслей экономики и муниципального управления, по целеполаганию, программированию социально-экономического развития и обеспечению национальной безопасности страны. Принятые решения оформляются в виде *документа стратегического планирования*, который утверждается (одобряется) соответствующим органом государственной власти в качестве политического источника права. Например, Указ «*О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года*», подписанный Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 7 мая 2018 года, в день его инаугурации, предусматривает осуществление 12 приоритетных национальных проектов (программ) по направлениям: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, автомобильные дороги, производительность труда, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство, международная

---

¹⁹² Тихонова Л. Н. Всемирный библиотечный и информационный конгресс. 77-я Генеральная конференция и Ассамблея ИФЛА // Библиотековедение. 2011. № 6. С. 77.

кооперация и экспорт. Причем *главным условием* достижения национальных целей и стратегических задач Президент назвал культурное и гуманитарное развитие населения в качестве основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны и формирование модели *правдивой, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности*.

Развитием данного Указа является Указ от 21 июля 2020 года *«О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»*, согласно которому «культура является важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения многонационального культурного пространства и территориальной целостности России». Приоритетным вниманием руководства страны пользуется *искусственный интеллект*, представляющий собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Об этом свидетельствует *«Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»*, утвержденная Президентом В. В. Путиным 10 октября 2019 года.

Национальные стратегии Российской Федерации были легитимизированы в 2014 г. в соответствии с Федеральным законом № 172-ФЗ *«О стратегическом планировании в Российской Федерации»*, в котором установлено, что *стратегическое планирование* представляет собой деятельность на федеральном уровне, уровне субъектов РФ, а также отраслей экономики и муниципального управления, по целеполаганию, программированию социально-экономического развития и обеспечению национальной безопасности страны. Принятые решения оформляются в виде *документа стратегического планирования*, который утверждается (одобряется) соответствующим органом государственной власти в качестве политического источника права.

Е. Н. Гусева в 2019 году насчитала более сотни российских документов стратегического планирования, в том числе две федеральные Стратегии культурной политики на долгосрочную пер-

спективу и несколько документов по стратегическому развитию отдельных отраслей культуры и видов искусства¹⁹³. Например, Указ «*О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года*», подписанный Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 7 мая 2018 года, в день его инаугурации, предусматривает осуществление 12 приоритетных национальных проектов (программ) по направлениям: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, автомобильные дороги, производительность труда, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство, международная кооперация и экспорт. Согласно Указу от 21 июля 2020 года «*О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года*», культура является важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения многонационального культурного пространства и территориальной целостности России. Еще 10 октября 2019 г. В. В. Путин утвердил «*Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года*», нацеленную на имитацию когнитивных функций человека и получение результатов, сопоставимых с интеллектуальной деятельностью людей. В итоге Е. Н. Гусева делает вывод, что «роль современных библиотек достаточно четко и подробно прописана в основных федеральных стратегических документах, обладающих юридической силой. Исходя из провозглашенных в них целей и задач формируются региональные и отраслевые программы развития»¹⁹⁴.

Отраслевая стратегия российской книжной культуры

Реализуя президентские директивы, Министерство культуры России разработало *Стратегию развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года*, которую Правительство России утвердило 13 марта 2021 г. Стратегия исходит из постулата, что в период кардинальных технологических перемен, процессов глобализации и беспрецедентного роста объемов информации необходимо обеспечить выполнение конституционных прав граждан на свободный доступ к информации, приобщение к ценностям

¹⁹³ Гусева Е. Н. Стратегические документы, определяющие роль библиотек // Науч. и техн. б-ки, 2019. № 3. С. 21–30.

¹⁹⁴ Там же. С. 28.

российской и мировой культуры, практическим и фундаментальным знаниям, а также на творческую самореализацию. Для достижения данной цели требуется решить целый ряд сложных задач, в том числе: разработка нормативно-правовой базы для модернизации библиотек; создание информационных систем и платформ федерального, регионального и корпоративного уровней; подготовка и переподготовка кадров; формирование системы научной и методической поддержки деятельности библиотек всех уровней и ведомственной принадлежности.

В качестве отраслевых стратегических целей предусмотрены: реализация Национальной электронной библиотеки (НЭБ); формирование модельных общедоступных библиотек; обсуждается идея создания Национальной книжной платформы (НКП), объединяющей всех участников книжного рынка. Справедливо отмечая локальные проблемы российских библиотек, создатели отраслевой Стратегии не озаботились усугубляющейся дегуманизацией населения. Дело в том, что цифровая экономика и всероссийская трансформация библиосферы в мир электронной культуры и информационных технологий не смогут духовно-нравственно обогатить русских людей, а нравственная стабильность библиосферы является такой же неотъемлемой частью национальной безопасности, как и информационная безопасность.

Напомним, что в своих указах Президент В. В. Путин неизменно подчеркивает, что *главным условием* достижения экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны является формирование модели *нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности*. Поэтому отраслевые стратегии библиотечного и книжного дела Российской Федерации оправданно декларируют необходимость реализации прав граждан на свободный доступ к информации, приобщение к ценностям российской и мировой культуры, практическим и фундаментальным знаниям. Прекрасный гуманистический замысел! Однако следует учитывать, что декларируемый замысел можно реализовывать двояко, ибо в культурной политике конкурируют два стратегических направления развития библиотечного дела в России-1) технократическая стратегия и 2) культурно-историческая стратегия, которые образуют *стратегическую антиномию библиотечного дела*, заслуживающую особого внимания.

4.3. Стратегическая антиномия библиотечного дела

Технократическая стратегия исповедуется могильщиками книжной культуры, убежденными в том, что мультимедийная глобальная цифровая коммуникация станет достойной заменой старомодных национальных, федеральных, региональных книгохранилищ. Они эмоционально призывают библиотечную интеллигенцию перестать цепляться за привычные полиграфические стереотипы, преодолеть собственную косность и сменить кустарный педантизм на электронную мощь цифровых технологий. Технократы-новаторы убеждены, что при условии соответствующей нормативно-правовой базы и достаточного финансирования будут модернизированы все основные направления деятельности современных библиотек (оцифровка фондов, роботизация и виртуализация обслуживания, коммуникация библиотек и т. д.). В технократической стратегии планируется ежегодно выделять 1,5 млрд рублей на проектирование и комплектование фондов нескольких сотен модернизированных, образцово-показательных «модельных муниципальных библиотек» практически во всех регионах Российской Федерации. При этом утверждается, что «библиотека – это в первую очередь печатная книга».

Надо признать, что весьма впечатляющей является программа формирования Единого российского электронного пространства знаний, основой которого станут *Национальный библиографический ресурс* (НБР) – сводный генеральный каталог всех документов, хранящихся в библиотечных фондах страны, и федеральная государственная информационная система «*Национальная электронная библиотека*» (НЭБ). На базе НБР планируется создать *Национальную книжную платформу* (НКП), которая должна централизованно регистрировать издательскую продукцию, решать информационно-поисковые, рекомендательные, учетно-статистические задачи и обеспечивать взаимодействие между издателями и библиотеками в процессах комплектования. Последствия внедрения технократической стратегии цифровизации невозможно предвидеть, можно только сравнивать их с изобретением книгопечатания, а может быть, ядерного оружия.

Культурно-историческая стратегия развития российских библиотек формально не документирована, но она содержится в проекте государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, опубликованном Российским НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Институт наследия) в январе 2022 года. Данный

проект претендует на статус межотраслевого документа стратегического планирования в сфере национальной безопасности. В социальных науках традиция обычно понимается как культурная ценность, сохраняющаяся в исторически стабильных обществах или социальных группах в течение длительного времени. Отсюда следует, что традиционные ценности – это формирующие мировоззрение граждан нравственные ориентиры, передающиеся от поколения к поколению, обеспечивающие гражданское единство, цивилизационную идентичность и единство культурного пространства страны.

В культурно-исторической стратегии перечислены следующие *российские традиционные ценности*: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Никаких обоснований перечня не представлено, хотя соединение в нем разнородных антропологических, социологических, психологических, моральных и этнических качеств личности или социума нуждается в оправдании. Определение ценностей, которые следует считать объектами государственной культурной политики, – это особая мировоззренческая, научная и стратегическая проблема, где ошибки недопустимы. Поэтому *недопустимым пробелом* в официальном перечне традиционных российских духовных ценностей является *отсутствие* в нем «Книги» и «Библиотеки»! Почему? Дело в том, что гарантия сохранения жизнеспособности человечества заключается в сбережении разнообразия национальных культур, оплотом которых традиционно служила библиосфера. Поэтому жизненно важно реализовать не только технократическую стратегию, но и культурно-историческую стратегию.

Итак, имеются *две альтернативные стратегии* развития российских библиотек на период до 2030 года, которые ориентируются на противоположные цели: цифровая трансформация библиотечного дела (библиосферы в целом) или сбережение традиционной русской духовности, воплощенной в книжной культуре. Какой стратегической альтернативе отдать приоритет: цифровой культуре или книжной культуре? Для правильного выбора решающее значение имеет *«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»*, утвержденная Указом Президента В. В. Путина № 400 от 2 июля

2021 г. Данная Стратегия понимается как долговременная программа разумно организованных действий, обеспечивающая эффективное использование наличных ресурсов для достижения желаемых целей. В качестве национальных приоритетов провозглашены: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, информационная безопасность, научно-техническое развитие, защита традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Достижение этих стратегических целей невозможно без использования ресурсов библиосферы и без активного участия интеллигенции, поэтому *Библиологос следует рассматривать как стратегический ресурс государственной политики.*

4.4. Библиологос – стратегический ресурс книжной культуры

Книжный разум в смысле «Библиологос» может быть реализован двояко: во-первых, как *одушевленный* Библиологос в виде социальных групп субъектов библиосферы; во-вторых, как *овеществленный* Библиологос в виде научных, учебных, нормативно-управленческих текстов интеллигентов-книжников, посвященных книжному разуму и культуре. Одушевленными субъектами Библиологоса, являются профессионалы библиотечного, библиографического, книжного дела (практики, ученые, педагоги), государственные и коммерческие деятели, библиофилы, инженеры-полиграфисты, читательский актив. Исходя из понимания Библиологоса как синтеза социальной группы интеллигентов-книжников и научно-практических знаний, необходимых для создания национальной библиосферы, целесообразно стратегическое планирование российского Библиологоса разделить по целевой направленности на три, по крайней мере, части: а) оценка человеческого капитала современной библиосферы с учетом различных поколений интеллигентов-книжников; б) обновление исторически сложившегося массива библио-книговедческих знаний, исходя из научных и философских критериев; в) завершение жизненного цикла российского Библиологоса.

а) Человеческий капитал библиосферы. Древние римляне словом «*capitalis*» отмечали то благо, которое является «основательным, существенным, фундаментальным», например, «капитальная стена», «капитальный ремонт», «солидная сумма денег». Теория «человеческого капитала» возникла в западной экономике в связи с возрастанием роли человеческого фактора в условиях научно-технической

революции в середине XX века и связана с трудами Нобелевского лауреата по экономике *Теодора Шульца* (1902–1998), который предложил рассматривать расходы на образование, повышение квалификации, здоровье не только как потребительские расходы, но и как инвестиции в будущее человека. В современной экономической теории человеческий капитал учитывается в качестве характеристики национальной экономики, причем финансовые оценки дополняются социально-культурными показателями, характеризующими цивилизационный уровень населения. Е. В. Никонорова, опираясь на постнеклассическую методологию, показала ключевую роль библиотек в устойчивом развитии культурного и человеческого капитала современного общества¹⁹⁵. Ясно, что для реализации этой роли необходимо в полной мере использовать не только экономические инвестиции государства, но и человеческий капитал, свойственный библиосфере. Каким человеческим капиталом (лучше сказать «человеческим потенциалом») располагает российская библиосфера, мы знать не можем, так как библио-книговедческие науки никогда такого рода «человековедением» не интересовались, но есть возможность обратиться к *профессиональному менталитету* классического библиотекаря.

О профессиональном менталитете библиотекаря-библиографа одним из первых заговорил *Исаак Григорьевич Моргенштерн* (1932–2008). В своей постановочной статье он исходил из определения: «*Менталитет* – образ мыслей, специфический уровень коллективного и индивидуального сознания, сформированный в определенной социокультурной среде»¹⁹⁶. Именно менталитет он признал ядром духовного капитала человека. Что же представляет собой менталитет типичного российского библиотекаря наших дней?

В течение 2018–2019 годов Центром по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе (ЦИПРО) Российской государственной библиотеки (РГБ) осуществлялось исследование, целью которого было комплексное изучение профессиональных информационных потребностей сотрудников центральных общедоступных библиотек субъектов Российской Федерации. Масштабы исследования достаточно представительны: анкетированием были

---

¹⁹⁵ Никонорова Е. В. Устойчивое развитие культурного и человеческого капитала: роль библиотек и ее оценка // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 1. С. 19–28.

¹⁹⁶ Моргенштерн И.Г. О профессиональном менталитете библиотекаря-библиографа // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2005. № 2. С. 120–125.

охвачены 47 центральных (республиканские, краевые, областные) библиотек, руководителями и рядовыми сотрудниками которых были заполнены более 1000 анкет. Фактические данные, представленные в анкетах, позволяют судить о профессиональном менталитете респондентов. Большинство сотрудников библиотек (73,7%) основным источником профессиональной информации назвали ресурсы Интернет; более половины (57,4%) просматривают профессиональную периодику, наиболее популярны журналы «Библиотека», «Современная библиотека», «Библиотечное дело» (25–20% опрошенных). Оказалось, что около половины библиотечных работников заинтересованы в таких темах, как Культурно-досуговая и культурно-образовательная деятельность; Библиотечное обслуживание; Цифровые и информационные технологии в библиотеках; четверть опрошенных совершенствуют компетентность в области краеведения, библиографии, фондоведения. Зато управление библиотекой, социокультурное проектирование, научные исследования привлекли внимание всего около полутора процентов (1,5%) сотрудников центральных региональных библиотек (кадровой элиты российского библиотечного дела). Бросились в глаза два пробела в менталитете профессиональных библиотекарей: во-первых, отсутствуют упоминания об обращении к научным монографиям, учебным пособиям, трудам конференций, справочно-энциклопедическим изданиям по библиотековедению, книговедению, информатике; во-вторых, литература по социологии, психологии, языкознанию, культурологии и другим гуманитарно-социальным дисциплинам не попала в круг чтения респондентов.

В результате исследования вырисовался следующий *социальный портрет типичного профессионала библиотечного дела начала XXI века*. Это женщина с непрофильным (небиблиотечным) высшим образованием, в предпенсионном возрасте 46–55 лет, имеющая стаж работы в библиотечной отрасли от 25 до 39 лет. Ее профессиональный менталитет имеет консервативную практическую направленность, нацелен на накопление передового опыта и повышение качества обслуживания читателей. Она готова признать библиотечным гением робота, помнящего расстановочные шифры всех книг в библиотеке, хотя и не читавшего ни одной из них. Теоретические и технологические новации принимаются настороженно и неохотно. Требуемая усилий абстрактного мышления идея Библиологоса и гуманистической миссии библиотек как хранилищ общечеловеческой памяти заве-

домо чужда и непонятна менталитету старшего поколения, воспитанного классическим Библиологосом.

Немаловажно, что классический библиотечный менталитет *мифологизирован* в сильной степени. В советские времена героические мифы о советском библиотекаре активно культивировались писателями, журналистами, официальными лицами во главе с Н. К. Крупской. На книжном рынке почти ежегодно появлялись сборники статей и высказываний отечественных и зарубежных авторитетных авторов о книге, библиотеке, библиографии, библиотекарях, которые суть «душа дела», а количество статей и стихотворений, прославляющих «маршалов книжных», превышает тысячу. Расцвет советской библиотечной мифологии пришелся на послевоенные 50–60-е годы, когда библиотечная профессия была особенно богата молодыми и самоотверженными подвижниками, оптимистами и энтузиастами. О тональности публикаций в библиотечной прессе красноречиво говорят их заголовки: «Родной человек», «Профессия наша – педагогическая», «Труд, нужный людям», «Профессия, высоко поднятая Октябрем», «Рассказ о деревенском библиотекаре», «Любовь к читателю – прежде всего», «Щедрое сердце» и т. д. Героизация и поэтизация, необходимые составляющие профессиональной мифологии, непременно присутствовали и в последующих произведениях советской поры, посвященных увлеченным и бескорыстным служителям Книги. Ценности просвещения, гуманизма и прогресса всегда вдохновляли героев библиотечных мифов, и идеологизированная советская мифология неизменно сохраняла гуманный просвещенческий пафос. Достаточно вспомнить жизнеописание М. И. Рудомино – «Великий библиотекарь» (М., 1991. 217 с.) и В. А. Артисевич – «Библиотечная легенда» (Саратов, 1996. 256 с.).

Однако не следует забывать о стратегической антиномии, о конкуренции в нынешнем одушевленном Библиологосе технократической стратегии и культурно-исторической стратегии, ориентированных на *разные антропологические типы* – на личности, воспитанные либо в среде аудиовизуальных электронных медиа, либо в лоне классической книжной культуры. Ссылаясь на теории американских психологов, отечественные педагоги приводят следующие характеристики нынешней молодежи (поколения Z). Субъекты поколения Z, по их словам, гиперподвижны, креативны, чрезвычайно быстро взрослеют, прекрасно ориентируются в новаторских разработках и информационных технологиях. Находясь с рождения в информационно-цифро-

вой среде, они быстро обрабатывают клиповую информацию. Обратная сторона этого – неумение вдумываться, глубоко анализировать и сосредоточиваться на чем-то одном. Их мозг более адаптирован для получения больших потоков поверхностной информации, чем сущностного знания. Многим технократическим стратегам кажется, что для расцвета искусства и науки в глобальной постиндустриальной цивилизации достаточно преобразовать книжные фонды в электронные файлы и оцифровать кинематограф. Но они ошибаются. Практика показала, что homo legens – «книголюб» – это более творчески и интеллектуально продвинутая личность, чем телезритель, потребляющий сериалы телеэкрана.

Еще одно профессиональное наблюдение. Развивая духовно-просветительские традиции, российские библиотеки всех типов и видов, всех регионов и отраслей знания активно, часто творчески и всегда бескорыстно работают с читателями, приобщают разные поколения к ценностям книжного мира, бережно реставрируют и пополняют фонды, распространяют культуру чтения. Нельзя удержаться от удивления и восхищения самоотверженным энтузиазмом библиотечных работников, если познакомиться с ежегодными сводными планами основных профессиональных мероприятий, публикуемых Российской библиотечной ассоциацией. Так, в сводном плане 2022 года предусмотрено 180 социально-культурных мероприятий различных масштабов и форматов – форумы, фестивали, научно-практические конференции, чтения, семинары, дискуссии, круглые столы, школы обмена опытом и др. Тематика мероприятий чрезвычайно широка и разнообразна. Типичный пример: **Псковская областная универсальная научная библиотека им. В. Я. Курбатова** проведет в очно-дистанционном формате Форум модельных библиотек Северо-Запада России «БиблиоMODEL – 2022», на который приедут более ста специалистов из различных регионов России. Другой пример: **Центральная городская библиотека им. В. Маяковского в Чебоксарах** организует семинар-практикум «Мастерская библиотечных проектов», на котором поставлена задача овладеть методикой разработки проектов для грантовых конкурсов. Конечно, не забыты краеведческие традиции, тем более, что 2022 год был объявлен Годом культурного наследия России. Наряду с заботой об адекватности книжных памятников, российские библиотекари уделяют большое внимание преобразованию книжного наследия в цифровой формат.

Гуманистическая сущность российского библиотечного дела как института воспитания и развития личности ярко проявляется в педагогической работе с детьми и молодежью (здесь признанные лидеры – Российская государственная детская библиотека и Российская государственная библиотека молодежи), а также в формировании специальных библиотек для слепых как инклюзивных информационно-культурных центров. Практика свидетельствует, что гуманизм книжности ощущается профессионалами книжного дела на интуитивно-эмпирическом уровне. Книги, как известно, облагораживают, поэтому большинство российских библиотекарей – это *стихийные гуманисты*, самоотверженно и бескорыстно преодолевающие повседневную суету, объективные и субъективные противоречия российской библиосферы.

Нельзя умолчать и об источниках нелепой суеты, которыми зачастую являются управленческие решения чиновников-культуроведов, нацеленные на организационную оптимизацию библиосферы с целью сокращения бюджетных расходов. Сия «оптимизация» осуществляется в двух вариантах: присоединение мелких учреждений к более крупным и объединение разнопрофильных учреждений культуры. В обоих случаях страдающей стороной оказались библиотеки. Реальна опасность превращения столичных библиотечно-библиографических учреждений из центров книжности, чтения, самообразования в коммерческие бизнесцентры, торгующие арендой помещений, платными досуговыми услугами и т. д. Есть основания опасаться, что московский опыт «разбиблиотечивания» будет подхвачен бизнесэлитой в других регионах, готовящихся старомодную книжную культуру трансформировать в цифровую медиакультуру. Ясно одно: человеческий капитал российского Библиологоса заслуживает многоаспектного социально-аналитического, психологического, когнитивного изучения для преобразования его в полноценный стратегический ресурс современного Библиологоса. Личностная трансформация интеллигентов-книжников должна непременно сопровождаться обновлением их научных и практических знаний.

б) Обновление библио-книговедческих знаний – процесс *обобщающий*: с одной стороны он означает отказ от прежних взглядов и убеждений; с другой стороны он означает замену их новыми истинами. Так, теории и технологии классического Библиологоса Серебряного века или зрелого социализма должны уступить свое место новейшим техническим средствам и методикам неклассического Библиологоса. Совершенно очевидно, что для формирования ноосферного человека

следует использовать стратегические ресурсы библиосферы, и здесь приоритет принадлежит культурно-исторической стратегии развития библиосферы. Библиотеки и библиографические центры представляют собой не просто социально-культурные учреждения, а *гуманистический оплот нации*. Поэтому в стратегические планы российской библиосферы XXI века должны войти не только традиционная научно-исследовательская тематика, всесторонне рассмотренная в коллективной монографии «Научные исследования в библиотеках»¹⁹⁷, но и актуальные проблемы сегодняшнего дня: виртуальный режим и удаленный доступ, пандемия и глобализация, взаимодействие с коллегами, властью, читателями, цифровая экосистема знаний и медийно-информационная грамотность, непрерывное образование на протяжении всей жизни, авторское право и приватизация знаний, борьба с фейками, защита от дезинформации и фальсификаций, участие в политической жизни страны, адвокация библиотек и др. Цифровизация, вытесняя живую коммуникацию, увлекает человека в виртуальную реальность, где утрачивается та мудрость, которая содержится в геноме живого человека. В результате ментальность и культурные ориентации нынешней молодежи, сменяющей старшее поколение, страдают релятивизмом, в том числе и моральным, условностью любых ценностей, включая подчас даже и ценность самой жизни. Некоторые философы обеспокоены антропологической революцией, масштаб и последствия которой сопоставимы с самим выходом человека из природного царства¹⁹⁸.

Обратимся к конкретным фактам обновления книжно-библиотечного знания, входящего в стратегический ресурс российского Библиологоса Серебряного века. В начале XIX века французским библиотекарем *Этьеном Пеньо* (1767–1849) был издан «Толковый словарь по библиологии». *Библиология*, по мысли автора, «раскрывает летопись мира письменности, чтобы проследить шаг за шагом успехи человеческого разума». В России убеждение Пеньо, что библиология есть энциклопедия письменности, было воспринято В. С. Сопиковым и В. Г. Анастасевичем, термин «библиология» русифицировался, о чем свидетельствует образование Русского библио-

---

¹⁹⁷ Научные исследования в библиотеках: тематика, организация, представление результатов: монография / отв. ред. А. Ю. Самарин. М.: Пашков дом, 2021. 324 с

¹⁹⁸ Пелипенко А. А. Интернет как феномен эволюции культуры. От логоцентризма – к неосинкретизму // Библиотечное дело. 2017. № 10. С. 18.

логического общества (1899–1930). Президент Русского библиологического общества *Александр Михайлович Ловягин* (1870–1925) предложил свою концепцию *библиологии* как научной дисциплины, объединяющей в целостную систему все знания о книге. В качестве предмета библиологии А. М. Ловягин избрал «книжное общение» в его генетике (происхождение и эволюция), статике (способы книжного общения) и динамике (бытование книги в обществе). Говоря современным языком, теоретик библиологии отождествил ее с междисциплинарным синтезом, объединившим все социально-коммуникационные дисциплины библио-документологического цикла. Источником российской библиологической мысли стал основанный в 1920 году в революционном Петрограде *Институт книговедения*¹⁹⁹. Научная и образовательная деятельность Института охватывала теоретические и методические проблемы библиографии, историю рукописной и первопечатной книги, полиграфию и книжную торговлю, книгоиздательство в СССР и за рубежом, методы библиотечной работы, десятичную классификацию, историю библиотек и др. Короче говоря, в поле зрения сотрудников Института находились все классические проблемы библиографоведения, библиотековедения, книговедения. Неслучайно Н. М. Лисовский и М. Н. Куфаев отождествляли библиологию с философией книги, а А. Г. Фомин предлагал заменить термин «книговедение» термином «библиология». Однако после ликвидации Института в 1933 году библиология была признана архаичной, и советские библиотекарки и библиографы понятие «библиология» отнесли к разряду устаревших.

Тем не менее, выношенная в недрах библиологии идея междисциплинарного синтеза библиотечного, библиографического и книговедческого знания не утратила привлекательности. В 2007 году энциклопедист-книжник *Юрий Николаевич Столяров* подготовил уникальное, единственное в своем роде учебное пособие «*Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность: Полный курс лекций для аспирантов и соискателей*»²⁰⁰. Он

---

¹⁹⁹ Колесникова М. Н. Опережавшие время: к 100-летию Института книговедения (Петроград-Ленинград, 1920–1933 гг.): монография / науч. ред. Г. В. Михеева. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 292 с.

²⁰⁰ Столяров Ю. Н. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение как единая научная специальность: Полный курс лекций для аспирантов и соискателей. Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, ООО ПФ «Оперативная полиграфия», 2007. 266 с.

напомнил, что необходимость в самостоятельной науке, которая охватывала бы все три библиотечно-библиографо-книговедческие дисциплины, ощущается давно, по крайней мере, с XVIII века, и подтвердил этот вывод тщательным науковедческим анализом эволюции взглядов зарубежных и отечественных книжников. Приятно отметить, что межнаучный синтез Ю. Н. Столярова остается до наших дней беспрецедентным, как по широте историко-культурного кругозора, так и по методологической строгости построения исследования. Достаточно сказать, что в учебном пособии, адресованном аспирантам и соискателям, названы 380 имен деятелей, оставивших свой след во всемирной истории книги (от К. И. Абрамова и Х. Д. Алчевской до В. Н. Татищева и Ярослава Мудрого). Новаторская ценность труда Ю. Н. Столярова проявилась в том, что в нем обстоятельно рассматриваются две методологические проблемы, которые ранее не привлекали внимание ученых. Первая проблема: какие объективные предпосылки обуславливают возможность синтеза (интеграции) библиотековедения, библиографоведения, книговедения в качестве родственных дисциплин? Вторая проблема: где в системе современных наук предусмотрено место для библиотековедения, библиографоведения, книговедения, а также их интеграционного синтеза?

Исследуя первую проблему, Ю. Н. Столяров пришел к заключению, что интеграционный синтез трех родственных дисциплин логически и исторически обусловлен общностью основных предметов их изучения, а именно: «документ (книга)», «читатель (пользователь)», «связь документ – пользователь». Но тут появились затруднения. Дело в том, что, каждая дисциплина ставит при работе собственные цели, использует свои методы и поэтому познает документы и читателей не в целом, а частично (аспектно). Например, библиотековеды изучают лишь те типы документов, которые комплектуют библиотеки, а библиографоведы и книговеды структурируют мир книг по иным критериям. Возникает, естественно, вопрос: существует ли дисциплина, изучающая «документы», «читателя», «профессионала-книжника» не фрагментарно, а целостно, во всех связях и аспектах? Допустим, с документами, кажется, все ясно: известна *документология* (общая теория документа), в которой освещаются эволюция документа как информационного объекта, структура, свойства и функции документов, рассматриваются законы функционирования документов в обществе, семиотическая структура и типология доку-

ментов²⁰¹. Но «чтениелогии» или «общего читателеведения» у нас нет. Отсутствует библиопрофессиология, обосновывающая профессиональную этику интеллигента-книжника.

Научное познание – рациональный процесс, складывающийся из последовательных ступеней восхождения обобщающей логической мысли: первая ступень – эмпирическое (опытное) познание на базе рационального *рассудка*, свойственное прикладным наукам; вторая ступень – теоретическое познание под эгидой *разума*, присущее теоретическим наукам и метатеориям (теориям теорий); третья ступень – уровень *мудрости*, доступный философскому мышлению²⁰². Динамика научного познания, развиваемая Ю. Н. Столяровым, включает перечисленные ступени, хотя и в ином терминологическом оформлении. В качестве эмпирических прикладных дисциплин библиотековедение, библиографоведение, книговедение, занимают первоначальную ступень научной иерархии (см.: Документология: учебная пособие. С. 177), на второй же ступени располагается «Наука о документальных коммуникациях», которой, согласно классификации автора, является Документология. Получается парадокс: общая теория документа выступает в качестве обобщающей теории по отношению к прикладным наукам, которые изучают не только документы. Нетрудно понять, что, если со временем будут разработаны теория чтения и библиопрофессиология, то их включение в систему наук сильно затруднится. Пока же «Наука о социальных коммуникациях», именуемая «Коммуникативистика», в качестве обобщающей теории третьей степени возглавляет иерархию книжно-документальных наук на уровне социально-коммуникационной мудрости. Однако мы не можем ставить финальную точку в развитии научных ресурсов Библиологоса, напротив, в XXI веке приобретает актуальность их научно-философское обновление.

В 2017 году теоретик и практик библиотечного фондоведения и библиотечной аксиологии *Галина Михайловна Вихрева* опубликовала статью, посвященную векторам формирования новой библиотечной философии²⁰³. Потребность в новой библиотечной философии Галина

---

²⁰¹ Столяров Ю. Н. Документология: учебная пособие. Орел: Горизонт, 2013. 370 с.

²⁰² Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность. М.: Наука, 1988. 287 с.

²⁰³ Вихрева Г. М. Новая библиотечная философия: векторы формирования // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 40. С. 198–204.

Михайловна обосновывает тем, что новые социокультурные и экономические реалии формируют новые цели и ценностно-смысловые ориентации, новый научный и дисциплинарный статус библиотековедения. Исходя из того, что новая библиотечная философия создается на пересечении всех форм общественного сознания – науки, политики, права, экономики, морали, искусства, библиотековед-философ предлагает дефиницию: «Современная библиотечная философия – междисциплинарное учение о наиболее общих теоретико-мировоззренческих и методологических проблемах библиотеки, рассматривающее библиотеку в ряду социальных и культурных ценностей человечества. Ее задача – осмысление роли библиотек в экономическом, культурном и технологическом прогрессе общества, в социализации и творческом развитии личности, гармонизации социальных отношений, выявление закономерностей преобразования библиотеки в электронную эпоху»²⁰⁴.

Какие качественные изменения, профессионально-мировоззренческие новации можно ожидать в «новом библиотековедении», вооруженном библиотечной философией? Наверно, речь должна идти не о суммировании содержания эмпирических дисциплин, а об обновлении основания книжно-библиотечно-библиографического знания. Для решения подобной научно-философской задачи требуются библиотековеды в виде эрудитов-энциклопедистов, олицетворяющих человеческий капитал национального Библиологоса. Парадокс библиотечной профессии состоит в том, что библиотекарь-просветитель не склонен считать себя *филологом*. Греческое слово «филолог» буквально означает «любитель логоса» и, казалось бы, профессия обязывает всякого библиотечного работника быть усердным и искусным читателем, читателем-книголюбом, поклонником Книжного Логоса. Безусловно, встречаются в библиотечных коллективах книговеды и библиографы, которые используют текстологические методы атрибуции, анализа и обработки книжных памятников. Однако наиболее популярным в библиосфере остается утилитарный информационно-технологический стиль мышления, концентрирующийся на технических и системных средствах достижения практических результатов. В неклассической библиосфере редко практикуется *научно-философский* стиль, где книжность и человечность рассматриваются в контексте эволюции культуры и формирования человека, соответствующего гуманистическим, а не технократическим традициям. Напрашива-

²⁰⁴ Вихрева Г. М. Новая библиотечная философия... С. 203.

ется вывод, что обновление стратегических научных ресурсов классического Библиологоса должно представлять собой не отрицание, а преемственное развитие жизнеспособного синтеза библиотековедения, библиографоведения, книговедения. На мой взгляд, научно-философское обновление неклассического Библиологоса XXI века должно аккумулировать, по крайней мере, *три научных тенденции*: 1) традиция Поля Отле, воплощенная в документологии; 2) традиция Маршалла Маклюэна, воплощенная в медиалогии; 3) новейшие библиотечно-информационные тенденции, так или иначе связанные с концепцией ноосферогенеза. Охарактеризуем современное состояние названных тенденций.

Документологическая традиция. «Гениальный мечтатель» *Поль Отле* (1868–1944), создатель Универсального библиографического репертуара, охватывающего все виды печатной продукции, выступил в качестве основоположника документации как международного культурно-коммуникационного движения. Идея документации возникла в связи с тем, что Универсальный репертуар не ограничивался книгами, а распространялся на газеты, журналы, фирменные отчеты и прочие «микроиздания», имеющие практическую ценность в индустриальном обществе. Таким образом, документация преодолела ограничение библиографии книжной продукцией и выступила в качестве универсальной библиографической службы, комплектующей как «макродокументы», так и «микродокументы». Поскольку европейские и американские фирмы нуждались в подобном информационном сервисе, Библиографический институт в Брюсселе быстро превратился в Институт документации, а в 1938 году в Международную федерацию по документации (ликвидировалась в 2002 году). Призывы Б. С. Боднарского (1874–1968) в первые годы советской власти «организовать документацию» не были услышаны, и только в 60-е годы в процессе построения Государственной системы научно-технической информации Поль Отле был признан «пионером информатики и документалистики». В настоящее время развитие научно-документационного наследия Отле в условиях постиндустриальной цивилизации осуществляет научная школа документологии, возглавляемая профессором *Ю. Н. Столяровым*.

В начале 2021 года на страницах журнала «Научные и технические библиотеки» были опубликованы две профессионально-мировоззренческие статьи Юрия Николаевича, посвященные причинам

появления и этапам развития документологии²⁰⁵ и обоснованию основополагающих понятий всеобщей теории документа²⁰⁶. Актуальность осмысления документологии как всеобщей теории документа продиктована потребностями разумной организации документных коммуникаций и библиотечно-информационного образования. Известны более дюжины академически признанных «наук о документе», в том числе архивоведение, библиографоведение, библиотековедение, документалистика, документоведение, документология, журналистика, источниковедение, книговедение, криминалистика, музееведение и другие (перечень далеко не завершен). Кроме того, существует десяток так называемых вспомогательных (специальных) исторических дисциплин – бонистика, геральдика, дипломатика, инкунабуловедение, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика и др., изучающих отдельные виды документов.

Фундаментальной проблемой документологии как «всеобщей теории документа», естественно, является уточнение понятия «документ», в свое время провозглашенное Полем Отле без каких-либо научных обоснований. Классически отточенная теоретическая дефиниция предложена Ю. Н. Столяровым в 2013 году в учебнике по документологии: «*документ* – это информация на материальном носителе, зафиксированная искусственным способом в знаковой форме»²⁰⁷. Наши исследования, обобщенные в монографии²⁰⁸, показывают, что информация суть общенаучная категория (идеальный теоретический объект), означающий *амбивалентный* (идеально-материальный) феномен, выражающий смыслы в коммуникабельной знаковой форме. Амбивалентность (двойственность) природы информации обуславливает единство идеального содержания и материального носителя всех информационных явлений, включая мышление, живую речь, знаки и символы, коммуникацию, компьютерные сети и т. д. Очевидно, что документы всех типов и видов – также явления *амбивалентные*, причем информация первична, а документ вторичен, ибо информация может существовать независимо от документов, а доку-

²⁰⁵ Столяров Ю. Н. Документология: причины появления, этапы развития // Науч. и техн. б-ки. 2021. № 1. С. 15–26.

²⁰⁶ Столяров Ю. Н. Исходные постулаты документологии – всеобщей теории документа // Науч. и техн. б-ки. 2001. № 2. С. 15–40.

²⁰⁷ Столяров Ю. Н. Документология: учеб. пособие. Орел: Горизонт, 2013. С. 125.

²⁰⁸ Соколов А. В. Науки об информации для библиотекарей: монография. М.: Юрайт, 2020. 190 с.

менты всегда информативны. Нетрудно определить, что документировать возможно не все типы информации, а только семантическую (знаковую) информацию и машинную (машиночитаемую) информацию, поскольку они могут быть зафиксированы на материальном носителе для передачи в социальном пространстве и времени.

Исповедуя высокую гуманистическую миссию отечественной документологии, интеллигент-книжник Ю. Н. Столяров гордо провозглашает: «**документ** как социальный феномен представляет собой вершину человеческой мысли как в ноосферном, так и в материальном отношении, и именно документ представляет собой движущую силу цивилизационного прогресса»²⁰⁹. Напомню, что еще в 1930 году крупный писатель-гуманист Герман Гессе (1877–1962) написал эссе «Магия книги», где сказано: «Без слова, без письменности и без книг нет истории, нет понятия человечества. У всех народов слово и письмо есть нечто священное и магическое, и письмо повсюду превозносилось как дар божественного происхождения»²¹⁰. Учитывая рациональные и иррациональные качества семантического документа, можно предложить философское определение: **документ** – *удостоверение человечности, существующей в социальном пространстве и историческом времени*. Достоинство данного определения в том, что оно предполагает не только антропологические или национальные вариации homo sapiens, но и философское понимание человечности как единства противоположностей материального и идеального начал мироздания. Призывая, вслед за Ю. Н. Столяровым, к дальнейшей разработке теоретического уровня познания документа, нельзя забывать о библиософии (философии книжности), которая ожидает внимания со стороны будущих философов библиосферы и магии книги.

Медиалогическая традиция. Пророческое дарование канадского философа, литературоведа, теоретика коммуникации **Маршалла Маклюэна** (1911–1980), принесло ему репутацию «медиума медиа». Термин «*медиум*» в обыденной речи соответствует прилагательным «средний», «промежуточный»; а в лексиконе спиритизма понимается как «посредник коммуникации со сверхъестественными силами». Слово «*media*» выражает множественное число от латин-

²⁰⁹ Столяров Ю. Н. Исходные постулаты документологии – всеобщей теории документа // Науч. и техн. б-ки. 2001. № 2. С. 36.

²¹⁰ Гессе Г. Магия книги: сб. эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. М.: Книга, 1990. С. 133.

ского «медиум». Лучшим сочинением Маклюэна считается «Галактика Гутенберга»²¹¹, где космическая эволюция человечества делится в зависимости от коммуникационных медиа на три эры. Первая эра – «золотой век» дописьменного варварства, когда жизнь первобытного общества была детерминирована устными средствами естественной аудиовизуальной коммуникации. Вторая эра – эра Галактики Гутенберга, господство письменности и печати, исказившее природу человека и ставшее причиной кризисов, постигших современную цивилизацию; С появлением печатного станка в обществе распространились схоластика, индивидуализм и национализм, которые породили «типографского и индустриального» эгоиста. Надежду возродить первобытную гармонию Маклюэн связывает с эрой электричества (Галактика Маркони), когда на смену книжной коммуникации придут телевидение и другие электрические медиа. Несмотря на то, что некоторым критикам кажется, что в книгах «пророка из Торонто» «больше поэзии, чем философии», читателей «Галактики Гутенберга» до наших дней привлекают не только парадоксальность выводов, но и афоризмы («маклюэнизмы») вроде «В бесписьменном обществе не делают грамматических ошибок», «Книгопечатание превращает язык из средства восприятия и познания в товар», «Книгопечатание сделало нацию однородной, а государство централизованным, но оно же создало индивидуализм и оппозицию правительству» и т. п.

Славу теоретика медиа и основоположника медиалогии как научной дисциплины принес Маклюэну бестселлер «Понимание Медиа: Внешние расширения человека»²¹², где он пытался дать ответ на фундаментальный вопрос «Что есть медиа?». Исходя из афоризма «The Medium is the Message» («Средство коммуникации есть сообщение»), классик медиалогии утверждал, что все, что окружает нас, может служить медиумом, если только нам с их помощью хотят что-то сообщить. На этом основании Маклюэн относил к числу медиа не только книги и печатную продукцию (Галактику Гутенберга), но и телефон, кино, радио, телевидение (Галактику Маркони), а также речь, числа, деньги, одежду, жилище, дороги, транспорт (от велосипеда до самолета) и прочие «технические расширения человека». В 1990-годы, когда наступила эпоха Интернет, метафора Маклюэна о мире как

²¹¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр; Издат. дом Дмитрия Бураго, 2003. 432 с.

²¹² Маклюэн М. Понимание Медиа. Внешние расширения человека. М.: Куцково поле, 2011. 464 с

«глобальной деревне», стала созвучна времени. Сочинения красно-речивого медиума широко используются при познании практических процессов *медиакоммуникации*, происходящих в отраслевых социальных институтах индустриально-информационного общества, и при анализе *медиакультуры* в целом. Наиболее «медиаемкими» оказались три типа социально-культурных институтов, образующих ядро Мира объективного знания, провозглашенного Карлом Поппером, а именно: 1) институты журналистики и массовых коммуникаций; 2) институты народного образования (начальная, средняя, высшая школа); 3) институты библиотечного дела и библиографии, субъектом которых является Библиологос. В зрелом информационном обществе медиакоммуникация в отраслевых социальных институтах достигает индустриальных масштабов, а медиакультура трансформируется в особый тип культуры, являющийся посредником между обществом и государством, социумом и властью²¹³.

Журналисты котируются в качестве профессионалов *медиакоммуникации*, но понятие «медиакоммуникация» четко не определяется. Декан факультета журналистики МГУ Елена Леонидовна Вартанова самокритично признает, что ни зарубежные исследователи, ни отечественные ученые не могут «понять природу, законы развития, основные характеристики медиа как сложного феномена»²¹⁴. Действительно, в недавно изданном словаре «Отечественная теория медиа: основные понятия»²¹⁵ вместо вразумительного ответа на вопрос «что есть медиакоммуникация?» можно прочесть: «Теоретическое определение медиа еще не стало операциональным, поскольку оно отсылает к медиа как к многоаспектному феномену, имеющему сложную и противоречивую природу»²¹⁶. Правдивые философы, со своей стороны, откровенно заявляют: «Чем является медиа, сказать невозможно»²¹⁷.

Стремясь к более полному познанию сути медиакоммуникации, обратимся к *институтам образования и педагогики*. Эти институты

²¹³ Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2005. 448 с.

²¹⁴ Вартанова Е. Л. Теория медиа как перекресток научных подходов и методов // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 1. С. 167.

²¹⁵ Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Изд-во МГУ, 2019. 246 с.

²¹⁶ Там же. С. 111.

²¹⁷ Мерш Д. Мета / Дна. Два различных подхода к медиальному // Медиафилософия VIII / под ред. В. В. Савчука. СПб.: Изд-во СПбФФО, 2012. С. 23.

сосредоточились не столько на уяснении общенаучного концепта «медиа», сколько на разработке отраслевых понятий «медиаобразование», «медиапедагогика», «медиаграмотность», «медиакомпетентность» и практическое овладение учениками различными каналами электронной аудиовизуальной коммуникации. Весьма показательно, что высшая школа в постсоветской России активно начала подготовку высококвалифицированных кадров для отрасли *медиаиндустрии*. Первопроходцем можно считать Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (легендарная «Вышка»), где в 2015 году был организован *факультет коммуникаций, медиа и дизайна*. Приоритетными направлениями исследований на факультете являются: медиаменеджмент культурных и креативных индустрий, культура медиапотребления, политическая экономия медиа, социальные медиа, глобализация медиа, эстетические формы экранных и цифровых искусств и др. («25 лет НИУ ВШЭ: Цифры и факты». М.: НИУ ВШЭ, 2016. С. 73). О содержании медиаобразования в «Вышке» можно судить по изданному ВШЭ учебнику «Теория и история медиа»,²¹⁸ адресованного студентам, специализирующимся в областях медиакоммуникации, журналистики, связей с общественностью.

В 2016 году Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова (МГУП) был реорганизован в *Высшую школу печати и медиаиндустрии* в составе Московского политехнического университета (ВШПИМ МПУ). В Петербурге филиал Московского университета печати в 2016 году преобразовался в *Высшую школу печати и медиатехнологий* в составе Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (ВШПИМ СПбГУПТД). Высшие школы печати в Москве и Санкт-Петербурге, готовят кадры для печатных, теле- или радиоСМИ, экономистов медиабизнеса и издателей всех типов полиграфической и электронной литературы, мастеров книжной графики, специалистов рекламы и связей с общественностью, продвигающих медиапродукты на рынке и в соцсетях. Но они не удовлетворяют кадровые потребности библиосферы в целом, потому что за их пределами остаются социальные институты библиотечного дела и библиографии, а также библиосфера в целом как *суперсистема* (система систем).

Библиографоведы не спешили приобщиться к медиакоммуникации. Только в 2016 году *Маргарита Георгиевна Вохрышева* опубли-

---

²¹⁸ Киркия И. В. Новикова А. А. Теория и история медиа. М.: Изд-во ВШЭ, 2017. 423 с.

ковала проблемную статью, в которой осмысливает концепт «медиа» в качестве фундаментального понятия библиографической науки²¹⁹. Исходя из философско-культурологического методологического подхода, она предлагает собственное понимание медиа в виде *культурной универсалии*, выступающей в целостном культурно-информационном пространстве как средство передачи информации, источник информации и ее содержание (контент). Автор подчеркивает, что медиа не ограничивается прессой, кино, радио и телевидением, а охватывает совокупность баз и банков данных, информационно-телекоммуникационных систем и сетей. Данное обстоятельство обязывает библиографию включить медиа в свою систему, что означает рождение новой библиографической реальности, которую М. Г. Вохрышева именует «*медиабиблиография*» и определяет как культурную практику в системе медиакommunikаций, связанную с производством, переработкой, хранением и распространением библиографического медиапродукта²²⁰. Маргарита Георгиевна справедливо акцентирует, что рассуждения о медиабиблиографии не должны сводиться лишь к технологии, освоению определенных средств коммуникации; в центр внимания должна быть поставлена «информационная личность» – человек познающий, информационно грамотный²²¹. Для решения задачи полноценного включения библиографии в систему медиакommunikаций, – делает вывод автор, – нужны специалисты-библиографы нового типа, владеющие творческим подходом к процессам медиапроизводства и медиапотребления, которые пока не предусмотрены образовательной программой подготовки библиотечно-информационных специалистов.

В современном книговедении общеприняты истины: «всякая книга есть медиа»; «электронная книга – медиа цифровой культуры»; «библиографический документ – медиа»; «любая библиотека – это медиа». Отсюда следует постулат: «библиосфера – сфера существования книги одновременно является сектором *медиа*сферы». Доходчиво и компетентно динамика книги в условиях четырех медийных революций представлена в обстоятельной статье *И. В. Лизуновой* и *С. В. Павленко*. Эрудированные авторы, признавая, что говорить о

---

²¹⁹ Вохрышева М. Г. Библиография в системе медиакommunikации // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2016. № 1. С. 17–24.

²²⁰ Там же. С. 20.

²²¹ Там же. С. 21.

наличии единой теоретической базы науки о медиа пока не приходится, уверены, что «книга находится в эпицентре медийной революции, последствия которой будут масштабными как для нее самой, так и для всего социума, для каждого потребителя», и ставят фундаментальный вопрос: с какими вызовами книга сталкивается сегодня в условиях цифровой медиареволюции?²²² Чтобы ответить на этот вопрос, нужны междисциплинарные культурологические исследования, объектом которых должна стать не только книжная культура, но и медиакультура в целом.

Медиакультура образовалась как совокупность книжных, аудиальных, визуальных, аудиовизуальных, экранных, цифровых и прочих информационно-коммуникативных медиа, созданных человечеством в ходе культурно-исторической эволюции. Культурологи определяют ее как «особый тип культуры информационной эпохи, являющейся посредником между обществом и государством, личностью и социумом, разными странами и континентами»²²³. Главной стратегической целью медиакультуры является формирование гуманистического общества, соответствующего требованиям информационной постиндустриальной ноосферы. Главная стратегическая задача медиакультуры заключается в обеспечении преемственности молодого поколения и национального книжного наследия, хранящегося в библиосфере. Для успешного достижения стратегических целей и решения стратегических задач нужна научно-философская методология.

Признанный лидер отечественной медиакультурологии *Наталья Борисовна Кириллова* пришла к выводу: «Сегодня очевидно, что на рубеже XX–XXI веков рождается новая наука – **медиалогия**, начинающая обосновываться в теоретическом пространстве. Медиалогия понимается как синтетическая (трансдисциплинарная) гуманитарная наука, опирающаяся на основы культурологии и семиотики, философии и политологии, педагогики и менеджмента²²⁴. Трансдисциплинарное содержание медиалогии позволяет определить ее как синтез гуманитарных наук, предметом которого является **медиакультура** во всех ее аспектах, включая историческую память и

---

²²² Лизунова И.В., Павленко С. В. Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. 2020. № 1. С. 12–23.

²²³ Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика: учебное пособие. М.: Академический проект; Культура, 2008. С. 459.

²²⁴ Кириллова Н. Б. Медиалогия как синтез наук. М.: Академический проект, 2013. С. 6.

преемственность поколений, семиотические (языковые и знаковые) средства, культурную политику, медиапедагогику, этику и медиафилософию. Приоритетом пользуется медиакультура информационного общества, в которой центральное место занимает цифровая культура.

Медиалогия в качестве синтетической гуманитарной науки, несомненно, должна взаимодействовать с дисциплинами библиотечно-книговедческого цикла и занять определенное место в содержании Библиологоса. Реальные возможности для подобного межнаучного взаимодействия возникли в связи с учреждением в 2020 году *кафедры медиалогии и литературы* на библиотечно-информационном факультете Санкт-Петербургского государственного института культуры. Нельзя не признать, что образование кафедры медиалогического профиля в библиотечно-информационной школе – событие *неординарное и знаковое*. Если библиосферу понимать в качестве *посредника* (медиа) между миром книг и человеческим обществом, то библиотековедение, библиографоведение, книговедение (эмпирические библио-книговедческие дисциплины) правомерно считать дисциплинами медиалогического цикла, поскольку они изучают медиапроцессы в библиосфере. Сегодня преждевременно говорить о формировании в XXI веке *библиомедиалогии*, обобщающей медиапроцессы в отдельных секторах библиосферы, но уместно обратить внимание на «медиаальный поворот», происходящий в отечественной философии.

Более 15 лет при кафедре философии Санкт-Петербургского государственного университета существует Центр *медиафилософии*, который возглавляет доктор философских наук *Валерий Владимирович Савчук*²²⁵. Центр выпустил антологию по проблеме медиа, 12 сборников статей, несколько монографий и около 20 философских статей. Тематическое поле исследований Центра медиафилософии охватывает философские проблемы медиалогии и медиакультуры, в том числе: методологические проблемы изучения медиареальности, топология медийных пространств и эпистемология новых медиа, медиа постинформационного общества и медиаэкология социального пространства, медиа как условие глобализации, эстетика медиареальности и др. В этом перечне отсутствуют медиапроблемы библиосферы, что является досадным пробелом.

---

²²⁵ Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 350 с.

Библиологос как ресурс ноосферогенеза. Для того, чтобы завершить вопрос о научно-философском обновлении неклассического Библиологоса, обратимся к новейшим библиотечно-информационным тенденциям, так или иначе связанным с *информационной культурологией* и процессами *ноосферогенеза*. Авторами идеи ноосферной культуры являются *Константин Константинович Колин* и *Аркадий Дмитриевич Урсул* – авторитетные философы-информатики, которые много лет занимаются перспективами ноосферогенеза – трансформации исторически сложившейся социосферы в ноосферу – гипотетическую сферу Разума²²⁶. Поскольку преобразование индустриального социума в ноосферную цивилизацию не может произойти стихийно, явочным порядком, то в ноосфере приоритетное место должен занимать коллективный общечеловеческий интеллект, управляющий коэволюцией природы и культуры. Поэтому требуется опережающее развитие информационно-интеллектуальных процессов и духовной культуры, прежде всего, науки, управления и образования. Критическое значение имеет формирование модели *ноосферного человека*, руководствующегося нравственно-гуманистическими ценностями, живущего в гармонии с окружающей социальной и природной средой в условиях обеспечения всеобщей безопасности. Авторы подчеркивают, что для воспитания ноосферного человека в условиях ноокультуры должны использоваться ресурсы книжной культуры, в документальных фондах которой сосредоточено культурное (гутенбергово) наследие человечества. Однако место и роль Библиологоса и библиосферы в формировании и функционировании ноосферной культуры ими не рассматривается. Обратимся к *межнаучным решениям*, коррелирующим с методологией ноосферогенеза.

Трансдисциплинарность представляет собой такую организацию комплексного научного исследования сложного системного объекта, когда осуществляется интеграционное взаимодействие нескольких научных дисциплин, синтез исследовательских практик, теоретических понятий и концепций. Трансдисциплинарная методология позволяет пройти через границы дисциплин, подняться на метанаучный уровень философского осмысления проблемы, используя при этом отраслевые достижения конкретных наук. Трансдисциплинарный подход желателен в сфере образования, поскольку он способствует формированию

---

²²⁶ Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М.: Стратегические приоритеты, 2015. С. 95.

мышления, свободного от чрезмерной специализации и дисциплинарной ограниченности. В современной методологии науки трансдисциплинарность считается одним из проявлений *постнеклассического этапа* развития науки.

Фактически в русле постнеклассической науки находится монография *Маргариты Георгиевны Вохрышевой*²²⁷, посвященная проблеме трансдисциплинарности в современном научном познании. В данной книге намечается перспектива трансдисциплинарного подхода к исследованию проблем библиотековедения, библиографоведения, книговедения; рассматриваются его эвристический потенциал и возможные области использования. Благодаря объединению в комплекс «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» трех документально-коммуникационных научных дисциплин создается абстрактное трансдисциплинарное пространство, пригодное для применения в социально-коммуникационной системе Нового Просвещения. Вполне справедливо в качестве основания для объединения библиотековедения, библиографоведения и книговедения в научный комплекс М. Г. Вохрышева называет *документ*, который является общим объектом изучения упомянутых дисциплин.

Документально-коммуникационный комплекс, включающий библиотековедение, библиографоведение и книговедение, представляет собой сложный системный объект, познание которого требует привлечения знаний из разных дисциплинарных областей. М. Г. Вохрышева исходит из презумпции, что человек XXI века живет не только в информационном, но и в медиатизированном пространстве, которое составляет его новую среду обитания, реальность современной культуры. Поэтому предметами трансдисциплинарного исследования в рамках изучаемого комплекса должны быть потребности в информации, различные виды документов, книжная культура, медиаинформационная культура, библиотечная и библиографическая деятельность. Следовательно, имеются серьезные предпосылки для развития *гуманистической трансдисциплинарности*. Рассмотрим их.

Кафедра документоведения и библиографоведения Самарского государственного института культуры руководствуется в своей научно-педагогической деятельности принципом: Для библиографии

---

²²⁷ Вохрышева М. Г. Трансдисциплинарность в библиотековедении, библиографоведении и книговедении: монография. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2018. 151 с.

потерять гуманитарную составляющую означает потерять себя, ибо библиография – социально-гуманитарный институт, реализующий социально-гуманитарные процессы, связанные не только с процессами создания, распространения и использования информации, но и с ее критическим осмыслением и адекватной интерпретацией²²⁸. По сути дела с этим принципом была солидарна известная библиографовед *Татьяна Федоровна Берестова* (1946–2022), которая, опираясь на «тренд перехода от неклассических к постнеклассическим рациональностям», занималась разработкой информационного ресурсоведения в качестве одного из направлений социальной информатики²²⁹. Т. Ф. Берестова была убеждена, что «теория информации будет развиваться успешно только в том случае, если: а) будет носить интегративный междисциплинарный характер, стирающий грани между гуманитарным и иным знанием; б) будет и далее обогащаться методологией философского, общенаучного и межотраслевого знания. В связи с этим можно предвидеть возникновение научных дисциплин и направлений, имеющих характеристики обобщающих теорий»²³⁰.

Гуманистическая идеология пронизывает всю библиотечную деятельность, начиная с комплектования фондов и продолжаясь далее в работе с читателями. Книжные фонды – главнейшая культурная ценность не только библиотеки, но и общества в целом, поэтому *библиотечное фондоведение*, основоположниками которого являются Ю. В. Григорьев и Ю. Н. Столяров, являются важнейшим разделом отечественной библиотечной науки. Согласно библиотечному фондоведению²³¹, профессионально-гуманистическая ответственность за постановку всей деятельности соответствующей библиотеки лежит на фондистах, ибо эта деятельность строится на фонде, и если в нем отсутствуют нужные документы, библиотека лишается возможности выполнить свою гуманистическую миссию. Данная миссия, по словам Ю. Н. Столярова, состоит в том, чтобы предоставить населению доступ к высшим гуманистическим ценностям и способствовать возрождению духовности общества, развитию самобытных националь-

²²⁸ Библиография в современном медиакоммуникационном пространстве: сборник научных статей / СГИК, кафедра документоведения и библиографоведения; под общ. ред. М. Г. Вохрышевой. Самара: Изд-во СГИК, 2016. 160 с.

²²⁹ Берестова Т. Ф. Теоретическое информационное ресурсоведение / Челябинский гос. институт культуры. Челябинск: ЧГИК, 2019. 336 с.

²³⁰ Там же. С. 308.

²³¹ Столяров Ю. Н. Библиотечное фондоведение. Избранное. М.: Пашков дом, 2020. 575 с.

ных культур, краеведению, социализации личности, раскрытию ее творческого потенциала.

Однако следует откровенно признать, что главное затруднение в реализации гуманистической трансдисциплинарности состоит в том, что мы не знаем *законов чтения*, ибо в системе научных дисциплин нет обобщающих метатеорий «*читателеведение*» или «*чтениеведение*». В то же время трудолюбивые исследователи увлеченно осваивают такие экзотические области, как: Акмеология чтения, Библиопсихология, Библиотерапия, Гигиена чтения, Дефектология чтения, Педагогика чтения, Психология чтения, Социология чтения, Физиология чтения, Философия чтения. Углубляются в проблематику чтения академически признанные науки: Герменевтика, Культурология, Литературоведение, Психолингвистика, Филология а также Документалистика, Информатика, Книговедение и всевозможные «библио – ведения». Цифровые технологии породили нетрадиционные читательские практики (чтение с экрана), сетевую литературу, Интернет-сети и т. д. Таким образом, образовалось обширное пространство для трансдисциплинарных исследований, где плодотворно трудится плеяда ученых-читателеведов, в том числе В. Я. Аскарлова, В. А. Бородина, Ю. П. Мелентьева, Н. Н. Сметанникова, М. А. Черняк и многие другие энтузиасты чтения. По словам В. А. Бородиной, в XXI веке произошел значительный прорыв в методологии, теории и практике читателеведения. Обоснованы новые научные направления, разработаны различные теории и концепции, предложены инновационные методики обучения чтению и читательского развития, проводятся конференции, издаются сборники статей, авторские и коллективные монографии. Но все-таки преобладает скорее инициативный, чем стратегически осмысленный подход²³². Особенно важна научно обоснованная стратегия неклассического российского Библиологоса для успешного развития библиотечно-информационного образования в России. В этой связи представляется интересной и перспективной разработанная на кафедре медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры концепция общего книговедения, сущность которой выражает формула «автор – письмо – текст – чтение – читатель»²³³. Коллектив

²³² Бородина В. А. Читателеведение: наука, образование, практика / науч. ред. Г. В. Варганова. СПб.: СПбГИК, 2018. 248 с.

²³³ Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Магистерский учебник по книговедению: основные проблемы и перспективы поготовки // Библиосфера. 2022. № 3. С. 5–16.

кафедры работает над медиалогическим воплощением концепции в виде магистерского учебника по книговедению в широком контексте гуманитарного знания.

Антропологические модели, сменявшие друг друга в процессе ноосферогенеза, формировались социально-коммуникационными институтами, к которым традиционно относятся: Церковь, все виды школьных и внешкольных образовательных учреждений, библиосфера, музеи. В XX веке к ним присоединились радиовещание, телевидение, Интернет. К сожалению, практики и теоретики социально-коммуникационных институтов, имея в виду образовательную, просветительскую, воспитательную, информационную функцию, никогда не ставили целью выращивание человека ноосферного, и поэтому социально-психологических моделей творцов и обитателей ноосферы у нас нет. Нужно их создавать. Главная трудность заключается здесь в противоречии Слова и Цифры, естественного Логоса и Искусственного Интеллекта, несогласованности книжной культуры и цифровой культуры

Прежде всего, живой ноосферный человек должен отличаться от роботов и киборгов тем, что он не только владеет определенным запасом прикладных знаний и умений, но и приобщен к *мудрости веков*, содержащейся в книжном наследии человечества. Культ книги и чтения, который неустанно проповедовал Николай Александрович Рубакин, должен пронизывать духовную жизнь ноосферы, а девиз «Да здравствует книга – могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость», начертанный на экслибрисе Рубакина, должен войти в образ жизни «человека читающего». Психология индивида, возвращенного в лоне цифровой культуры, оказывается деформированной иначе. Зависимость от цифровых систем постепенно подрывает способности людей к познанию, делая более трудным и поддержание внимания, и запоминание информации, и критическое мышление. Исследования показывают, что поток информации из Интернета перегружает мозг и одновременно уменьшает объем долговременной памяти. Дистанционное обучение, как показала пандемия коронавируса, резко снижает общий уровень и качество образования. Это отмечают и педагогическое сообщество, и учащиеся. Начиная с эпохи Просвещения, каждое новое поколение детей знало больше чем их родители, сейчас ситуация меняется на противоположную. Прогресс цифровых технологий превращается в когнитивный регресс человечества. Поэтому пора завершить наши

размышления о судьбе Российского Библиологоса – Книжного Разума нашего Отечества.

в) Жизненный цикл российского Библиологоса – Книжного Разума. Библиологос, как и всякое явление культуры, существует не вечно, а в течение определенного периода исторического времени, длительность которого зависит от потребностей человеческого общества. Если историю Российского Библиологоса представить в виде жизненного цикла, то можно выделить три последовательных стадии: 1) начальная стадия зарождения; 2) центральная стадия расцвета; 3) конечная стадия обновления культуры. Данные стадии присутствуют как в общечеловеческой культуре, так и в национальных культурах. *Зарождение книжной культуры* обусловлено природными антропологическими предпосылками, свойственными исключительно роду человеческому. В нашей первой думе, посвященной зарождению библиосферы и Библиологоса, мы подробно рассматривали начальную стадию Библиологоса. Вторая дума характеризует расцвет *классического Библиологоса* в Европе и в России, включая очарование античности, гуманизм просвещения, рационализм науки, пафос революций и иллюзии модерна. Неклассический Библиологос, испытавший соблазны информатизации и цифровизации, кажется мне *символом и сигналом закономерной смены* классического ансамбля российской книжной культуры новыми действующими лицами. В третьей думе представлены некоторые из неклассических субъектов, но целостный национальный Библиологос XXI века требует особого *футурологического* рассмотрения. Футурологический подход необходим потому, что Библиологос XXI века функционирует в составе гипотетической Ноосферы, которая, как утверждает четвертая дума, является, в соответствии с концепцией В. И. Вернадского, одной из стадий эволюции человечества. Мы не располагаем академическими футурологическими сценариями библиосферы грядущей ноосферы, поэтому ограничимся обращением к весьма популярному в наши дни научному бестселлеру израильского профессора **Юваля Ноя Харари**, скромно названному «Sapiens. Краткая история человечества»²³⁴. Процитируем некоторые из предсказаний и стратегических выводов Ю. Н. Харари.

Юваль Ной Харари, автор научного бестселлера «Краткая история человечества» начал свое исследование риторическим рассуждением:

---

²³⁴ Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2017. 520 с

«Последние полтысячелетия стали свидетелями захватывающей дух череды революций. Земля превратилась в единый экологический и исторический конгломерат. Экономика росла по экспоненте, и сегодня люди наслаждаются таким богатством, о котором раньше лишь в сказках рассказывали. Наука и промышленная революция наделили человечество сверхъестественной мощью и неисчерпаемыми источниками энергии. Полностью преобразился социальный уклад, изменились политика, повседневная жизнь, психология. Но стали ли мы счастливее? Можно ли отождествить то богатство, которое человечество копит уже пятьсот лет, со счастьем?»²³⁵. Автор приходит к выводу, что «мы стали намного могущественнее своих предков, но не стали счастливее их». Он называет политические, социальные, антропологические проблемы, препятствующие счастливому ноосферогенезу.

а) Политические проблемы. В XX веке главенствующим политическим идеалом был идеал национального государства: сувереном и источником всякой власти является народ, а высшая обязанность государства состоит в том, чтобы отстаивать интересы нации. Соответственно, появилась идея, что независимых государств должно быть столько же, сколько в мире народов. Но в XXI веке картина резко изменилась. Получила приоритет идея, что единственный законный источник политической власти – человечество, а не отдельный народ, и что основной целью политики должны быть отстаивание прав и защита интересов всего человеческого рода. В таком случае, существование почти 200 национальных государств – не стимул, а помеха развития человечества. Глобальные проблемы – потепление климата, таяние полярных ледников, дыры в озоновом слое, парниковый эффект, загрязнение мирового океана и др. также ставят под вопрос правомерность существования независимых национальных государств. Независимость современных государств все более размывается: государства не могут проводить самостоятельную экономическую политику, игнорируя требования глобальных рынков и интересы транснациональных корпораций, все более влиятельным становится международное общественное мнение и судебная система.

В XXI веке мировая война не будет нуждаться в живых солдатах. На смену огромным армиям прошлого столетия придут высокотехнологичные вооруженные силы, использующие дроны-беспилотники и киберчервей, а генералы будут доверять самые ответственные решения алгоритмам. Кибервойна может продолжаться всего несколько

²³⁵ Харари Ю. Н. Там же. С. 454.

минут. За секунды изошренная кибератака способна вывести из строя национальную энергосистему, уничтожить все центры управления, вызвать аварии на атомных станциях и радиационно-химических установках, стереть всю финансовую отчетность, так что триллионы долларов исчезнут бесследно, и никто уже не узнает, кто чем владел. Харари утверждает, что у нас на глазах создается Всемирная империя, и править ею будет не отдельное государство или этническая группа, а многонациональная элита, склеенная общей культурой и общими интересами. Какова она будет, эта общая культура? Ю. Н. Харари не уточняет. Зато он предсказывает существенные социальные и антропологические метаморфозы в зрелой ноосфере.

б) Социальные проблемы. В 2010 году всего два процента американцев были заняты в сельском хозяйстве и двадцать процентов в промышленности, тогда как более семидесяти процентов не были задействованы в производственной сфере. В XXI веке мы можем стать свидетелями появления многомиллионного неработающего класса: людей, лишенных какой бы то ни было экономической, политической и даже культурной ценности, никак не содействующих процветанию, силе и славе общества. Грядущее экономическое процветание позволит кормить и содержать эти бесполезные массы, не требуя от них ничего взамен. Этот «бесполезный класс» будет не просто неработающим – он будет неработоспособным. Чем же их занять, что они будут делать весь день? Один из вариантов – наркотики и компьютерные игры. Однако такое развитие событий нанесло бы смертельный удар либеральной вере в святость человеческой жизни. Что святого в бездельниках, дни напролет развлекающихся искусственными переживаниями? Поскольку мы не представляем, каким будет рынок труда в 2030 году, а тем более в 2040-м, мы уже сегодня не знаем, чему учить детей. Львиная доля того, что они сейчас изучают в школе, к их сороколетию утратит актуальность. Единственное, что останется человеку, который не хочет выпасть из обоймы, – всю жизнь учиться и достаточно часто переучиваться. Многим людям это будет не под силу. Возможно даже – большинству».

Харари предвидит «апгрейд (модернизация, совершенствование) неравенства» разделение людей на две *биологические касты*: массовая каста – большинство людей, утративших личностную идентичность и находящихся в подчинении внешней неорганической системе, которая принимает за них большинство важнейших решений, избавляя их от всех забот. Вторая *каста сверхлюдей* – малочис-

ленная привилегированная элита усовершенствованных (апгрейд) людей, которых система не сможет заменить. Эти сверхчеловеки будут обладать неслыханными способностями и беспрецедентным креативным потенциалом, что позволит им управлять миром. Однако подавляющее большинство людей не будут усовершенствованы и, следовательно, станут низшей кастой, подчиненной как компьютерным алгоритмам, так и новым сверхлюдям. Разделение человечества на биологические касты сокрушит основы либеральной идеологии, которая исходит из того, что все человеческие существа равноценные и равноправны, ведь переживания крестьянина, ютящегося в лачуге, не менее ценны, чем переживания миллиардера, живущего в роскошном дворце. Получается «постлиберальный мир» (т. е. «посткапиталистический мир»), в котором между усовершенствованным высшим классом и остальным обществом возникнет колоссальный разрыв в физических и умственных способностях.

в) Антропологические проблемы. На заре XXI века *Homo sapiens* начинает выходить за биологические пределы. Он отменяет законы естественного отбора, заменяя их законами разумного замысла. В биогенетических лабораториях по всему миру ученые создают живые существа. Возможно, это будет главная биологическая революция с момента появления жизни на Земле²³⁶. Намечаются три пути вытеснения естественного отбора продуманным дизайном: а) биоинженерия; б) создание киборгов (киборги – живые существа, сочетающие органические и неорганические части); в) создание неорганической жизни. Биоинженерия – продуманное вмешательство на биологическом уровне (например, имплантация генов). Генная инженерия открывает возможность создания совершенно новых организмов. Смешивая генный материал неродственных друг другу видов и даже создавая новые гены, каких сейчас нет, можно получить абсолютно новый зверинец. Но генная инженерия порождает череду этических, политических и идеологических проблем. В прошлом веке целью медицины было лечение больных. В XXI веке медицина будет перестраиваться на усовершенствование здоровых. Усовершенствование здоровых – проект элитарный: он отвергает идею универсального стандарта и ищет способы наделять избранных превосходной памятью, выдающимся умом, баснословной выносливостью и т. д. Борцы за права человека опасаются, что с помощью биоинженерии будет создан сверхчеловек, а все остальные люди станут его рабами.

²³⁶ Харари Ю. Н. *Sapiens. Краткая история человечества*. С. 482.

Киборг-инженерия – синтез существ из органических и неорганических частей, например, людей с руками роботов. Собственно говоря, все люди нынче киборги, ведь мы дополняем данные нам природой органы и функции различными приспособлениями: очками, кардиостимуляторами, слуховыми аппаратами, биопротезами и т. п. Самый революционный проект – попытка создать прямой двусторонний интерфейс «мозг-компьютер» который позволит компьютеру считывать электросигналы человеческого мозга, одновременно передавая понятные для мозга сигналы. С помощью такого интерфейса мозг человека сможет подключиться к банку коллективной памяти. Такой киборг уже не будет человеческим и даже органическим существом. В качестве искусственных небиологических существ котируются самообучающиеся программы, которые могут развиваться независимо от своего создателя и компьютерные вирусы – продукты компьютерной генетики. Головокружительный прогресс в таких областях, как геновая инженерия, регенеративная медицина и нанотехнологии, дает основание для проектов – победить смерть и подарить человечеству вечную молодость. Нет сомнения, что ноосфера инициирует очередной промышленный переворот, и супермаркеты будут занимать в наших городах целые кварталы.

Раздумья об экзотике российского Библиологоса хотелось бы, подражая молодому Пушкину, завершить самокритично и конструктивно. Напомню, что окончив первую главу «Евгения Онегина», Александр Сергеевич «пересмотрел все очень строго» и обнаружил в ней «противоречий много», но не стал ничего исправлять, рассчитывая на «славы дань: кривые толки, шум и брань». Надеюсь, что моя философско-культурологическая идея российского Библиологоса, изложенная в жанре творческих раздумий, достаточно противоречива, чтобы служить предметом гуманистических и технократических дискуссий интеллигентов-книжников, которым адресовано настоящее эссе. Мало того. Я не смог устоять против соблазна пригласить читателя-книжника в библиотечно-информационный храм на симпозиум, посвященный вековечной педагогической теме *«Опережающее образование»*.

Постскрипtum Опережающее библиотечно-информационное образование

Кажется бесспорным, что современное библиотечно-информационное образование – это то, чему учат, точнее, должны учить в библиотечной школе. Но здесь обнаруживается парадокс: *мы готовы для будущего по конспектам прошлого*. Дело в том, что всем образовательным институтам во все времена свойственен консерватизм, который заключается в том, что они ориентированы на воспроизведение прошлых достижений, а не на *опережающее образование*. В военных академиях заслуженные генералы обучают слушателей, как выигрывать сражения прошлых войн, а в библиотечно-информационной школе высококвалифицированные специалисты вчерашнего, в лучшем случае – сегодняшнего дня, излагают классические парадигмы, иногда – неклассические концепции, но не готовят студентов к встрече с будущим, потому что это будущее не известно ни педагогам, ни практикам, ни ученым. Причина проста: невозможно априори предусмотреть изменения в материальной и духовной жизни российского социума через десять – двадцать лет. Известно только, что отличник 2020 года в 2045 году значительно дисквалифицируется, ибо востребуются знания, умения, навыки, которым его не учили. В связи с этим в коридорах власти недавно возникла идея ограничить срок действия образовательных дипломов, ибо абсурдно выдавать дипломы «на всю жизнь». Правда, не менее абсурдно обсуждать всерьез «обнуление дипломов».

Чтобы определить, какие трансформации произойдут в XXI веке и как проложить путь в ноосферу, требуется провести достаточно обширные прогностические исследования в области библиофутурологии – учения о будущем библиосферы и библиотечной профессии, которые фактически не начинались. Почему? Потому что стратегия и тактика национального Библиологоса определяются либо законодателями, руководствующимися принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», либо чиновниками-технократами, страдающими недугом «библионигилизма». Реформы высшего и среднего образования, учиненные в начале XXI века (введение бакалавриата и магистратуры, стандартизация учебного процесса и т. д.), не внушают оптимизма. Кроме того, в эпоху Интернета, цифровой экономики и искусственного интеллекта формируется поколение

молодежи, игнорирующее ресурсы книжной культуры, сотворенные Библиологосом. Ментальность и ценностные ориентации субъектов экранной культуры отмечены релятивизмом, в том числе и моральным, включая смысл жизни.

Чтобы несколько сгладить педагогический консерватизм, предусмотрительные мыслители выдвинули концепцию *опережающего образования*, изложенную, например, в учебном пособии «Педагогическая антропология», которое подготовил академик Российской академии образования *Б. М. Бим-Бад*²³⁷. Апеллируя к закономерностям цивилизационной и даже космической эволюции, основоположник философии информации и ноосферологии в нашей стране *Аркадий Дмитриевич Урсул* (1936–2020) обосновал идею *футуризации образования*²³⁸. Проблематика опережающего образования имеет отраслевую специфику и нуждается в особом рассмотрении в различных отраслях знания. В частности, стратегической задачей библиотечно-информационной школы нашего времени является формирование *нового поколения библиотечной интеллигенции*. Дидактику решения этой задачи в XXI веке затрудняет тот факт, что в сознании большинства классических педагогов господствует эмпирический опыт, поэтому абстрактное «опережающее образование» им кажется чуждым и непонятным. Тем не менее, не углубляясь в многообразие педагогических проектов, представим два альтернативных конспекта воспитания человека будущего, которые назовем условно «трансгуманистическая утопия» и «гуманитарное образование».

Конспект *трансгуманистической утопии* предусматривает замену архаичных библиотекарей новейшим искусственным интеллектом. Теоретической базой данной утопии служит концепция *трансгуманизма* (гуманологии), которая помещает человека в перечень возможных форм разума рядом с гуманоидами, киборгами, роботами. В трансгуманистическом контексте человечество трактуется как одна из фигур ноосферы, постепенно вытесняемая искусственным интеллектом на ее периферию. «Вслед за природой и человек будет все более восприниматься в модусе редкости, как замкнутый биоценоз, встроенный в более могущественную техни-

---

²³⁷ Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология: учебное пособие. М.: Изд-во УРАО, 1998. 576 с.

²³⁸ Урсул А. Д. Процесс футуризации и становления опережающего образования // Педагогика и просвещение. 2012. № 2. 20–33.

ческую среду. Такие заповедники, или натуральные музеи человеческого, будут принимать самые причудливые формы, как компьютеризированные островки давно прошедшей естественной цивилизации»²³⁹. В среде электронных телекоммуникаций и искусственного интеллекта книга превратится в коммерческий раритет, а библиотеки трансформируются в культурно-исторические музеи или интернет-кафе.

Наиболее отважные из авторов утопий предвидят симбиоз нанокomпьютера и мозга путем вживления в мозг нанокибернетических устройств. Ясно, что «кибернетическому организму», т.е. *киборгу*, никакие книги и библиотеки не нужны, ему не потребуются ни школа, ни университет, ни СМИ. Лишь в утопических «натуральных музеях», по-видимому, будут экспонироваться киборгам и гуманоидам в качестве информационных курьезов книга, библиографический указатель и интеллигентный *homo legens*. Школьным и детским библиотекарям придется переквалифицироваться и вместо руководства чтением подрастающего поколения заняться вживлением нанобиоинформационных мозгов демонам-киборгам. Получается не фантастическая идиллия, а сюрреалистический кошмар, глобальный «постчеловеческий» информаторий, информирующий о самом себе самого себя. Ясно, что подобная альтернатива библиотечно-информационного образования может понравиться только библионигилистам, одной из мутаций неклассического Библиологоса.

Конспект *гуманитарного образования* является антиподом библионигилистических проектов и естественной альтернативой трансгуманистическим утопиям. В этом педагогическом конспекте представлены вечные рациональные и этические ценности, отличающие со времен антропологической революции эпохи Возрождения гуманиста-гуманитария от необразованных обывателей. Авторитетный философ-культуролог **Вадим Михайлович Межуев** в одной из своих публикаций воспроизвел основные смыслы конспекта гуманитарного образования²⁴⁰. Весьма выразительна дефиниция: «Гуманитарий – создатель и хранитель национальной традиции книжной культуры, он представляет в своем лице и тех, кто создает эти тек-

²³⁹ Эпштейн М. Гуманология // Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 607–608.

²⁴⁰ Межуев В. М. Гуманитарные науки и образование // Межуев В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 78–91.

сты (писателей, поэтов, философов) и тех, кто их толкует (филологов, историков, литературоведов, полииков». Цель гуманитарного образования, по мнению Вадима Михайловича, состоит в том, чтобы духовно образовать человека, подготовить к самостоятельному мышлению и творчеству. Именно гуманитарное образование позволяет людям услышать других и быть услышанными другими, а средства современной электронной коммуникации и связи сами по себе, без соответствующей гуманитарной подготовки людей не смогут обеспечить духовное единство человечества, – уверяет В. М. Межуев. Единственный способ приобщения к подлинной культуре – гуманитарное образование, способное вооружить человека не просто знанием, но способностью к самостоятельному мышлению, умением отбирать в мире информации нечто ценное и нужное, отделять истину от заблуждения, добро от зла, красоту от уродства. Поэтому очень важно сохранять гуманитарную науку и образование, – делает вывод философ-гуманитарий²⁴¹. Таким образом, соглашаясь с доводами В. М. Межуева и безусловно отвергая технократический утопизм, приходим к заключению, что *необходимо сохранить традиционные гуманитарные ценности* в конспекте опережающего библиотечно-информационного образования. Но достаточно ли этого для утверждения ноосферной цивилизации в России XXI века? Конечно, нет!

Помимо традиционных гуманитарных ценностей в содержании опережающего образования не вчерашнего, а завтрашнего дня, должны занять свое место новые культурные ценности, обеспечивающие формирование *нового поколения библиотечной интеллигенции*. Настоящее эссе раздумий о российском Библиологосе хотелось бы считать конспектом опережающего библиотечно-информационного образования, включающего следующие нетрадиционные разделы:

– *Теоретический раздел*. Впервые в библиотечно-книговедческих науках предложена для обсуждения Идея Библиологоса как творца библиосферы. Библиологос определяется как единство производительной силы в виде социальной группы интеллигентов-книжников и созданного ими научного и практического знания.

– *Исторический раздел*. Предложена периодизация эволюции Библиологоса, включающая четыре периода: доклассический, классический, неклассический, постнеклассический. Показана роль ан-

---

²⁴¹ Там же. С. 87–91.

тропологических, интеллектуальных, промышленных революций в эволюции книжной культуры.

–*Научный раздел.* Библиологос является объектом межнаучного исследования, включающего эмпирический, теоретический, философский уровень. В познании Библиологоса различаются три научные традиции, конкурирующие и дополняющие друг друга: документологическая традиция Поля Отле; медиалогическая традиция Маршалла Маклюэна; ноосферная традиция В. И. Вернадского.

–*Стратегический раздел.* Развитие российской библиосферы происходит в соответствии с стратегическими планами и культурной политикой страны. Библиологос является стратегическим ресурсом национальной безопасности. Необходима разработка научно-философской стратегии развития Библиологоса.

–*Методологический раздел.* Книжная культура – необходимая основа национального самосознания и общечеловеческой культуры. Поэтому библиотеки и библиографические центры представляют собой не просто социально-культурные учреждения, а *гуманистический оплот нации*, необходимый для предотвращения самоубийственной моральной деградации информационного общества риска.

–*Педагогическое использование.* При условии соответствующей дидактической доработки настоящее эссе может быть опубликовано как учебное пособие по опережающему библиотечно-информационному образованию во славу российского Библиологоса.

М. Н. Колесникова
Доктор педагогических наук, профессор
Заведующая кафедрой библиотековедения
и теории чтения
Санкт-Петербургского государственного
института культуры

«Думы о Библиологосе – Книжном Разуме» – это произведение, отражающее результат многолетнего увлеченного исследования Аркадием Васильевичем Соколовым феномена библиосферы и ее производительной силы – Библиологоса.

Новая работа является не первой в ряду посвященных теме Библиологоса. Ранее были опубликованы теоретико-методологические статьи «Библиологос и библиотечно-информационное образование» (Научные и технические библиотеки. 2020), «Типология революций и Библиологос» (Библиосфера. 2021), «Рождение Библиологоса (к 100-летию Института книговедения)» (Библиотековедение. 2021) и другие. В каждой из них интерпретировалась идея целостности и уникальности человека как личности и человечества как космического субъекта, воплощенная в Книжном Разуме. В присутствии автору стиле заинтересованного диалога с читателем, приглашения к совместной рефлексии, обязательных экскурсов в историю, литературу, философию, социологию, информатиологию и др., рождаются ответы на вопрос: что же такое Библиологос, в чем его значение и его будущее для нас?

Соответственно, автор выстраивает план диалога в следующих разделах: Предупреждение; Зарождение библиосферы и Библиологоса; Классический Библиологос в Европе и в России; Неклассический Библиологос; Ноосфера и стратегии Библиологоса; Постскрипум.

Предупреждение содержит расшифровку терминологии, использованной в эссе, объяснение методологического подхода на основе «былинно-творческого жанра» (думы) («учитывая экзотичность Библиологоса»), отсылки к таким гигантам мысли как Иммануил Кант, Карл Поппер, Василий Сопиков, аргументацию актуальности концепции Библиологоса в контексте геополитических задач современности, тезаурус ключевых слов, необходимых для описания и познания Библиологоса. Так задается старт последующей эстафете концептов и аргументаций

Первый раздел эссе – описание и анализ первого хронологического этапа развития Библиологоса. А. В. Соколов выявляет биологические и археологические предпосылки мифологии как функции социализации и функции самосознания. Затем автор и читатель мысленно погружаются во времена неолитической революции, «осевого времени» (определение К. Ясперса), зарождения библиосферы как письменной культуры, что необходимо для логичного перехода к времени античности и времени антропологической революции, начатой изобретением Гутенберга и открывшей «эпоху классического Библиологоса». Поэтому второй раздел эссе – следующая «Дума» уже посвящена становлению классического Библиологоса.

Здесь отражено время и пространство классической научно-философской рациональности (XVII – начало XX в.). Автор берет на себя «нетривиальную задачу» объяснения «научной идеи» Библиологоса. Им предлагается следующая философско-культурологическая формулировка: *Библиологос – научная Идея, нацеленная на создание в цивилизованной логосфере междисциплинарного синтеза философского знания о человечности и культурологического знания о книжности.* Любая научная формулировка требует обоснования и, безусловно, оно присутствует в дальнейшем повествовании. Каждое использованное понятие операционализируется ученым, чтобы в конце концов родились три дефиниции Библиологоса, которые нетривиальны, конструктивны, эмоциональны и жизнеспособны. В последующих параграфах исследуется взаимосвязь революционных, экономических, социальных, технологических изменений в жизни цивилизации и жизни книжной культуры, переживающей три последовательных стадии: 1) начальная стадия зарождения; 2) центральная стадия расцвета; 3) конечная стадия трансформации культуры. Обратим особое внимание на п. 2.3 о российском «сегменте» классического Библиологоса, где А. В. Соколов говорит о роли в его становлении таких мыслителей как Л. Б. Хавкина, А. М. Ловягин, Е. И. Шамурин, О. С. Чубарьян и других советских интеллигентов-книжников следующих генераций. Здесь вновь, как во многих работах А. В. Соколова о гуманизме, приводятся формулы интеллигентности и формулы интеллектуальности, которые сопрягаются с «моделью идеального русского интеллигента по эскизу академика Лихачева», нисколько не противоречащей названным формулам.

Третий раздел эссе – «Неклассический Библиологос» – переносит читателей в конкурентный мир коммуникационных средств, в кото-

ром книжная культура – только часть, и не всегда рассматриваемая как самая главная в реалиях рыночной экономики, информатизации и цифрового общества. А. В. Соколов в своих трудах неоднократно высказывался об антикнижности информационного общества, чрезмерном увлечении человечеством электронной коммуникацией, о его дегуманизации, расчеловечивании и т. д. Он настойчиво пишет об этих угрозах грядущей цивилизации, которая однозначно будет «техногенной и равнодушной к таинству человеческой души и уникальности человеческой личности», замененных искусственным интеллектом, антропоморфными роботами, Интернетом вещей и т. п., ведущих в итоге к трансгуманизму как началу эволюции человека в формы Киборга, Сверхчеловека, Постчеловека. Опасения ученого разделяют многие ответственные исследователи, отвергая замену человека «роботами, компьютерными программами и другими автоматическими решениями». Автор ссылается на Я. Л. Шрайберга, также утверждающего, что «роботизация», симулирующая действия библиотечных работников, – это профанация сущности библиотеки как средства гуманизации (одухотворения) социума. Робот не может выражать сущность библиотеки, поскольку эта сущность *человечна*.

В четвертом разделе эссе Библиологос вписывается в Ноосферу – гипотетическое будущее взаимодействие природы и общества на планете Земля, в котором главная роль принадлежит человеческому разуму (концепция В. И. Вернадского). Идея ноосферы остается дискуссионной в научном мире, но в гуманистичности, оптимизме и притягательности ей отказать нельзя. По крайней мере, такая перспектива для будущего цивилизации более привлекательна, чем оцифровка человека и превращение его в компьютер с заданными алгоритмами, хоть и в нестареющей оболочке. В параграфах раздела А. В. Соколов вновь обращается к истории российской книжности, рождения различных концепций библиотековедения, библиографоведения, книговедения, их синтезу и поиску метатеории этих родственных дисциплин в русле документологической, медиалогической, ноосферной традиций. Завершением авторской интенции становится объяснение идеи Библиологоса – Книжного Разума как стратегического ресурса ноосферогенеза.

Неоднозначность, инновационность трактовок и суждений, высказанных в рецензируемом библиологическом эссе, безусловно, может быть «предметом гуманистических и технократических дискуссий», чего ждет, собственно, и сам А. В. Соколов. Если конфликты

мыслей – движущая сила науки, а непреходящее единомыслие – путь в тупик, то с этой точки зрения, работа ученого играет неоценимую роль в побуждении профессионального сообщества к философским и футурологическим осмыслениям, исследованиям и разработкам. Кроме того, для преподавательского корпуса особенно важен постскрипtum эссе об опережающем библиотечно-информационном образовании, о выборе его дальнейшего пути. Наш долг, призывает ученый, найти приемлемые решения для выхода из кризиса современного библиотечно-библиографического социального института, найти в нем место новым культурным ценностям, обеспечивающим формирование нового поколения библиотечной интеллигенции.

Завершая рецензию, подчеркнем, что труд А. В. Соколова обладает актуальностью, концептуальностью, теоретико-методологической основательностью, профессионально-мировоззренческой значимостью. В библиотечно-информационной науке фундаментальные философско-культурологические труды такого масштаба появляются крайне редко. Их значение не только непреходяще, но и будет возрастать со временем, что несомненно в контексте тех глобальных процессов, которые в начале XXI века только набирают силу.

*Н. К. Леликова
доктор исторических наук,
заведующая Отделом библиографии
и краеведения Российской национальной
библиотеки, Санкт-Петербург*

К идее Библиологоса Аркадий Васильевич Соколов, которого мы всегда знали как создателя социальной информатики, пришел в своих трудах последних лет: 2020–2022 гг. Наиболее законченное воплощение эта идея получила в книге «Думы о Библиологосе...».

Слово «Библиологос» – неологизм, он отсутствует как в лексиконах современных наук, так и в обыденной речи. Правда, значение этого словосочетания нетрудно расшифровать: «библион» в переводе с греческого – это «книга», мы встречаем этот концепт в общеизвестных словах «библиотека», «библиография», а древнегреческое слово «логос», которое имеет много значений, это – «слово», «разум», «суждение». Библиологос – «книжный разум», точнее – «книжная разновидность разума», то есть «разум мира книг».

Определяя понятие «Библиологос», А. В. Соколов подчеркивает двой-ственность «книжного разума», которая символизирует единство противоположных субстанций – «материи» в виде материального предмета «книга» и «духа» в виде идеального предмета «разум».

В качестве рабочего определения автор предлагает такую формулировку: «Библиологос – коллективный разум исторически стабильной общности людей, пишущих и читающих книги и непосредственно участвующих в производстве, преобразовании, сохранении и распространении произведений письменности и полиграфии». Следовательно, субъектами коллективного книжного разума у автора являются профессионалы книжного дела (библиотекари и библиографы, прежде всего, и те, кто обучает библиотекарей и библиографов), государственные и коммерческие деятели, библиофилы, инженеры-полиграфисты, читательский актив.

Книга А. В. Соколова отражает междисциплинарное фило-софско-культурологическое знание зарождения и динамики развития библиосферы (мира книжной культуры) и «книжного разума» (Библиологоса) в истории человечества и в цивилизационной истории культуры России. В качестве научной идеи Библиологос понимается как производительная сила коллективного разума, обеспечивающая создание, развитие, использование библиосферы.

В книге рассмотрены биологические и археологические предпосылки возникновения книжной культуры и периодизация развития Библиологоса с античности до XXI века. Особое внимание уделено становлению классического Книжного разума в век Просвещения и формированию литературоцентризма русской интеллигенции.

Внимательно анализируются проблемы взаимозависимости библиосферы и информационно-цифровой сферы и выдвинутые в наши дни библиотечно-информационные стратегии глобального, национального и отраслевого масштаба.

Оригинально, но точно определен и жанр книги: «библиологические эссе». Термин «библиология» как «знание, учение о книге» широко использовался российскими учеными – классиками в области книговедения первой половины XX века (А. М. Ловягин, М. Н. Куфаев и другие). Затем это понятие было утрачено, но в наши дни следует вновь к нему обратиться, тем более что оно точно отражает научный смысл концепции А. В. Соколова.

Очевидно, что книга А. В. Соколова имеет большое и научное, и популяризаторское значение, продвигая к будущим специалистам в области культурологии идеи книжной культуры, в которых автор видит залог гуманизации человеческой деятельности.

Книга, несомненно, вызовет большой интерес и среди уже признанных специалистов, и среди тех, кто только постигает азы профессии.

Научное издание

А. В. Соколов

**ДУМЫ О БИБЛИОЛОГОСЕ –
КНИЖНОМ РАЗУМЕ**

Библиологическое эссе

Верстка А. С. Шитовой
Дизайн обложки Е. А. Соловьева
Выпускающий редактор А. С. Шитова

Подписано в печать 15.02.2023. Формат 60 x 90^{1/16}.
Усл. печ. л. 11. Уч.-изд. л. 11. Тир. 500 (1-й завод 1–100). Зак.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский гос. ин-т культуры»
191186, Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 2. Тел. 8(812)318 97 16
Отпечатано с готового оригинал-макета в цифровом центре СПбГИК
191186, Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 2. Тел. 8(812)318 97 16